

Софья
Авериева

ДНЕВНИК
разведчиков

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

«Дневник разведчицы» — книга о Великой Отечественной войне. Ценность ее — в документальности, достоверности событий и фактов. На страницах «Дневника» актриса Ярославского театра им. Ф. Волкова Софья Аверичева, бывшая разведчица Ярославской коммунистической дивизии, вспоминает фронтовые дороги и своих боевых товарищей, рассказывает о их стойкости и мужестве, раскрывает высокие моральные качества советского солдата.

- [Софья Аверичева](#)
 - ☐
 - ☐ [Несколько слов об авторе](#)
 - ☐ [Год 1941](#)
 - ☐ [Год 1942](#)
 - ☐ [Год 1943](#)
 - ☐ [Год 1944](#)
 - ☐ [Иллюстрации](#)

Софья Аверичева

Дневник разведчицы

СОФЬЯ АВЕРИЧЕВА

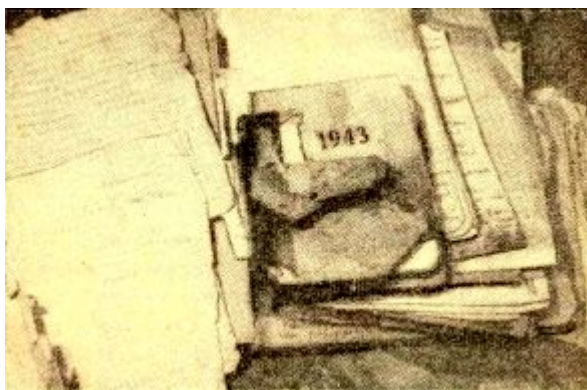
Дневник разведицу

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯРОСЛАВЛЬ 1966

Литературная редакция М. Лисянского

Несколько слов об авторе

Дневник Софьи Аверичевой — суровая и достоверная повесть человека, избравшего в незабываемые дни Великой Отечественной войны одну из самых отважных и самых опасных военных профессий — профессию разведчика.

Молодая актриса театра имени Волкова уходит добровольно на фронт. Может, она не любит театр, может, неудачно складывается ее судьба как актрисы? Нет, Соня Аверичева так любила театр, что в семнадцать лет поступила шофером в театр рабочей молодежи на Дальнем Востоке. Там и начался ее сценический путь. А в двадцать три года в Ростове-Ярославском она уже сыграла Нору в пьесе Ибсена «Нора».

Аверичева справилась с этой сложной ролью и после фестиваля театров области была переведена в театр имени Волкова. Здесь ей поручают ответственные роли, такие, как Луиза в шиллеровском «Коварстве и любви», Анна в горьковских «Варварах», Ирина в «Трех сестрах» Чехова, Машенька в пьесе Афиногенова «Машенька». В течение трех лет Соня Аверичева завоевывает признание и любовь ярославцев, о ней пишут в газетах как о талантливой актрисе.

И вот война. Аверичева поступает на курсы мотоциклистов с тем, чтобы попасть в моторазведывательную роту. Она преодолевает все препятствия и добивается своего. По велению сердца идет туда, где всего трудней и опасней, где решалась судьба нашей страны.

Так случилось, что мы оказались в разных дивизиях, но на одном Калининском фронте. Соня — в Ярославской 234-й дивизии, я — в Ярославской 243-й. Помню, как в нашу дивизию дошла весть: Аверичева — разведчица, взяла «языка». Все мы,

ярославцы, очень за нее волновались, тревожились о ней. Не дай бог, попадет в лапы гитлеровцев!

До окончания войны Аверичева воевала в Ярославской дивизии, сначала бойцом-разведчиком, затем автоматчиком, дважды была ранена, заслужила восемь правительственных наград — от медали «За отвагу» до ордена Красного Знамени!

Актриса, коммунистка, разведчица, она прошла с честью трудной фронтовой дорогой и вернулась в свой родной Ярославский театр.

Обо всем этом и рассказывает дневник, который разведчица Софья Аверичева. вела в перерывах между боями, и в блиндаже, и в окопе, и в разбитой хате, и в землянке, и в лесу, и в госпитале.

Я держал в руках эти чудом уцелевшие записные книжки, разрозненные листки, потемневшие от солдатского пота и крови. В них запечатлены страницы боевой истории Ярославской коммунистической дивизии, великое время и бессмертное мужество нашего народа.

Марк Лисянский

20-е июня.

Пароход идет из Костромы в Рыбинск. Закончились наши гастролы в Костроме. Волжская ночь, тихая и лунная. Теплый речной ветерок. Настроение у всех приподнятое. Танцуем на палубе. Пассажиры недовольны. Потом узнают, что мы актеры Волковского театра. Все выходят на палубу. Перезнакомились.

Приглашают наперебой, говорят всяческие комплименты. Костя Копеин даже пиво не пьет. Танцует со мной Митя Аборкин, потом Сережа Тихонов.

Все они милые ребята, каждый по своему хорош. Товарищи, заботливые и щедрые. В обиду никогда не дадут. Сережа Тихонов все смотрит на меня и молчит, а когда начинает говорить, бледнеет и заикается.

Музыка и танцы. Мне кажется, что мы где-то в безвоздушном пространстве, такая легкость. И на душе чудесно!

21-е июня.

Вот и Рыбинск. Разместились по квартирам. Завтра открытие гастролей. Сбор труппы в одиннадцать часов дня во Дворце культуры.

22-е июня.

Война! Мы о ней знаем только по книгам и кинофильмам. Даже в песнях говорилось, что если будем воевать, то на чужой территории. А немцы с четырех часов утра топчут нашу советскую землю.

Здесь, в Рыбинске, не верится, что где-то уже льется кровь.

Коллектив театра весь в сборе. Начался митинг. Выступает артист Стагронский: «Враг не пройдет даль ше!» — читает Маяковского. Артистка Чудинова: «Не будет гранат, камнями будем драться». Артист Политимский: «Встанем все, как один, на защиту отечества!»

Хорошие, верные слова. Но почему так много пафоса, а глаза испуганные, растерянные, тревожные?

Вечером, на открытии гастролей, в огромнейшем зале Дворца культуры 18–20 человек. Открыли занавес. От пустого зала стало на душе холодно. Война! За кулисами все ходят на цыпочках и говорят шепотом. Война!

23-е июня.

Ночь не сплю. Утром чуть свет бегу к Дворцу культуры, там репродуктор. На душе тревожно.

Около Дворца ни души. Репродуктор молчит. Сажусь на ступеньки огромной террасы, около колонны. Репродуктор молчит. Что же дальше? Как жить? Играть Нину в «Маскараде»? Произносить со сцены никому не нужные слова!

Подходят группами рабочие, закуривают. Садятся рядом. Репродуктор молчит. А рабочие все подходят, подходят. Наконец передают сводку Информбюро.

Немцы на нашей земле. Шагают, топают сапожищами... Идут ожесточенные бои. И опять, уже в который раз, я твержу про себя: «Да нет же, нет! Не может этого быть! Это какая-то страшная ошибка. Почему так внезапно, как снег на голову?» Это как дурной сон, кошмар. Хочется проснуться, открыть глаза и увидеть веселые лица, увидеть жизнь — обыкновенную, нет, необыкновенную, чудесную жизнь, какая была два дня назад.

28-е июня.

Каждый день я бегаю к репродуктору. Сводки неутешительные. Днем работа идет своим чередом. Репетируем «Маскарад». Нину играет Александра Дмитриевна Чудинова, я с ней в очередь. Она частенько заставляет режиссера репетировать со мной, а сама сидит и смотрит. Раньше я бы ей была благодарна от всей души, но теперь... Вот сегодня не могла дождаться конца репетиции. Хочу пойти на сборный пункт, откуда отправляют молодежь на фронт.

Прочла в «Правде» статью о фашистских злодеяниях в Сербии, Чехии, Польше. В Румынии — забастовка в связи с вывозом продовольствия в Германию. В Польше евреи согнаны в специальные районы, за колючую проволоку. В Лодзи — 250 тысяч, в Варшаве — 500 тысяч. Фашистская Германия — концентрационный лагерь!

1-е июля.

Вот и июль. Гитлеровцы захватили Литву, часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Авиация фашистская бомбит Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь.

И над Рыбинском пролетели фашисты. Мы стояли на посту. Мой, пост был на крыше Дворца, но ничего страшного не произошло.

3-е июля.

Прибежала утром к Дворцу культуры. Рабочие уже слушали выступление Сталина. Речь его, как всегда, нетороплива, но в голосе слышится тревога, волнение. Рабочие стоят суровые,

сосредоточенные. Среди этих людей чувствуешь себя как-то увереннее. Один пожилой рабочий, обняв паренька, глухо проговорил:

— Ну, что ж, сынок, надо — так надо, воевать — так воевать!

Все разошлись. Осталась одна. Сажусь на крыльце Дворца и все повторяю: «Надо — так надо, воевать — так воевать!»

4-е июля.

Гастроли оборвались. Вчера в три часа ночи вернулись в Ярославль, а утром я пошла в райвоенкомат, подала заявление с просьбой направить меня на фронт.

Работник военкомата говорит усталым голосом: «Эх, девушка, у нас тысячи заявлений, все просятся на фронт. А работать-то кто же будет? Заявления девчата пишут такие, что мурашки по коже... Ладно, оставьте и вы свое».

10-е августа.

Открыли новый сезон премьерой «Парень из нашего города». Судьба и поступки героев пьесы К. Симонова сейчас особенно близки и понятны всем. Переполненный зал Волковского гудит и рукоплещет.

20-е августа.

В театре организуется народное ополчение. Все мужчины должны пройти боевую подготовку. Уговорила взять и меня в стрелковый взвод. Я в отделении нашего молодого режиссера Семы Оршанского. Дали мне из костюмерного синий комбинезон, сапоги и берет. По утрам, до репетиции, ползаем, бегаем. Изучаем материальную часть винтовки, пулемета, но все это, мне кажется, как-то не всерьез. Самодеятельность какая-то. Идет война, такая страшная, жестокая. А мы тут... Неужели не понятно, что надо действовать, действовать там! Ну чего мы ждем, и чему мы тут научимся! Ведь каждый день дорог. Каждый день (а может, и час) уносит тысячи жизней. С каждым днем враг все ближе к Москве, к Ярославлю — страшно подумать!

Подала заявление в партию. Хочу быть в эти трудные дни коммунистом. Но заявление мое не разбирают, никто со мной об этом не говорит. Конечно! Что я сделала такого, чтобы меня приняли в партию, членом которой был Ленин!

26-е августа.

Сегодня я познакомилась с двумя маленькими поклонницами. Узнали адрес, пришли ко мне домой. Просят фотокарточку, но у меня ее не оказалось: не очень люблю сниматься, да и с деньгами туговато. Приходу девочек рада. Очень славные, особенно младшая, Гетта Егорова. Читает Лермонтова и даже Маяковского.

30-е августа.

Из военкомата никакого ответа. Что же делать?

В театре народу битком. 27 августа, в среду, играли «Парня из нашего города» в фонд обороны страны! Концерты для армии ежедневно. Дежурим в госпиталях. За нами, актерами, закреплены две палаты тяжелораненых. Во Дворце пионеров, во многих школах города — госпитали.

Ночью я вышла на балкон и увидела: в школу № 4, ставшую теперь госпиталем, привезли раненых. Сегодня особенно большой поток. Одеваюсь, бегу на помощь медсестрам — все равно не уснуть. Медицинские работники к нам привыкли и относятся как к своим. Помогаю выносить раненых из машин. А машины идут и идут. Коридоры, комната приема — полны. Лекарства. Тяжелый запах гниющих ран. Все просят: пить! пить! Подхожу с чайником то к одному, то к другому. Предо мною настоящие фронтовики, первые наши герои, все они кажутся родными, близкими, каждому хочется помочь, утешить, приласкать...

Здесь все виды войск. Вот и партизан. Молоденький мальчишка, без сознания, лицо желтое. Записываю номер палаты. Завтра, если он доживет до завтра, приду к нему, буду сидеть около него, выхаживать. Только бы остался жив.

Увидела столько горя, столько страдания! И всю ночь меня не покидало какое-то странное, тревожное чувство — чувство вины перед этими людьми. Хожу тут, молодая, здоровая, а ведь могла быть рядом с ними там, в бою. Я знаю, что смогла бы.

1-е сентября.

Надеваю свое лучшее платье, новое пальто, сшитое перед войной, сбиваю повыше белобрысый чуб и иду в облвоенкомат.

Около театра встречаю наших актеров Володю Митрофанова и Дмитрия Аборкина. Они тоже идут в военкомат. Надо же, такое совпадение!

Почтенный военком внимательно выслушивает моих спутников, а потом, повернувшись ко мне и устало окинув меня взглядом, спрашивает: «Ну, а вам что, барышня?» Я волнуюсь, объясняю, говорю о своей обиде: на мое заявление до сих пор нет ответа.

— А военная специальность у вас есть? Что вы намерены делать в армии?

— Шофером была на Дальнем Востоке, лет девять тому назад.

— Так вот, приобретайте специальность, тогда и приходите.

Прямо из военкомата бегу в автомотоклуб. Там открываются курсы мотоциклистов. Идет набор. Подаю заявление.

Ах, как я понимаю мальчишек, убегающих на фронт! Сесть бы в любой эшелон (а их так много проходит через наше Всполье) — и конец всякой волоките. Никаких заявлений, никаких ожиданий

«решения вопроса».

20-е сентября.

Уже идут ожесточенные бои под Киевом. Занятия на курсах мотоциклистов проходят регулярно. В театр по-прежнему не достанешь билетов. Сережу Тихонова взяли в армию. Ушел на фронт и Семен Оршанский.

С питанием все хуже и хуже. Черный хлеб, чечевичный суп без мяса. У меня часто кружится голова. С утра обливаюсь холодной водой, закаляюсь, чтобы легче было на фронте. А в пять часов ежедневно выезжаю за город на клубном драндулете-мотоцикле.

Ужасная штука наш клубный драндулет, одно мученье. Собирали мы его, тщательно ремонтировали, а все равно одна тоска. Каждый раз приходится минут тридцать тратить, чтобы завести.

Вот и сегодня лишь после долгих усилий мотор заработал, с выстрелами и чиханием. Сажусь, включаю скорость, мотоцикл подсакивает и делает прыжок. Шипит, ухает, тарыхтит, гудит, дымит, но движется вперед. А следом мальчишки со всей улицы. Включаю третью скорость, вырываюсь из «окружения», мчусь по улицам моего родного Ярославля.

Но вот несчастный начинает потихоньку вздрагивать, пищать, визжать, биться, как в лихорадке и... останавливается. Прочищаю, продуваю. Просматриваю зажигание, нажимаю рычаги и рычажочки. Никакой жизни. Опять толпа ребятишек. Откуда они только берутся? Окружают, дают советы. Толкаем все вместе, дружно — не помогает. Сажусь на него верхом, ребята тащат меня вместе с мотоциклом. Вдруг он вздрагивает и с прискоком делает рывок. Под дружное улюлюканье ребят вырываюсь на простор. Мальчишки смеются. Вид у меня, пожалуй, забавный: лицо, руки, комбинезон — в мазуте.

21-е сентября.

Сегодня, как и вчера, случилась такая же беда с мотоциклом на улице Волкова. И тут среди мальчишек появилась группа летчиков. Все вместе принялись мне помогать. Спасибо моему драндулету, на этот раз он не долго капризничал. Я облегченно вздохнула и помчалась. Слышу, меня догоняют. Обернулась: летчик на мотоцикле. Газую до отказа, но этот тип перегнал и начал вокруг гарцевать. Ему легко, у него ИЖ-9, а у меня несчастный гибрид фабрики «Красный Октябрь». Даже настраение испортилось. Добралась до гаража и заявила начальнику клуба, что наш мотоцикл — позор!

25-е сентября.

Теорию сдала на «отлично». Практические экзамены проходят

на Советской площади. Один за другим сдают ребята. Вот и моя очередь. Волнуюсь, как перед выходом на сцену. Сажусь, мотор работает чудесно. Это тебе не «Красный Октябрь»! Плавно включаю скорость, постепенно прибавляю газ. Убыстряю ход и точненько по линиям вывожу фигуры, начерченные мелом. Остается самая сложная — восьмерка. Сосредоточиваю все внимание, машина идет легко, плавно. Урра-а! Вот и восьмерка. Выезжаю из круга фигур и мчусь по площади. Делаю последний большой круг. Подъезжаю к комиссии.

— Отлично! Поздравляем.

26-е сентября.

Встаю чуть свет, одеваюсь, бегу в нашу фотомастерскую. Еще рано. Жду. Открыли в восемь. Сфотографировалась. Получаю еще мокрые снимки, бегу в автоинспекцию. Наконец долгожданное удостоверение у меня в руках. Мчусь в облвоенкомат. Но уже поздно, все разошлись.

Я подумала о том, что вся жизнь моя — ожидание! Живу, играю на сцене, работаю дома, дежурю в госпиталях, выезжаю с концертами. Но главное сейчас — ожидание ответа из военкомата.

28-е сентября.

Сегодня воскресенье. Дали мне записку в гараж обкома партии. Взяла мотоцикл и в четыре утра выехала за город, по Костромской дороге. Возвращаясь домой, размечталась... Возьмут меня в армию. Буду связистом-мотоциклистом. Повезу донесение, а фашисты за мной. Нажму на гашетку, перестреляю всех из пулемета, вырвусь из окружения, привезу ценнейшие донесения командованию. Или... возьмут меня в моторазведку. Прорвемся мы ротой в тыл противника. Налетим с тыла на село, где издеваются над нашими людьми. Уничтожим фашистов, освободим наших...

Не заметила, как въехала в город. Утром прошел дождь. Воздух чистый, свежий, по-осеннему бодрый. Город проснулся. На площади у театра Волкова газанула, не рассчитала, сшибла барьер цветочной клумбы, перевернулась несколько раз, обнявшись с мотоциклом, и осталась под ним лежать. Народу набежало! Охают, ахают, но никто не помогает выбраться из-под мотоцикла. А я не могу двинуть ни одним суставом. Правую ногу придавило, прижарило глушителем. И тут вижу... О, ужас, бежит милиционер, расталкивает: «Посторонитесь, посторонитесь!» Пропала моя головушка, отнимет он мои права, с таким трудом приобретенные. Но милиционер оказался замечательным парнем. Оттащил машину, подал руку: «Вставайте, гражданочка!» Очистил меня от грязи. Завел мотор, что-то выправил. «Садитесь,

пожалуйста! Я сам мотоциклист, кое-что в нем понимаю!»

Благодарю милиционера. С трудом сажусь и мчусь от места моего позора. Около гостиницы лужа, врезаюсь в нее и окатываю грязной водой себя и человека в шляпе. Оказывается, это наш режиссер Аксель Францевич Лундин. Я останавливаюсь, извиняюсь. А он: «Я из вас хотел сделать Нину Арбенину — чудесную из чудеснейших женщин, а вы... в штанах, верхом на мотоцикле!..»

Бегу на спектакль.

Гримируюсь. Все тело ноет. Нога пылает. В зеркале бледное лицо. Гример Бобренко, наш дорогой «Алексейч», приносит косы. Завивает мои волосы. Я как во сне. Начинаю одеваться. Ого, все тело в синяках. На ноге пузырь и рана от ожога. Об этом становится известно всем за кулисами. Врывается актриса Галя Петрова. Она уже успела пройти курсы медсестер, даже участвовала в одном рейсе санитарного поезда, на котором под обстрелом немецких самолетов везли раненых из фронтового госпиталя в Ярославль.

Осмотрела меня, принесла примочки, бинты, вату. Третий звонок. С трудом поднимаюсь, еле добираюсь до сцены. На сцене легче, все забываю. После спектакля обливают меня всякими лекарствами — йодом, зеленкой, примочкой, забинтовывают до пояса. Добираюсь до дому, до кровати и впадаю в какое-то забытие.

29-е сентября.

Сегодня все только и говорят о митинге молодежи в Москве. Радио передает волнующие речи поэтессы Маргариты Алигер, поэта Николая Асеева. Речь партизана Югославии Велемира Влаховича потрясает. Рубэн Руис Ибаррури обратился к молодежи Европы и Америки с призывом отдать все силы на борьбу с фашизмом. Страстно звучали слова Героя Советского Союза летчика Виктора Талалихина.

30-е сентября.

Пролежала два дня, но надо работать. Каждая замена актера на роль тяжело отражается на всем коллективе. Пришла в театр, и стало легче. Чувствую, что выздоравливаю.

2-е сентября.

Вчера вызвали меня в горком комсомола и предложили выступить на антифашистском митинге. Всю ночь волновалась. Что сказать и как сказать, чтоб передать всю свою ненависть к фашизму, который залил кровью Европу, который топчет нашу родную землю.

Зал переполнен. В глубокой тишине слушают каждое выступление.

Фашизм воспитал целое поколение бандитов и убийц. Они уничтожают все светлое, умное на земле. Они сжигают города, все, что создано умом, мыслью, руками человека. И это — Германия. Страна, которая дала миру Гете, Гейне, Бетховена, Маркса. В ушах все время звучит из «Сусанина»: «Налетели злые коршуны... Ворвались к нам враги...»

Выступает фронтовик Половцев. На груди у него боевой орден Красной Звезды. «Сейчас все дело в том, быть или не быть нам свободными людьми. Весь народ встал на защиту своего отечества».

Красноармеец Волков призывает молодежь овладевать военными знаниями. Выступает стахановец Малахов, выполняющий норму на триста процентов. Речи кратки, все заявляют о готовности идти на фронт, в действующую армию.

Вот и меня вызывают на трибуну. В руках бумажка — конспект, продуманные слова. Но к чему это! И так все ясно. Сидеть в городе, играть меланхолических барышень, даже Нину Арбенину... Честно говоря, мне и непонятны сейчас страдания Арбениных. Вышла на трибуну, чувствую, что голос мне не подчиняется, а слова идут какие-то заученные. Но потом меня прорывает, я слышу, как звенит в тишине голос: «Мы отдадим все свои силы, все свои способности, всю свою жизнь тебе, Родина!»

15-е октября.

Сводки Информбюро неутешительны. Идут ожесточенные бои на Вяземском, Брянском и Калининском направлениях. Наши войска оставили Мариуполь. Объявлена эвакуация Одессы.

Формируется коммунистическая дивизия из ярославцев, костромичей, рыбинцев. В ее ряды вступают целыми семьями. Мужья с женами, братья с сестрами, отцы с сыновьями. Подают коллективные заявления целые парторганизации, цеха. По предприятиям проходят митинги. Еду в Кировский райвоенкомат. Там полно народу. Встаю в очередь, прошусь в дивизию. Говорят: «Не время — подождите».

Мчусь в обком комсомола. Сколько раз я пыталась застать первого секретаря Сашу Пелевина! Сегодня он у себя. Разговор короткий. Выслушав просьбу направить меня в Ярославскую коммунистическую в качестве мотоциклиста-связиста или в моторавторезку, он обещает: «Помогу».

16-е октября.

Боже мой, немцы уже в Калинин! Сегодня к нам в театр пришла большая группа актеров из Калининского драмтеатра. Они несколько дней добирались до Ярославля. С ними ребяташки, старики. Я дежурю в театре. Сразу звоню В. П. Топтыгину — нашему директору.

Разместили калининских актеров в красном уголке. Принесли ковры, подушки, одеяла. Вызвали срочно буфетчицу, накормили, чем могли, вскипятили чай. Сейчас они спят.

Мои соседи солят баранину в бочках, сушат сухари мешками. У многих сделаны большие санки. Масло топленое в банках. Соседка вызывает мужа из Костромы, кричит в телефонную трубку: «Немедленно приезжай! Ты идиот, сумасшедший, немцы уже в Калинин».

20-е октября.

Фашисты под Москвой. Это трудно выговорить, а написать еще труднее. Объявлено осадное положение. Правительство призывает всех к выдержке и дисциплине. Долг каждого гражданина, способного носить оружие, — овладеть им, чтобы бить врага.

Наш взвод народного ополчения проходит боевую подготовку в пехотном училище.

А из обкома комсомола ответа нет.

Ждать больше не могу. Надо действовать. Написала письмо первому секретарю обкома партии Николаю Семеновичу Патоличеву.

22-е октября.

После репетиции, когда я вышла из театра, ко мне подошел молодой паренек — работник обкома комсомола. Мы идем по бульвару. Он объясняет обстановку на фронте: немцы рвутся к Москве, они торопятся завершить кампанию на Востоке до зимы. Ярославль — подступ к Москве. Поэтому наш город объявлен на угрожаемом положении. Паренек уверен, что под Москвой фашисты получают отпор. Но все-таки есть приказ: подготовить в городе все на случай прихода врага. В Ярославле должны остаться люди для работы в подполье.

Обком комсомола все обо мне знает и считает, что я вполне подхожу для работы в тылу врага. Не надо настаивать на том, чтобы взяли в армию, а потихонечку изучать оружие и немецкий язык. Мне в этом помогут. Получив мое согласие, паренек договаривается о следующей встрече и уходит.

Я остаюсь на скамейке бульвара и долго не могу прийти в себя. Вот оно начинается — настоящее.

23-е октября.

Вижу во сне себя в розовом платье. Это как будто то самое платье, в котором я играю в спектакле «Парень из нашего города», и как будто не то. Платье пышное, нежное.

Стою перед зеркалом, не могу глаз отвести, до того красиво. Но на мне почему-то черная шляпа. Все розовое, а шляпа черная.

Рассказала соседке Зине, она говорит, это к перемене жизни.

Приходит ко мне на квартиру паренек, худенький, незаметный. Начинаем мы с ним изучать наган. Разборка, сборка. Это легко. Затем немецкий пистолет «вальтер». Обещает в следующий раз принести другие системы пистолетов. Говорит, у немцев много всяких систем.

Зина думает, это поклонник. Говорит: «Сон в руку».

24-е октября.

Ярославская коммунистическая дивизия продолжает формироваться. Многие из нашего театра ушли туда. Главный режиссер Давыд Моисеевич Манский — начальник клуба дивизии. Артисты Владимир Митрофанов и Дмитрий Аборкин — адъютанты в батальонах.

Сегодня, все время примерки костюмов, вошла в костюмерный цех Мура Рыпневская. Она тоже уезжает на фронт с дивизией. Я ей завидую. Хорошо бы уйти вместе с ними на фронт! Но я не вольна об этом говорить.

Мура смотрит на меня с осуждением.

— Ты же мечтала о фронте! Что случилось?

— Не берут! — произношу я довольно легкомысленно.

— Захотела бы, так взяли в нашу бригаду актеров...

Я понимаю ее, она вправе презирать меня.

Домой иду мимо Дворца пионеров. Раненых везут и везут. Артисты театра уже давно здесь. Они не выходят из госпиталя, дежурят около раненых сутками. Иду помогать.

25-е октября.

В шесть утра постучалась ко мне высоченная женщина. Подавая руку, сказала: «Меня зовут фрау Ольга, я буду вам преподавать немецкий язык».

Началась у меня жизнь, полная забот!

8-е ноября.

Вчера был праздник. День рождения Советской власти. А на душе тревожно. С утра долго чистила, штопала и гладила свое черное шерстяное платье. В полдень выехали в лагерь, где заканчивается формирование Ярославской коммунистической дивизии.

Морозный вечер. Концерт проходит в дивизионном клубе. Принимают нас, волковцев, так, что слезы стоят в горле.

Уходим со сцены под бурные аплодисменты.

Ночуем в землянках. Я в землянке медсанбата. Гостеприимные хозяйшкИ, медсестры, приносят ужин и на мою долю. Чудесные сестрички, совсем девочки. Некоторые подстрижены коротко, под мальчишек. В чистых гимнастерках, с белоснежными подворотничками. Маруся Теплова — толстушка, хохотушка! Кокетливая Анюта Тюканова. А Муры нет. Говорят,

она в Ярославле — получила увольнительную.

Ложимся спать все вместе. Девушки заботливо укладывают меня в середине. Сначала они стесняются, но потом прижимаются ко мне крепко, с обеих сторон. Мы обнимаемся и вдруг начинаем дружно и весело смеяться.

Утром встаю. В землянке ни души. На столе котелок с кашей, хлеб, кусочек сала и записка: «Кушайте, пейте чай. Спасибо вам, дорогие наши волковцы!»

Выхожу. Снег ослепительно яркий. Солнце уже высоко. В лагере жизнь кипит. Слышится команда: «На пле-чо! Шагом марш!» Под ногами бойцов хрустит снег.

Воздух свежий. Высокие сосны, они как будто в строю, им нет конца и края. Снег сверкает, переливается на солнышке, слепит глаза. А вот и за мной: пора ехать домой. Спасибо вам, родные подружки, желаю вам долгой и счастливой жизни, встречу с вами сохраню навсегда!

10-е ноября.

Ольга Николаевна, или фрау Ольга, появляется каждое утро, пунктуально, в шесть. Высокая, тощая. Метод преподавания очень прост. Изучаю построение фраз, запоминаю каждый день множество немецких слов. Начинаем разговаривать: «Вер зинд зи?» — «Их бин айнэ руссише шаушпиллерин» — «Во вонен зи?» — «Их воне штатт Ярославль, Волков штрассе, цвей фир, вонунг айн унд цванциг» — и т. д. Фрау Ольга не разрешает мне во время урока произносить ни одного русского слова. Готовлю ей ежедневно «эрцелюнг».

11-е ноября.

К нам в театр привезли бочку глюкозы, колбасу, яйца, хлеб. Я получила целых два килограмма глюкозы, килограмм колбасы и буханку черного хлеба. Ах, как все вкусно пахнет! Слюнки бегут. Вместо положенных десяти яиц мне выдали два килограмма картофеля.

6-е декабря.

Урра! Наконец радостные вести. Немцам под Москвой хорошо дали по зубам. У нас есть какое-то волшебное оружие. Говорят, это новый вид артиллерии страшной силы. Летят огненные снаряды и выжигают все на своем пути.

После спектакля шефский концерт в полуэкипаже моряков, а затем ужин с моряками. Тосты за нашу победу. Поздравляем друг друга с началом победы под Москвой.

10-е декабря.

Позвонила пареньку из обкома. Встретились на Волжской набережной. Теперь уже Ярославлю враг не угрожает, и я могу считать себя свободной. Но мы расстались еще не совсем. Нужно

подождать окончательного разгрома немцев под Москвой.

И все-таки, во время концерта у летчиков, просила командование взять меня пулеметчиком на бомбардировщик. Они говорят, что пулеметчик на самолете должен быть и радистом. Предложили должность начальника клуба.

12-е декабря.

Приступили к работе над пьесой Шиллера «Вильгельм Телль». Мне поручили роль Берты фон Брунэк. А Ольга Николаевна со мной не расстается. Принесла пьесу на немецком языке. Мы изучаем и переводим мою роль с немецкого на русский, с русского на немецкий. Все это очень помогает войти в образ Берты.

В театре всюду стоят швейные машины. Женщины под руководством работников костюмерного цеха Лосева и Серафимы Михайловны Митрофановой шьют стеганные телогрейки, брюки, теплые ватные «конверты-одеяла» для раненых бойцов.

15-е декабря.

Меня возьмут в армию, возьмут! Но надо все по порядку. Только что была на приеме у Николая Семеновича Патоличева. Я с большой надеждой ждала этого дня. В глубине души жила уверенность, что Патоличев поймет меня. Уж он не скажет: «А вам что нужно, барышня? Не мешайте работать!» Все знают его как очень внимательного, чуткого и справедливого человека. Секретаря обкома часто видят в цехах заводов, бывает он и в семьях рабочих. Рассказывают даже, что он заходит в магазины. В театре он, по-моему, бывает на всех премьерах. Приходит за кулисы поздравить с новой удачей...

И вот я в обкоме. Навстречу мне встал среднего роста, чернявый человек. Молодое энергичное, открытое лицо, приятная добрая улыбка, внимательный взгляд. Я страшно волновалась.

Николай Семенович усадил меня в кресло, стал расспрашивать о делах в театре, о моих успехах в освоении машины. Волнение мое постепенно улеглось. Я высказала ему свои обиды и неудачи, сопутствующие хлопотам о фронте. И он поверил в меня. Ведь никто не верил, что я могу стать бойцом. А я им буду, буду воином Ярославской коммунистической дивизии!

На всю жизнь сохраняю я в памяти эту встречу и это строгое гранитное здание на улице Трефолева.

Домой идти не хотелось. Долго ходила по улицам моего чудесного Ярославля. Стояла на набережной у дорогой сердцу беседки, разговаривала с Волгой, прощалась с ней.

Каталась с мальчишками на санках. Вернулась домой поздно, вся в снегу.

2-е января.

Новый год встречали у летчиков. После концерта произносили тосты за успехи Красной Армии. Движение вражеских войск на Москву приостановлено.

К столице все реже прорываются самолеты со свастикой. Но на душе все же тревожно: очень тяжело на Ленинградском фронте.

6-е января.

В гостинице, рядом с Комиссаровыми, живет семья эвакуированных ленинградцев. Они рассказывают страшное, просто невероятное о положении в Ленинграде. Говорят, что им было намного легче, чем другим: поддерживали небольшие запасы продуктов. Кроме того, они успели, прежде чем сомкнулось кольцо блокады, съездить к бабушке в деревню и привезти мешок картофеля. Они ели картофель вместе с кожурой, а потом уж варили кожаные ремни.

— А вы знаете, это ничего, можно есть, даже вкусно, — уверяют они. — Получается что-то вроде студня, только очень долго надо варить.

В глазах, особенно у девочки, остановившийся ужас. Если бы не эти страшные глаза, можно подумать, что люди говорят неправду.

28-е января.

Утром на призывном пункте клуба Ярославского паровозоремонтного завода концерт. Едем туда трамваем. Женщина читает «Правду» и плачет. Я под села к ней и увидела фотографию. Лежит искалеченная девушка, с петлей на шее. Труп комсомолки, партизанки, зверски замученной и повешенной немцами в Петрищеве. Девушку зовут Таня. Это имя сейчас повторяет вся страна. Перед смертью она крикнула: «Эй, товарищи! Чего смотрите невесело? Будьте смелее, боритесь, бейте немцев, жгите, травите!» Немец хотел помешать ей, но она оттолкнула его и продолжала: «Мне не страшно умирать, товарищи! Это счастье умереть за свой народ!»

9-е февраля.

Премьера «Вильгельма Телля» прошла удачно. Играли в субботу и два спектакля в воскресенье. Ольга Николаевна, не предупредив меня, присутствовала на премьере. После спектакля зашла за кулисы и, прощаясь со мной навсегда, наговорила, к моей большой радости, много лестного. Я сказала, что удачей обязана ей. Ведь я знаю роль и на русском и на немецком.

Владимир Алексеевич сделал мне такую красивую прическу, а милая Серафима Михайловна сшила такое платье, что даже актеры ахнули. В первом акте, на охоте, я в сиреновом платье, с серебряным поясом на бедрах... Копье в руке! У меня, говорят, очень воинственный вид. Во втором акте платье из панбархата, темное бордо, с длиннющим треном, широкие рукава, подол отделан горностаем, высокий берет с пером...

Берта призывает своего жениха бороться с угнетателями родины. Как хорошо сейчас звучат слова, призывающие к борьбе.

14-е февраля.

Несколько дней хожу под страшным впечатлением: видела такое, что трудно описать. Из Ленинграда прибывают целые эшелоны с полуживыми, обессилевшими людьми. Дистрофия. В городе и области созданы специальные стационары — госпитали и санатории для ленинградцев. Еще в декабре они прибывали к нам небольшими партиями, но сейчас идет особенно большой поток. Говорят, создана ледовая трасса, соединяющая Ленинград с «большой землей». Я пошла на вокзал, чтобы помочь, но к эшелонам не подпускают, там работают специально подобранные команды.

На перроне стоят автобусы и машины скорой помощи. Наши женщины и девушки выносят из вагонов на носилках и выводят под руки худых, изможденных, с какими-то неживыми, серыми лицами людей. Глубоко запавшие глаза. Вокруг глаз синие тени. Таких лиц я еще в жизни не видела: обтянутые кожей кости. Трудно поверить, что их можно спасти.

Прибежала домой и рыдала в голос. Кажется, только теперь я по-настоящему поняла, ощутила всю трагедию, которая постигла нашу страну. Они и сейчас стоят перед глазами, эти несчастные, ни в чем не повинные люди, как страшный, немой укор. Я не могу отделаться от чувства вины перед ними.

28-е апреля.

Художник театра Александр Иванович Ипполитов и его жена Ольга Андреевна взяли на воспитание ребенка из ленинградских. Долго они ходили по детским стационарам и госпиталям — все никак не могли решиться. Видно, не так-то просто назвать чужого ребенка своим. А вчера из горздравотдела им сообщили, что в инфекционной больнице скончалась молодая женщина и осталась

сиротой ее крошечная девочка. Ребенка пока приютила у себя санитарка больницы тетя Паша. Когда Ипполитовы пришли, ребенок спал. Тетя Паша рассказала, что девочка (ее зовут Жанна) плакала, просилась к матери, но врачи, боясь инфекции, приносить ее в больницу не разрешили. Тетя Паша разбудила девочку:

— Жанночка, посмотри, кто к тебе пришел.

— Мама!

Маленькая, худенькая, с наголо остриженной головенкой, с огромными глазами на бледном личике, Жанна потянулась ручонками к Ольге Ивановне. Выбор был сделан.

В театре сегодня все только и говорят о благородном поступке супругов Ипполитовых и о странном совпадении: мать девочки была блондинка, как Ольга Ивановна, а отца звали Александром.

19-е мая.

Работаем над пьесой «Полководец Суворов». Режиссер Аксель Францевич Лундин. Ассистент Александра Дмитриевна Чудинова. Получила роль Софи Каретниковой. Но мне сейчас совсем не до нее. Мужчины уходят на фронт большими партиями (мобилизуют от 1905 до 1918 года рождения), а меня в армию до сих пор не берут. Репетиции «Суворова» проходят в страшном напряжении. Плохо с массовыми сценами. Дирекция мобилизует весь технический персонал театра, приглашает молодежь города. Но едва Аксель Францевич распланирует сцены, как парней, изображающих суворовских солдат, отправляют на фронт. Уже в который раз он вынужден заново строить труднейшую картину спектакля— взятие Измаильской крепости. Казалось, что картина получается, результат близок. А утром, придя на репетицию, Лундин узнал, что все «суворовцы» ушли на фронт. Аксель Францевич так разволновался, что ему стало плохо. Вызвали неотложку. На вопрос врача: «На что жалуетесь? — больной закричал:

— Мне надо взять Измаильскую крепость, а солдат всех забирают на фронт. Ну как я могу взять крепость с одними генералами!

Лундина увезли в... психиатрическую больницу. Через несколько дней он вернулся, и репетиции сейчас проходят у него в номере гостиницы.

— И что это им вздумалось упечь меня в психиатричку! — недоумевает Аксель Францевич.

Мы объяснили.

— Идиоты! Профаны! — возмущается наш добрейший Аксель. — Я им про свои творческие муки поведал, а они меня в

машину и в желтый дом.

Воистину трагическое уживается рядом с комическим.

25-е мая.

Только пришла в театр, как вызвал меня к себе секретарь парторганизации и сообщил, что на днях партбюро будет разбирать мое заявление о приеме в партию.

Мечты мои начинают осуществляться.

9-е июня.

Члены партбюро долго молчат. Недоумевают, видно, как можно принять такую легкомысленную девицу в партию. Признают за мной кое-какие достоинства, но... но... и но... Актер Лимонов говорит строго: «Ваши друзья не те люди».

Актриса Магницкая подчеркивает, что я слишком много внимания уделяю своей внешности. А ведь и верно! Вот и сейчас на ресницах у меня целый пуд краски. Голова — модерн с коком. Недоедаю, а платишки шью и все по последней моде. А время суровое, советуют быть серьезнее. Всех слушаю и думаю: они, наверно, правы. А в голове одно: скоро буду в армии, там не нужна краска.

Вдруг зазвонил телефон. Директор долго слушает, потом сообщает:

— Звонят из военкомата. Софье Петровне Аверичевой явиться с вещами на сборный пункт 14-го июня для прохождения службы в армии. Отправляют на фронт.

— Наконец-то! — только и могла я произнести.

Наступила тишина. А потом возгласы, расспросы: почему молчала, скрывала, даже сегодня ничего не сказала. Постановили кандидатом в члены партии принять.

10-е июня.

С утра ходила на медосмотр. В большой комнате за столиками врачи. Смотрят на меня сострадательно, настойчиво расспрашивают: нет ли головных болей? Почему такая бледность? И уж очень худая. Находят что-то в левом легком.

Смешно мне слушать врачей. Здорова я! Не болит у меня ничего. И вообще я иду на фронт добровольно. Никто меня туда не гонит.

Признают годной!

А днем состоялось партсобрание, на котором единогласно меня приняли в партию кандидатом.

11-е июня.

Время движется с невероятной быстротой. Оформляю документы, фотографируюсь. Завтра утром — в райком, будут утверждать решение нашего собрания о приеме меня в партию.

Прочла в «Правде», что Таня — это Зоя Космодемьянская,

москвичка.

12-е июня.

Встала ранехонько. Тщательнее обычного оделась и пошла через Советскую площадь по улице Кирова в Кировский райком партии.

В приемной первого секретаря тесно. Уже идет бюро. Принимают в партию. В эти дни многие хотят стать коммунистами.

Из кабинета выходят быстро один за другим. Очень волнуясь. Наконец вызывают и меня. Перевела дух и... вошла в кабинет. Сидят за столом члены бюро, в центре секретарь райкома. Зачитывает заявление, биографию, сообщает, что четырнадцатого июня иду в армию в составе формирующегося батальона Ярославской коммунистической дивизии. Принимают единогласно.

В театре репетиция пьесы «Суворов». Раньше я бы радовалась, если бы мне дали роль Софи Каретниковой, а сейчас... Все мои мысли, вся я — уже там. Послезавтра начнется новая жизнь. Пусть будет трудно, очень трудно... Все вынесу!

Режиссер встретил меня криком:

— Это что за шутки, как вы смеее опаздывать на репетицию?!

— Иду на фронт, дорогой Аксель Францевич! Пришла попрощаться!

— Безобразие! Репетировать! Сию же минуту! — лицо его багровеет, кожа вздувается какими-то причудливыми бугорками. Ох, как хорошо я знаю привычку нашего хитрющего Акселя сердиться, чтобы скрыть свое волнение. Он боится расчувствоваться.

Схватила в ладони его старые бугристые щеки, поцеловала.

— Счастливо вам, Аксель Францевич!

У него на глазах слезинки, что-то замурылкал, заурчал, выхватил платок, отвернулся.

Простилась со всеми и пошла по бульвару к Волге. Долго сидела на набережной и по своему обыкновению разговаривала с Волгой. Глаз от нее не могла отвести, все приговаривала, как дуреха: «Прощай, прощай моя Волга-матушка, прощай, моя родная...» Проносились катера, проходили пароходы, и не было им никакого дела ни до меня, ни до моих чувств.

13-е июня.

Весь день прошел в заботах. Уложила барахлишко свое немудреное. Написала брату Иллариону на полевую почту. Сообщила: «Ухожу на фронт». К вечеру отнесла вещи актрисе Вере Ивановне и осталась у нее ночевать. У Веры Ивановны

подружка Олечка из Москвы. Пухленькая, беленькая, вся в локонах, колечках. Проболтали весь вечер о разных пустяках: женщины!..

Я их почти не слушала. Сидела в мягком кресле и думала о своем, а ночью они мне не давали спать, отговаривали. Убьют же тебя, искалечат. Куда ты идешь? Утром я открыла окно, и в комнату со свежим воздухом ворвалась песня. По улице шли моряки.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

14-е июня.

Мои родные далеко, они еще ничего не знают. Меня провожает Маруся. Не успела я войти в дом, как прибежала она, принесла жареных котлет, пирожков и даже эмалированную кружку. Вот это подарок! Уложили мы с ней все в вещевой мешок и отправились на призывной пункт.

По дороге вспомнили, как мы познакомились. Нас, группу артистов, прикрепили к столовой летчиков. Ко мне подбежала миловидная девушка и стала рассказывать, как она плакала на спектакле «Коварство и любовь» и как ей было жалко мою Любку в спектакле «Шел солдат с фронта»...

Распрощались на мосту через Которосль. Дальше попросила Марусю не ходить: хотелось немножко побыть одной.

Призывной пункт. Клуб паровозоремонтного завода. Черные полы блестят от втертой грязи. Здесь идут бесконечные сборы, отсюда отправляются на фронт.

В фойе клуба за длинным столом сидит один-единственный человек, и человек этот — девушка. Короткая стрижка. Широкоскулое умное лицо, пухлый рот. Дерзкие, смеющиеся глаза. Встала навстречу: «Вот здорово! Значит, вдвоем!»

Познакомились.

Валентина Лаврова училась в Ярославском педагогическом институте, потом преподавала в Рыбинском районе в селе Раздумово. Комсомолка. Идет на фронт добровольцем.

Появился работник военкомата. «Сегодня, — сказал он, — ждать уже некого, все ушли. Вам также нужно идти в расположение вашего батальона.

Мы с Лавровой забросили свои мешки за плечи и зашагали по шпалам. Валя рассказывала:

— У нас вся семья педагоги. Да, да, ты не удивляйся! В нашей

семье пять учителей: мама, отец, старшая сестра Лиза, брат Михаил и я. Да и младшая наша, Августа— Гусенок — уже сейчас твердит: буду учительницей. Неизвестно только, кем станет Николай... Ох и люблю я ходить! Всю жизнь, понимаешь, с детских лет увлекалась туристическими походами. А потом, когда стала взрослой, сама стала водить ребят в походы. Природа, костры, картошка, палатка — чудесно!

Валентина захлеб рассказывала о своей работе, о своих школьных друзьях — ребятишках, задавала мне множество вопросов, при этом смеялась во всю мощь своих легких.

Здание школы, где расположился батальон, превратилось в место сбора, стало нашим жилищем. Нам показали нашу комнату. Здесь были медсестры, телефонистки, радистки, машинистки, повара, даже официантки. Спят на полу, нет ни матрацев, ни даже соломы.

— Ну что ж, давай выберем поудобней местечко! — сказала Валентина. Растолкала чьи-то вещи, очистила угол: — Располагайся, товарищ артистка, на этой сценической площадке!

Развязали мы свои вещевые мешки, помылись, закусили и, не раздеваясь, уснули сном крепким и безмятежным.

15-е июня.

Чуть свет раздалась команда: «Поднимайсь!» Посреди комнаты стояла высокая девушка спортивного вида. «Вставайте, вставайте! Ох, и неженки!»

Все зашумели, затараторили, «Кончилась мирная жизнь! Подчиняйся команде! Ну как, перинки не набили синяков?» — шутили девушки.

— Умывайтесь! — гремел голос девицы-спортсменки.

Вскочила я, вся мятая. Комбинезон — мятый, лицо — мятое. Ужас!

— А это что за фыр-фыр, барышня с чубчиком? Стою перед ней: худенькая, а она такая огромная, здоровая, смеется.

— Какая ваша профессия? Кем идете на фронт?

— Профессия моя — актриса, я из театра Волкова. А на фронт иду мотоциклистом. В направлении у меня: моторазведрота или мотоциклист-связист. Фамилия — Аверичева, имя — Софья.

— Вот это да! Актриса-мотоциклист! — девушка подает руку. — Анна Сарычева. Я здесь вроде коменданта или старшины в этой комнате. Окончила физкультурный техникум.

Мы побежали умываться. Весело сбрасывали одежду, обливались водой. Вытащила я зеркальце и по привычке напудрила нос. Хотела накрасить губы, но раздался дружный смех. Я тоже рассмеялась. Губная помада полетела в мусорный

ящик.

Началась перерегистрация. Валентина Лаврова уже восседала за столом в спортивном зале с командирами. Записывала, переписывала. Увидела меня, закричала: «Давай, давай смелее!»

Зачислили меня в первую роту. Здесь все комсомольцы. Комсомольская рота. Хлопцы прошли специальную боевую подготовку как автоматчики. Учились шесть месяцев. Говорят, что это в условиях военного времени — целая вечность, почти академия. В роте, кроме автоматчиков, саперы и пулеметчики. Из женщин одна я. Все остальные остались в женском взводе под командованием Ани Сарычевой. А Валентина Лаврова пока помогает в штабе.

18-е июня.

Вот она — жизнь армейская. Времени нет, чтоб черкнуть хоть строчку. Боевая подготовка каждый день с утра до поздней ночи.

В столовой длинные деревянные столы. Строем приходим завтракать. Команда «сесть!» — садимся. Дежурные отделений разносят в железных мисках суп и кашу или мятую черную картошку, хлеб и какую-то темную жидкость, именуемую чаем. Ложки свои. Поели — встать! По отделениям — выходи! Стройся! Шагом марш! И в поле — на тактические занятия. Мое счастье, что я была в отряде народного ополчения, знакома с материальной частью оружия, знаю пистолеты различных систем, а то было бы очень трудно.

Учимся ползать по-пластунски, перебегать под артиллерийским огнем и пулеметным обстрелом. Идем в атаку, прикрывая огнем товарища. Это не театр, не игра. Это тяжелый и серьезный труд. «Встать! Вперед!

В атаку!» Моя фантазия дополняет остальное. Я уже на фронте. «В атаку! Ур-ра!» Бегу вперед и вижу перед собой немцев, слышу взрыв снаряда, очередь вражеского пулемета.

Жаль, что нет настоящего боевого оружия, с настоящими патронами, нет боевых гранат. Надоели эти «болвашки». И все мы в штатском похожи на партизан. После полевых занятий идем на обед строем. И опять занятия. «Штыком коли! Прикладом бей!» Колю штыком в чучело, а вытащить не могу. Затем на ужин строем и сон!

Ночую во взводе девушек. Валентина и несколько девушек переселились в штаб батальона. Там работают, там и спят. В комнате стало просторнее. К вечеру ноги, спина, руки не свои. Все тело ноет, стонет. Голова кружится. Ложусь на голый, чисто вымытый пол, с ужасом думаю, что завтра не поднимусь, но засыпаю мгновенно и сладко. Кажется, никогда так не спала.

20-е июня.

Сегодня банный день. Женщины мылись первыми, поэтому оказалось достаточно времени для того, чтобы привести себя в порядок. Постирала свой синий театральный комбинезон. Девочки раздобыли уют. Погладили, отдохнули, вся усталость прошла, как и не бывало.

В комнате необычная тишина. Громкоголосая Анна Сарычева получила увольнительную, уехала в Гаврилов-Ям. На окне сидит Тося Мишута — тихая, молчаливая, задумчивая украинка с большими пушистыми косами. Ясные голубые глаза. Жаль, что оспа испортила ее красивое лицо. Рядом Томка Красавина — рыжая, как факел. Волосы короткие, пышные, разлетающиеся во все стороны, на носу такие же рыжие веснушки. Смотрю на них и удивляюсь: прошла всего неделя, а девушки уже нашли себе подружек. Сидят по троечкам, по парочкам.

22-е июня.

Явилась Сарычева с корзинкой и мешком. Выгнала всех из комнаты, а меня попросила: «Ты, артисточка, останься, дело есть». Закрыла дверь. Вытащила из корзинки яйца, пироги, вареную картошку и огромную бутылку. Налила в кружку — «пей!» — «Не пью». — «Пей, говорят, не ломайся!» — «Не пью». — «Да брось ты: артистка и вдруг не пью!» — «Говорю: не пью! Что вам еще?» — И в ответ слышу: «А иди ты...»

Так скверно стало на душе. Но тут раздалась команда:

— Стройся! Приехали артисты театра Волкова!

Строем пошли в клуб. В клубе душно, зал набит до отказа. Концерт прошел с большим успехом. Клава Волкова, как обычно, выступала в своем черном платье с прорезными карманами, в черных с белой отделкой туфлях и пела во всю мощь: «Хлопцы, чьи вы будете? Кто вас в бой ведет? Кто под красным знаменем раненый идет?» Ребята аплодировали, кричали «бис». Потом С. Ромоданов и А. Магницкая сыграли сцену из пьесы «Парень из нашего города».

Домой все возвращались довольные, а я, то ли от духоты, то ли еще от чего вдруг скисла.

23-е июня.

Дни мчатся. Говорят, боевая подготовка будет продолжаться меньше месяца, а там — в путь-дорогу. Тружусь изо всех сил. Ползаю, бегаю, бросаю гранаты. Хочется не отставать от ребят, чтоб не говорили: «Зачем берут этих баб».

На занятия выдают боевые винтовки, но без патронов. Под тяжестью сгибается мое неможное тело. Но никто этого никогда не заметит. Некоторые ребята ворчат: надоело, скорей бы на фронт, но большинство понимает, что без этого нам на фронте делать нечего.

1-е июля.

Вот и долгожданный день. Получили обмундирование: брюки, гимнастерки, пояс и красно-желтые сапоги — подарок рабочих фабрики «Североход». Учимся скатывать шинель, наворачивать портянки. Некоторым кажется, что это пустяки, а нам говорят: в боевой обстановке нет мелочей, нет пустяков.

Вместо винтовки выдали новенькие автоматы. Чистим их, отчищаем от масла. Такое ощущение, будто я получила что-то очень ценное. Оглянулась вокруг, и мне показалось: у всех такое же чувство.

Пришла в комнату. Девушки получили юбки, гимнастерки. Сидят, подшивают, подгоняют обмундирование по своим фигуркам.

2-е июля.

Сегодня первый большой поход с полной выкладкой. В походе весь батальон, кроме взвода девушек. Подняли нас ночью по тревоге. Смотрю на своих товарищей и не узнаю. Стоят подтянутые, строгие, настоящие бойцы. Что значит форма!

Я красноармеец Аверичева. Красноармеец. В этом есть что-то значительное. Даже сама себя заужала.

Двинулись по костромской дороге. Все как в боевой обстановке. Шагаем молча. Шаг за шагом. Пробегают связные. Слышен голос командира батальона. Шаг за шагом, шаг за шагом. Начинает надоедать противогаз, особенно скат шинели, он натирает шею. Сгибаются плечи под тяжестью автомата и вещевого мешка. Все чаще раздается команда: «Подтянись!» Ноги гудят. А вдруг не дойду! Глупости! Дойдешь, дойдешь! Шире шаг, дыши глубже, ровнее.

Светает. Изумительное утро, теплое, солнечное, ясное. Где-то, не так уж далеко от нас, идет страшная война. Погибают люди. А здесь поют птицы, стрекочут кузнечики...

— Привал! — неожиданно прозвучала команда.

Батальон расположился на обочине дороги. Лежим — ноги кверху.

Я облегченно вздыхаю:

— Чудесно!

— Ну уж и чудесно. Все тело гудит. Вот они начались, прелести...

И вдруг как будто прорвало наших ребят.

— Первых трудностей испугался! Да это же легкая туристская прогулка!

— Сидел бы дома у маминой юбки!

— Если тебе даже трудно, не ной, — будь мужчиной!

— Ребята! — старался перекричать всех Высотский. — А по-

моему, у нас все здорово складывается. Мы добились своей цели: скоро отправляемся на фронт.

— На пушечное мясо, — не унимался ворчун. Это был красноармеец Мельников.

— Так раньше говорили солдаты, когда гнали их воевать за царя-батюшку, а мы идем сами, добровольно, свою советскую власть защищать! — горячо доказывал Высотский.

Все дружно поддержали Высотского, а Мельников сконфуженно оправдывался: «Это я так, товарищи, от усталости».

Подошел командир батальона, капитан Сташкевич, присел около нас, закурил трубку.

— Ярославскую коммунистическую дивизию из-под Москвы бросили на Калининский фронт, в Смоленскую область, — сказал он. — Там она попала в сложные условия. Невыгодные позиции — болото, леса. Отрезана от всех коммуникаций, бездорожье. Немец сидит на шоссе-ных дорогах и высотах, со складами боеприпасов и продовольствием. А наши голодные, едят конину. Вместо хлеба — сырое зерно с неубранных полей. Немцы кричат: «Эй, бушлатники, ярославцы! Коммунисты! Сдавайтесь, все равно вам капут». Но ярославские коммунисты стоят насмерть. Тянут на себе по болотам пушки, боеприпасы, экономят каждый снаряд, каждый патрон и отвоевывают советскую землю — пядь за пядью.

Затаив дыхание, слушаем комбата. Ромка Перфильев — белеенький, с голубыми глазами парнишка — вскочил:

— А мне, ребята, совсем не страшно. Вот честное слово! — прозвенел его чистый высокий голос.

Команда:

— Поднимайсь! Стройся! Вперед — марш!

Зазвучала песня.

4-е июля.

Двадцать дней нашего боевого учения. В лагере оживление. К нам прибыли из Ярославля представители обкома партии, обкома комсомола, облвоенкомата... Выстроили весь батальон. Стоим в ярко-желтых сапогах, похожие друг на друга, как семеро из одной скорлупы. Принимаем присягу.

После церемонии ко мне подходит военком:

— Хотите в Ярославль? Попросите увольнительную на сутки, довезу до города.

В машине военкома мчусь в Ярославль. Может, последний раз вхожу в родной театр. За кулисами тишина. Репетиции закончены, в театре одни технические работники. Они встречают меня ласково, тепло. Серафима Михайловна Варламова, Симочка, как мы привыкли ее называть, потащила меня в костюмерный цех. Принесла из буфета чечевичный суп. Уплетаю с удовольствием.

Тут же мне перешивают гимнастерку. Симочка молча глядит на меня, положив на стол маленькие руки. Ее муж, Володя Митрофанов, уже давно там, на фронте, в Ярославской коммунистической дивизии.

Распрощались... Я пошла по бульвару к Волге...

Увольнительная подходит к концу. Вот и кончился мой последний день мирной жизни.

Почти все девушки из батальона ушли прощаться с родными. В лагере идут последние приготовления. Батальон собирается на фронт.

5-е июля.

Ранним утром девушки и штаб батальона уехали на машинах с боеприпасами и продуктами. А за ними и весь батальон двинулся на станцию Всполье. Впереди наша первая комсомольская рота. Идем по костромской дороге. Проходим мимо театра Волкова. Красноармеец Людин заиграл на баяне, а Ларин, наш ротный запевала, звонким, чистым голосом запел: «Слушай, товарищ! Война началась, бросай свое дело, в поход собирайся». Сначала рота, а за нами и весь батальон подхватил: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов и, как один, умрем в борьбе за это».

На улицах толпы народа.

— Господи, молоденькие какие!

— Возвращайтесь здоровенькими!

Смотрят на нас со всех сторон добрыми глазами, и от этих родных глаз на душе хорошо. Тут же, конечно, мальчишки — неперменные свидетели и участники всех происшествий. Бегут за нами с серьезными лицами, пристраиваются рядом, стараясь шагать в ногу.

Эшелон в тупике. Когда стали разводить по вагонам, девушки увидели меня:

— Аверичева! Софья! Иди к нам!

Меня оставили с ними. Вагон разделен на две половины. Справа — командный состав, слева — все мы, женский пол. Место мое около окна. Рядом Тося Мишута, Томка Красавина, Верочка Игнатьева. Неподалеку Валентина Лаврова. Гремит, расхаживая по вагону, Анна Сарычева. Смотрю с завистью на ее сильную подтянутую фигуру. Такую наверняка возьмут в боевое подразделение пулеметчиком, снайпером. А мой хилый вид будет вызывать недоверие.

Валюшке Лавровой на месте не сидится. Успела позвонить матери в село Михайловское, а сейчас волнуется, расспрашивает: остановится ли эшелон в Рыбинске. Почти всех провожают, только около меня никого нет. Может, это и лучше.

Девушки держатся стойко. Улыбаются, шутят, успокаивают родных. Тося Мишуту стоит, обнявшись с высокой статной женщиной, заслонив своими пушистыми косами ее лицо. Обе стоят молча, неподвижно, большие и сильные.

По перрону бежит растрепанная, со сбившимся на спину платком женщина. С криком: «Где здесь Вера Игнатьева? Игнатьеву мне! Верку мне!» — она врывается в наш вагон.

Маленькая Верочка с пылающим лицом и испуганными глазами забила в дальний угол вагона. Девушки загородили ее. Но женщина, выкрикивая срывающимся голосом: «Обманывать родную мать! Да на что это похоже! Я вот тебе задам!» — растолкала всех и, неожиданно обхватив голову дочери шершавыми натруженными руками, стала гладить ее стриженные черные волосы. Верочка укоризненно смотрит на мать и молчит. А мать стонет и умоляет:

— Шла бы ты домой, доченька! Еще не поздно. Я поговорю с командирами...

Команда «по вагонам» — и сразу все заговорили, зашумели, задвигались. Последние рукопожатия, поцелуи, торопливые объятия. Гудок паровоза. Двинулись...

Стоят девушки в дверях вагона, прижались друг к другу, не отрывают глаз от родных лиц.

— Доченька! Доченька моя! Я приеду за тобой! — отчаянно кричит мама Верочки Игнатьевой.

А женщина, что стояла с Тосей, молча бежала за составом, крепко ухватившись за поручни вагона.

— Берегите себя! Не горюйте, все будет хорошо! — зашептала, бледнея, Тося.

Женщина оторвалась от вагона, кто-то ее подхватил, но она вырвалась и долго бежала по перрону с протянутыми вперед руками, как бы пытаясь остановить поезд, потом, обессилев, упала.

Промелькнули лица провожающих. В вагоне тишина. Ложимся на свои места, но не можем заснуть.

Нас всех растревожили сцены расставания девушек с мамами. Мы выражаем им свое сочувствие. А Валентина уже жалеет, что позвонила домой: «Что может быть тяжелее, чем прощание с матерью! Материнских слез не забыть вовек».

И тут мы узнаем, что Тосю Мишуту провожала не мать. У Тоси родных в Ярославле нет, она с Украины, из-под Киева, и вообще не уверена, остался ли кто в живых из ее семьи. Провожали ее подружки из трамвайного парка, где она работала и была секретарем комсомольской организации. А женщина, Анна Александровна Черемушкина, была ей вместо матери, они

работали в одном вагоне.

Какое большое, доброе сердце должно быть у этой женщины! Так провожают матери...

Чего я только не услышала за эту ночь и чего только не рассказала сама! И как наша мать умирала, а мы, маленькие, стояли перед ней в больнице. И как отец запил с горя. И про наш Ларинский поселок с красными шапками богульника на сопках. Вспомнила, как мы играли в тайге. Заводилой был брат Илларион, или Лорша, как мы его называли. Уходили ночью с факелами в самые дальние пещеры выручать свою королеву, а королева, Мария — моя сестра, погибала, замученная врагами. Мы приходили в пещеру, она лежала в белом платье, увитая дикими цветами — саранками, ирисом и хмелем, — и давала нам наказ отомстить за нее врагам. Мы плакали настоящими слезами, клялись отомстить...

Девушки просили еще что-нибудь рассказать. И я рассказывала и про снега, и про тайгу, и про горные лыжи, и про нашу собаку рыжую Дольку, с узенькой мордочкой. Вспоминала, как мы с братом Лоршей, забрав отцовское ружье и Дольку, потихоньку уходили из дому и бродили на лыжах по тайге. Как потом, когда мне было уже пятнадцать лет, я водила грузовую машину по снежным дорогам. Идет колонна автомашин. Впереди снегоочистители, тракторы. Собьется с колеи одна машина — встает вся колонна. Моторы застывают на ходу. Ветер, пурга, а ты вперед, вперед...

Вагоны стучат и стучат в ночи. Мы едем на фронт.

6-е июля.

А с дневником жаль расставаться. Ухитрюсь и здесь его вести. Буквы пляшут, а я пишу.

Светаёт. Остался позади Рыбинск. Наш эшелон долго стоял на товарной станции. К Валентине приходили прощаться мать, Мария Николаевна, и сестры Лиза и Августа. Сейчас Валя сидит молча, обхватив колени руками.

— Ты что, Валя?

— Понимаешь, мать перед глазами. Она у нас почти никогда не улыбалась, трудно было ей в жизни. Отец всегда больной, маме приходилось одной поднимать семью. И только встали мы на ноги — война! Ушел на фронт Михаил, за ним вот я... Мать у меня молодец! — встряхнула головой Валентина. — Ни единой слезинки не проронила. А как прощаться стала, говорит: «Ну, дочка, будь крепка духом!» И, понимаешь, улыбается. Я чуть не крикнула: «Не надо! Не улыбайся! Ведь я знаю, чего стоит тебе эта улыбка». Я тоже сквозь слезы ей улыбнулась.

7-е июля.

Мы третий день в пути. Эшелон остановился в лесу. Приказано готовить горячую пищу. С котелками и концентратами вываливаемся из вагонов. Мчимся в лес.

Вдруг меня останавливает Давид Моисеевич Манский — наш бывший главный режиссер. Он возвращается в дивизию из Ярославля. Едет с нами в одном эшелоне. Ему нужно поговорить со мной о чем-то очень важном.

Костры задымились, запылали. Уже закипела, заклокотала вода в котелках, как вдруг раздалась команда: «По вагонам! По вагонам!» Что-то, видно, произошло. Быстро погасили костры, погрузились в вагоны. Так и не удалось нам поесть горячего. Говорят, недалеко отсюда немцы бомбят эшелоны, идущие на фронт.

Разговор с Давидом Моисеевичем не состоялся.

8-е июля.

Проснулась, поезд стоит. Девушки спят, а Лавровой уже нет. Она убегает почти на всех остановках, ее интересует все, что происходит в других вагонах. Посмотрела я на своих новых подруг, и нежное чувство охватило меня. Тося дышит во сне тихо, спокойно. Сладко посапывает Верочка с припухшими, вытянутыми, как у ребенка, губами. У Томки нос кверху, а щеки горят пунцовым огнем. На мгновение сжалось, заныло сердце. Наверно, так сжимаются сердца у матерей, когда они провожают своих детей на фронт.

Толчок, перестук буферов. Поезд двинулся. Валюха прыгнула в вагон, помахала кому-то рукой. «Кто это, Валюша?» Она подошла и зашептала: «Это разведчик отдельной моторазведроты Ярославской дивизии Михаил Голубев. Докукинец, так зовут в дивизии бойцов этой роты. Командир у них Докукин — легендарный герой. Михаил обещал прийти к нам и рассказать о Докукине».

Я вспомнила, что недавно мы читали в газете о Михаиле Голубеве. Газета писала, что, блокируя дзот, рота залегла под пулеметным огнем. Разведчик Михаил Голубев подполз с правого фланга к амбразуре и, ухватившись за горячий ствол быющего пулемета, выдернул его из амбразуры, а амбразуру забросал гранатами. После этого ворвался в дзот и захватил оглушенного гитлеровца.

Лаврова сдержала слово: привела Голубева в вагон. Просто не верилось, что этот худенький, голубоглазый красноармеец, совсем мальчишка, мог совершить такой подвиг. Мы окружили его. Голубев растерялся: столько девушек! Краснел, переминался с ноги на ногу. Но когда заговорил о роте, о Докукине, куда пропала застенчивость. В глазах появился дерзкий огонек. Рота

Докукина молодежная, почти все комсомольцы. Под Москвой в дивизию из Подольского пехотного училища прибыл комсомолец лейтенант Докукин. В феврале 1941 года он принял роту. Разведчики во главе со своим командиром неожиданно появлялись в тылу противника и, сделав свое дерзкое дело, бесследно исчезали. Они громили склады с боеприпасами, брали в плен гитлеровцев, налетали на штабы противника. Гитлеровское командование оценило голову командира разведроты комсомольца Ивана Докукина в десять тысяч немецких марок. Но предателей не нашлось. Бойцы любят и берегут своего командира. Его знает вся прифронтовая полоса.

Мы слушали, затаив дыхание, и я решила: попрошусь в роту Докукина.

10-е июля.

Станция Торопово.

Поезд стоит уже несколько часов. Все наши на перроне.

Пишу в сумерках.

Только что закончился разговор с Давидом Моисеевичем. Он рассказал о наших актерах. Они работают в бригаде артистов при политотделе штаба дивизии. Здесь же, при политотделе, создан оркестр. Актеров в дивизии уважают, ценят. Они делают большое и нужное дело, выступают с концертами на переднем крае.

Давид Моисеевич предложил и мне перейти в бригаду.

Я сказала, что о бригаде актеров не может быть и речи. Зачем же мне тогда боевая подготовка и к чему были все эти долгие ожидания! Кончилось тем, что Давид Моисеевич обиделся. Сказал, что я не имею ни малейшего представления об армии. В армии не рассуждают и не обращают внимания на прихоти капризных барышень.

Расстались мы сухо. Недовольные друг другом. Удивительно: Манский, умнейший человек, даже не попытался понять меня. Разговор с ним меня очень взволновал. Надо немедленно принимать меры. Сейчас допишу свои каракули в дневнике и составлю рапорт на имя командира дивизии Турьева. К рапорту приложу направление райвоенкомата. В нем прямо сказано: «Аверичева С. П. направляется в Ярославскую коммунистическую дивизию в качестве мотоциклиста-связиста или бойца-автоматчика в моторазведку».

Девушки уже набились в вагон. Они привыкли к моей писанине и не обращают на нее внимания. Запели. У Томки Красавиной неисчерпаемый запас частушек, одна другой залихватистей.

А все-таки испортил настроение Давид Моисеевич!

11-е июля.

Проснулась ночью. Поезд медленно движется. В окно увидела ракеты. Одни вспыхивали, поднимались, повисали в воздухе и гасли, другие загорались, очерчивали дугу и падали. «Ракета! Ложись!» — вспомнила я тактические занятия. Заскрежетали, запищали тормоза. Поезд остановился. Темно. Опять ракеты со всех сторон.

В темноте сквозь деревья проглядывает деревенька. Деревья рядом с железнодорожным полотном. Протяни руку — коснешься колючих еловых ветвей.

Выгружались на станции Ломоносово. Станция... Землянки да разбитые вагоны. Построили нас, и мы зашагали. Пришли в деревню Подвязые. Тишина. Ни одного выстрела. Неужели это фронт!..

Утром встретила Муру Рыпневскую. Сначала не узнала. В Ярославле она была брюнетка... Повела меня к себе. Чистенькая комната. Белоснежная постель. Я вынула из вещевого мешка лишние вещи и отдала Муре: ей в клубе все пригодится. Написала тут же еще два рапорта — начальнику по разведке Осьмаку и начальнику штаба дивизии Завадскому. У Муры уютно, но надо было спешить.

Около нашего батальона меня схватила за руку Лаврова, отвела в сторону и заговорила быстро:

— Ищу тебя всюду, где ты бродишь? Вот что, Софья! Давай начистоту, довольно нам с тобой играть в прятки. У тебя в направлении моторазведрота, я тоже туда пойду. Давай действовать вместе, сообща!..

И мы решили пойти прямо к командиру дивизии.

На поляне в окружении командиров стоял полковник. Лаврова шепнула: «Видишь, вон глыбина какая, — это и есть командир дивизии Турьев. А рядом с ним комиссар дивизии Михаил Павлович Смирнов, бывший секретарь Ярославского обкома партии».

У командиров шел оживленный разговор. Наверно, рады прибытию нашего батальона. Говорят, дивизия потрепана основательно. А тут четыреста бойцов, двести вооружены автоматами, а ППШ-2 — новинка в дивизии!

— Вон тот, видишь, лейтенант небольшого роста, крепыш такой? Это Малков, он формирует учебный батальон. Наверняка заберет лучших! Он уже подходил к вашей роте, знакомился с ребятами, спрашивал: пойдете к нам в батальон? Поговаривают, что ему отдадут вашу первую роту целиком...

Валентина показала мне командира саперного батальона Федосеева и командира артиллерийского полка Золотарева.

— А это ПНШ по разведке — Осьмак! Видишь? —

скороговоркой проговорила Валентина.

Осьмак отделился от общей группы и приближался к расположению нашего батальона. А мы пересекли ему дорогу и обратились, как положено, по всей форме.

Перед нами стоял красивый молодой лейтенант, с широкими плечами, узкой талией. Безукоризненной чистоты гимнастерка, выутюженные брюки, сапоги блестят. Объяснили нашу просьбу, подали рапорты. Лейтенант посмотрел на нас удивленно.

— Каждая секунда жизни разведчика связана с риском, — сказал Осьмак. — Рота действует в тылу врага. Нет! Девушек я туда допустить не имею права!.. — Лейтенант постукивал по сверкающему сапогу тоненьким прутиком и смотрел на нас карими решительными глазами. Мы поняли, что разговор окончен.

Потом мы обратились к начальнику штаба дивизии. Худой, высокий, смуглый. «Типичный штабной работник», — подумала я. Чувствовала: у него поддержки не жди. Но Валентина заявила: «Рискнем!»

— Разведка — не девичье дело! — услышали мы лаконичный ответ начальника штаба.

Раздалась команда: «Стройсь!» К батальону приближался полковник Турьев с командирами. Капитан Сташкевич четким шагом пошел навстречу и отрапортовал:

— Пополнение из города Ярославля, присланное Ярославским областным комитетом партии, прибыло для участия в боях в составе Ярославской коммунистической дивизии!

Турьев поздравил нас с благополучным прибытием. Объяснил, что дивизия сейчас занимает жесткую оборону, но ведет активные боевые действия. «Мы вас очень ждали, мы рады вам!» Он рассказал о героях дивизии. Рота, состоявшая из студентов Костромского текстильного техникума, погибла, но не пропустила ни одного танка. Роту Докукина немцы боятся. Рассказал о героической гибели комиссара Щелокова, о зверски замученных комиссаре Гущине и комсомольце Петрове.

— А сейчас, — продолжал полковник, — начнется распределение по подразделениям. Командиры ждут вас, товарищи красноармейцы! — и вдруг спросил: — Может, у вас есть вопросы или просьбы ко мне?

Я поняла, что именно сейчас решается моя судьба. Подняла руку, вышла из строя.

— Товарищ полковник! Убедительно прошу вас направить меня в отдельную моторазведроту к лейтенанту Докукину! Вот рапорт и направление военкомата...

Турьев прочитал мой рапорт, задержался глазами на

направлении.

— Мотоциклист, — проговорил он. — Ну что ж, идите в моторазведроту, к докуинцам. Только там мотоциклы единственной марки — одиннадцатый номер. Пока стоим в болотах, лесах, тут не до них. А мотоциклы нужно забрать у немцев! — добавил Турьев.

— Есть забрать у немцев!

— Товарищ полковник, разрешите и мне подать рапорт! — загремела Лаврова. Во всей ее фигуре, крепкой, сильной, была такая решимость, что Турьев, не читая рапорта, сказал: «Ну, что ж, идите, действуйте!»

Распределение продолжалось. Кроме нас с Валею и еще тринадцати разведчиков, наша комсомольская рота почти целиком ушла в учебный батальон. Девушек распределили по специальностям. Удивила нас Анна Сарычева: пошла официанткой к командиру дивизии. Вот это да! А я-то боялась, что она перебьет у меня место в разведке.

Михаил Голубев и почтальон Саня Травкин повели нас в деревню Никулино, где расположилась рота лейтенанта Докукина. По дороге мы расспрашивали о роте, главным образом о ее командире. Саня Травкин молчал, а наш старый знакомый Михаил Голубев подбадривал нас:

— Ничего, привыкнете! Докукин из любого красноармейца сделает настоящего разведчика!

12-е июля.

В низинке деревенька, окруженная лесом. Это и есть Никулино. Штаб и хозяйство роты разместились в домах, все остальные — на окраине села в больших сараях, у самой опушки леса. Вошли в сарай. Вдоль стен длинные нары. Полки под котелки. Пустые пирамиды для оружия. Стол, скамейки. Видно, давно ушли разведчики из своего жилища. На засаленном столе крошки, невымытые котелки и ложки. Окурки, обрывки бумаги по всему сараю. На нарах, среди грязных клочков соломы и скомканных пыльных плащ-палаток, лежат разведчики, освобожденные Докукиным от задания. Как оказалось, Докукин с ротой и взвод диверсионной группы уже больше недели не были на базе. Оставшиеся ребята больны.

— Паша Савченко!

— Петр Пушнев!

Перед нами небольшого росточка красноармейцы, без сапог, без поясов. Воротнички гимнастеров расстегнуты. Савченко смотрит на нас широко открытыми, удивленными, смеющимися глазами. Девичье круглое лицо. Розовые щеки. Пушнев — худой, смуглый паренек, смотрит вниз и вертит голой пяткой лунку на

земле.

— Сержант Марусин! — В сарай вошел толстый, розовощекий увалень. Он пыхтел и глуповато улыбался. За ним влетел широкоскулый, с узкими глазами парень.

— Варзанов! Ротный писарь и художник, — представился он.

Марусин хихикнул:

— Девиц и старушек рисует...

Все дружно рассмеялись. «Вы что же, больные?» — удивились мы. «Да, так, знаете», — неопределенно ответил Марусин.

— Располагайтесь, ребята! Нары свободны, а придут с задания, разберемся, — гостеприимно предложил Варзанов.

Мы смели с нар мусор и решили спать на досках, а завтра сделать капитальную уборку и постелить свежего сена или соломы.

Валентина облюбовала нам местечко на нарах около стены. На сем и кончился наш первый фронтовой день.

Фронтовой!.. Просто и не верится, что мы на фронте. Я думала: прибудем на фронт, и нас сразу из вагонов бросят в бой. А тут тишина. Чудесный воздух! И тихое похрапывание друзей.

13-е июля.

С утра мы, новички, с рвением принялись за уборку. Вытрясли грязные плащ-палатки, подмели нары и полы, принесли свежей соломы. Разожгли костер, нагрели воды. Выскоблили стол добела. С котелков, ведер чашек, ложек обдирали грязь камнями, травой, песком. Застелили стол газетой и даже поставили цветы — ромашки и васильки. А бывалые бойцы — докукинцы лежали около сарая (больные!) и посматривали на нас с удивлением и легким пренебрежением. Эх вы, мол, новички! Чем занимаетесь! Здесь же война, фронт!

Затем мы с Валентиной перестирали свое белье у ручья. Устроили себе прекрасную баню. Блаженство! А сейчас лежим на траве около сарая. Валентина и ребята слушают докукинцев, а я записываю впечатления двух дней и нет-нет, да и прислушиваюсь к их рассказам.

Вот к нашей группе подходит худощавый боец. Аккуратно застегнут на все пуговицы, на гимнастерке ни единой морщинки. Разведчики его представили. Это ординарец лейтенанта Докукина — Лева Маслов. Маслов скромно поздоровался, присоединился к нам.

Докукин! У ребят загораются глаза. Перебивая друг друга, они торопятся рассказать о Докукине все, что знают. Это не хвастовство, это скорее гордость за своего командира.

Докукин в первом же бою завоевал уважение бойцов. Он абсолютно бесстрашен. Очень хорошо натренирован, быстрее всех

бегает, дальше всех бросает гранаты. Стреляет без промаха. В бою заражает всех своим темпераментом. Трусости не терпит. Малейшее сомнение, неуверенность бойца чувствует моментально и не берет такого в разведку, просто оставляет дома, на положении больного. Рота не только ведет разведку перед передним краем противника и в его тылах. «Докукинцы» выполняют диверсионные задания, участвуют в наступлении вместе с дивизией, действуют совместно с партизанами.

Партизаны! Взглянуть бы хоть на одного!

14-е июля.

Живем как трутни. С утра уборка, готовим пищу. Умываемся, бежим к ручью. Завтракаем. Читаем газеты. Чистим оружие, разбираем, собираем, вообще возимся с оружием с большим удовольствием. Автоматы собираем на скорость, задаем друг другу задачи на устранение порчи оружия. Потом готовим обед, греемся на солнышке, а к вечеру слушаем рассказы.

Узнаем новые фамилии разведчиков.

В роте двое Борисовых, оба Михаилы и оба помкомвзводы. Сержант Борисов — из Переславля-Залесского — небольшого роста, рыженький, веснушчатый, веселый баянист. Старший сержант Борисов — из Ярославля — высокий, стройный, лет сорока. Узкое длинное лицо, прямой нос, глубоко посаженные глаза смотрят исподлобья. Угрюмый, молчаливый. Сидит в стороне и думу думает. Смотрю на него, и кажется, что его грызет какая-то тоска. Может, от того, что в городе у него остались жена и дети?

В роте к Борисову относятся с уважением, но как к нему подойдешь, если он всегда такой сердитый. Мысленно называю его «страшным сержантом», хотя он страшен только для фашистов. Бойцам это друг. Строгий, беспощадный друг. Он всегда собран, особенно в боевой обстановке, и никогда не теряет головы. В этой собранности чувствуется закалка военной школы: он — кадровый военный.

Ребята рассказывают о боевых делах Дмитрия Ершова из Брейтовского района, Алексея Сотского из Ярославля, пятнадцатилетнего разведчика Васи Талдыкова из Пречистенского района Смоленской области, Владимира Чистякова и его друга, парашютиста Ефима Рудкина.

— В начале войны Рудкин был ранен и попал в ярославский госпиталь, — рассказывает разведчик Павел Савченко. — А после госпиталя его направили в Ярославскую коммунистическую дивизию.

От старшего сержанта Борисова мы услышали о зверствах фашистов. Двести гитлеровцев ворвались в партизанские деревни

Кирияки, Кочерговку и Морново и сожгли их дотла. Застрелили, а потом изрубили на куски семь стариков, а женщин и детей загнали в хату и сожгли.

Разведчики заминировали дорогу противотанковыми минами, и ночью на минах подорвались танки и автомашины с немецкими солдатами. В эту же ночь разведчики налетели на деревню Кирияки, где были фашисты, и отомстили за гибель наших советских людей.

15-е июля.

С утра старший сержант Борисов повел нас, новых разведчиков, на опушку леса. Там мы занимались стрельбой из автоматов. Потом он дал каждому бойцу по две, а мне и Валентине по три боевые гранаты. Лучшие результаты по прицельному огню из автоматов оказались у нас с Валентиной. Но это наших ярославских ребят не удивило. Они знали, что мы стреляли хорошо и раньше. Ну, а вторая половина дня, к сожалению, опять в бездействии.

16-е июля.

Перед рассветом проснулась от страшной брани.

— Дайте же пожрать, черти! — кричал боец. — Ну хоть корку! Два дня ничего не жрал. Да проснитесь же вы, лежебоки! — тормозил он то Савченко, то Пушнева, то Марусина.

Я достала хлеб, открыла консервную банку из собственного «НЗ».

— Ешьте!

Передо мной стоял высокий красноармеец, весь мокрый.

— Ох, ты! — удивился он. — Девушка? Откуда вы взялись?

— Ешьте! Я с новым пополнением к вам в роту... Софья Аверичева.

— Алексей Сотсков. — Он замолчал и с жадностью принялся уничтожать консервы.

— Откуда вы? — Я села с ним рядом на скамейку.

— От Докукина с донесением, да пулемет притащил, вывели его из строя фрицы, надо ремонтировать... Ох, и жарко было там сегодня! Нарвались на немецкие бронетранспортеры. Подорвали две машины, а остальные отошли, — рассказывал он.

Я пожелала Сотскову спокойного сна. Он улегся среди ребят, завернулся в плащ-палатку с головой и моментально захрапел, засвистел. А я до утра не могла уснуть. Скорее бы в дело! Скорее бы увидеть Докукина. Картина боя, только что рассказанная в трех фразах человеком, не успевшим остыть от схватки, впечатляла больше, чем рассказы разведчиков. Я представила, как ползут бойцы, как они бросают гранаты, как пылают подорванные машины...

Дождалась утра и пошла по деревне на свой ручеек. Неожиданно меня окликнули: «Хэлло! Их либэ дих, фрейляйн!» В дверях дома стоял статный боец. Из-под темных бровей насмешливо смотрели черные глаза. Я остановилась и ответила: «Цу фрю!» (Слишком рано). «Вы умеете по-немецки?» — спросил он удивленно. — «Айн бисхен» (немного), — и прошла. Он засмеялся. «Кто вы? Переводчик?» — спросил он, догоняя. — «Нет, разведчик! Прибыла с новым пополнением». — «Владимир Чистяков», — представился он. «Софья Аверичева», — ответила я. Он галантно поклонился и пожал мне руку. Подошли еще трое. «Ребята, знакомьтесь, у нас в роте новое пополнение: разведчик Софья Аверичева». — «Саша Семенов». — «Михаил Кукуев!» — «Георгий Гусев!» Все, как на подбор, высоченного роста. «До чего же хороши», — подумала я. Как будто специально Докукин подбирал их в свою роту. Это оказались разведчики диверсионной группы, только что прибывшие с задания. Разговорились. Владимир Чистяков окончил автотехникум, ярославец, живет возле театра Волкова. Дома остались мать и сестра. Михаил Кукуев женат. Давно нет писем из Ярославля. Беспокоится.

Рассказала о Ярославле, о театре, о нашей группе пополнения. Слушали внимательно, забросали вопросами. Расстались друзьями.

22-е июля.

Здравствуй, милый мой дневник! Рассталась я с тобой почти на недельку. Не обижайся. Когда ты услышишь, что я пережила в эти дни, ты не будешь на меня в обиде. Ты лежал на дне вещевого мешка в Никулине, а я в это время принимала боевое крещение. И могу сказать (только тебе, потому что другие могут в это не поверить), я счастлива. Теперь Софья Аверичева — разведчик, равноправный боец. Ты требуешь подробностей? Пожалуйста! Сегодня эта возможность у меня есть, а дальше — привыкай, может всякое случиться. Война!

16 июля мы готовили на костре обед. Валентина ушла в лес с ребятами, а я читала газету и помешивала ложкой в котелках. В это время прибежал Ларин. Помнишь его? Наш ротный запевала. У него очень приличный тенор, чистенький и мягкий. Сам он худенький, белесенький, с длинной мордочкой. Воспитанник детского дома. Вслед за ним прибежал Рома Перфильев и Александр Кузнецов. Ларин кричит, будто дразнится: «Аверичева, а мы идем сейчас к Докукину! А ты кашу варишь! Ну, вари, вари кашку!» Я взволновалась: «Кто вас посылает?» — «Старший сержант Калинин. Идем с донесением». Бросила я все и помчалась в штаб роты. Калинин здесь сейчас самое главное

начальство. Ворвалась в дом:

— Товарищ старший сержант, ребята идут к Докукину. Разрешите и мне с ними!

— Что ты! Что ты! — замахал он на меня руками. — Докукин убьет меня. Ты же ничего не знаешь!

— И знать не хочу, отпустите меня к Докукину!

— Ну так слушай! — сказал он и прикрыл двери. — Докукин разговаривал с Осьмаком и Турьевым. Он возмущен, что в роту прислали женщин. Вы что, говорит, мою боевую роту позорите! Женщин присылаете вместо бойцов. Да еще артисток.

Во мне все возмутилось. Опять начинается. «Женщины у нас наравне с мужчинами! — кричу. — Лозунги, одни лозунги! А как до дела дойдет! — и потребовала — Звони Осьмаку, слышишь!» Видно, я была в такой ярости, что Калинин растерялся и позвонил Осьмаку. Тот долго советовался с кем-то. Но вот слышу: разрешение получено.

На радостях я даже не захватила с собой поесть и ничего не успела сказать Валентине. Схватила автомат с запасными дисками, гранаты, надела пилотку, плащ-палатку, и мы, несколько «новеньких», под командованием «бывалого» разведчика — докукинца Паши Савченко двинулись тропинкой вдоль деревни.

Шли молча, гуськом. Когда подходили к опушке леса, Савченко показал нам Вервищенскую высоту, где еще недавно хозяйничали немцы. Сейчас эта высота нейтральная, однако немцы боятся сюда и нос показывать. Но все может быть. Надо идти тихо, смотреть в оба. У разведчика походка должна быть как у лани: легкая, плавная. Ступай с носка на пятку, а не всей ступней хлопай! Да выбирай, куда ставить ногу, чтоб ни один сучок не треснул. Мы смотрели в оба и ступали тихо.

Через небольшую поляну, в кусточках, заметили дымок. «Садись!» — тихо скомандовал Савченко и стал наблюдать в бинокль, хотя было видно и простым глазом: сидят бойцы и курят. Савченко буркнул: «Всякое бывает. Бойцы-то бойцы, да только не наши. В этих краях действуем и мы и горьковчане... А ведь и правда, — обрадовался он, — это горьковские разведчики».

В той группе тоже за нами, как видно, наблюдали, потому что, когда мы приподнялись, они нам замахали руками. Это были действительно разведчики Горьковской дивизии. Они сообщили, что Докукин вернулся в деревню Грядозубово после боя с полицейскими в Боярщине.

И мы пошли быстрее, уже не обращая внимания на предостережения Савченко.

А вокруг чудесный лес. Огромнейшие сосны, тишина. А

воздух!.. Мы так спешили, что не заметили, как вышли из леса. Перед нами неожиданно открылась деревня.

Остановились на поляне, недалеко от дороги, напротив добротного дома.

— Это дом тети Поли. Здесь всегда располагается КП роты, лейтенант Докукин и комиссар роты младший лейтенант Полешкин, — сообщил нам Савченко и строго приказал — Сидите здесь, не расходитесь, а я пойду к Докукину.

В деревне чувствовалось праздничное настроение. Прошли девушки в нарядных платьях и белоснежных косынках. Промчалась веселая стайка ребятишек.

Мы лежали на поляне, гадая, что же сегодня за праздник, ильин день? Нет, он позднее. Спросили одну из девушек. Она удивилась нашей неосведомленности: «Докукинцы пришли!» А мальчишки добавили: «Дядька Докукин в Боярщине всех полицаев побил!»

В пути Павел Савченко кое-что рассказал нам об этой Боярщине. Здесь гестапо устроило штаб полицейских. Начальником полиции был местный житель, сын бывшего кулака Иван Талдыков по прозвищу Вавиленок. В 1938 году он исчез из деревни (жители говорят, что он жил в Москве), а с приходом немцев на Смоленщину Вавиленок снова поселился в Боярщине. Он выслуживается перед фашистами, собирает в полицию со всей округи таких же оголтелых бандитов, как он сам. По малейшему подозрению поджигает, вешает, убивает, предает в руки гестапо своих же селян.

Не раз совершали налет на Боярщину докукинцы в надежде разгромить полицейское гнездо и поймать предателя Ивана Талдыкова, но полицейские, не принимая боя, трусливо удирали из деревни. В Боярщине оставались только женщины и дети.

Вася Талдыков, однофамилец Ивана, сообщил разведчикам, что полицейские удирают через мост из нижней части Боярщины в Ясенцы, поближе к деревне Стрынково, где расположен немецкий гарнизон.

Вася Талдыков оказался смелым хлопцем. Ему 15 лет. Он рассказал Докукину, что его отец, Талдыков Александр Илларионович, на фронте, в Красной Армии, бьет фашистов, и сам он с радостью ушел бы в армию, но в семье у них — мать, двое маленьких братишек да семнадцатилетняя сестра Дуся. Если уйдешь из Боярщины, полицейские замучают их допросами.

Вася, встречаясь с Докукиным в условленном месте, сообщал ценные сведения о немецком гарнизоне, о полицейских, о передвижении войск, о настроении жителей, о разбоях и насилиях немецких оккупантов, — все, что знал. А знал он

многое. Наблюдательность, точность, отличная память паренька поражали Докукина и Полешкина, и они, волнуясь за жизнь своего пятнадцатилетнего друга, подумывали о том, как бы забрать к себе в роту Василия со всей семьей, а то не сносить ему головы.

Однажды Василий сам приполз лесом к засаде разведчиков и рассказал о своем страшном горе: полицейские казнили сестру Дусю и ее подругу Лену Матюнину за связь с партизанами. Ночью пьяные полицаи ворвались в дом Талдыковых, схватили Дусю и Лену. После короткого допроса бандиты надругались над девушками. Дуся кричала: «Убейте меня! Лучше убейте!»

Ранним утром избитых, опозоренных девушек повели под конвоем через все село на работу. А ночью снова всей пьяной сворой измывались над ними.

Целую неделю полицейские мучили девушек, а потом отправили их в Пречистое, и там они были казнены. На другой день после казни, как только полицейские сняли блокаду с дома Талдыковых, мать шепнула Васе: «Беги к нашим!»

Докукин с радостью принял в роту Василия Талдыкова и не ошибся в нем. Паренек искусно проводил разведчиков по оврагам, лощинам, непроходимым болотам в расположение врага. Он действовал во всех боевых операциях.

Недалеко от Боярщины еще недавно стояла на высоте деревня Лосевка. Солнечная, светлая. Сады и палисадники около каждого дома. Ульи с пчелами, огороды, скот и птица. С приходом немцев началось разорение. Фашисты вырубili вокруг все березки, фруктовые сады, разграбили улья, передушили птицу. Жители, спасаясь от фашистов, ушли в лес, угнали с собой скот. Долго фашисты здесь не задержались, боялись возмездия партизан. Вокруг лес, а раз лес — значит партизаны.

Но вот в Лосевке появились докукинцы. Люди с радостью встретили разведчиков. Наварили картошки, принесли молока. Красноармейцы поделились с ними чем могли. С тех пор докукинцы стали желанными гостями. Придут в Лосевку — жители выходят из укрытий, несут угощение, вытаскивают из пруда и очищают от ила самовары. А уходит рота, и снова жители бегут в лес.

Особенно девушки были рады приходу докукинцев и с нетерпением поджидали бравых и храбрых бойцов-ярославцев.

В деревне жили учительница Мария Поликарпова — Маня Красивая — и ее подруга Мария Борисова — Маня Длинная, как прозвали их в деревне. Полюбили девушки командиров разведки: Мария Поликарпова — командира роты Докукина, а Мария Борисова комиссара роты младшего лейтенанта Полешкина.

Уйдут докукинцы на боевую операцию — не спят девушки, дожидаются прихода разведчиков.

Недавно докуинцы, получив задание, покинули Лосевку. Жители тоже собирались уходить, но в это время появилась группа незнакомых красноармейцев. Усталые, мокрые, они вышли из леса и решили отдохнуть в Лосевке. (Говорят, это были разведчики Горьковской дивизии.) Жители обрадовались приходу красноармейцев, пригласили их в дома и сами остались ночевать в деревне — «поспать в тепле, в хатах, на своих постелях».

А ночью налетела банда Вавиленка. Убили часовых. Подожгли хаты. Вокруг крики, стоны. Пожар охватил всю деревню. Разведчики приняли бой. Героически отбивались от полицейских, но выйти из пылающих, осажденных домов не смогли.

После разгрома Лосевки полицейские согнали оставшихся в живых людей и угнали их в Боярщину. Среди угнанных были Мария Поликарпова, Мария Борисова и их отцы: Петр Поликарпов и Герасим Борисов.

Докуинцы, вернувшись с задания, узнали о трагедии Лосевки. Командир не мог найти себе места. «Из-за нас загубили людей проклятые полицаи». А тут еще Вася Талдыков твердит: «Командир! Идем на Боярщину! Долго мы будем смотреть, как Вавиленок с полицейскими мучают наших людей!»

Получив разрешение командира дивизии, Докукин связался с партизанским отрядом, и сегодня они совместно совершили налет на гнездо полицейских.

Мои размышления прервал появившийся вдруг Савченко. Размахивая руками, он рассказал о проведенной разведчиками боевой операции.

— Докукин разгромил бандитское гнездо! — кричал он. — Женщины Лосевки спасены, а Петра Поликарпова и Герасима Борисова полицейские угнали в село Пречистое!

Из-за угла дома показался велосипедист. Он был в белой рубашке, без головного убора. Положив босые ноги на руль, велосипедист лихо мчался вдоль дороги. «Товарищ Докукин!» — закричал Савченко. Велосипедист махнул рукой, промелькнула копна светлых волос и сияющее колесо.

Мы вскочили. «Неужели это Докукин?» В моем представлении Докукин был огромного роста и, конечно же, не такой молодой.

— Этот велосипед разведчики взяли в Боярщине у полицейских в штабе. Много сегодня трофеев захватила рота, — похвалился Савченко.

Вскоре нас позвали на КП роты. Для себя я решила: от Докукина никуда не уйду, — и успокоилась.

В доме Полины Алексеевны, в первой половине, за столом, на скамейках сидели командиры и разведчики.

Нас провели в большую светлую горницу, с чисто вымытыми, выскобленными полами. На широкой деревянной кровати лежали Докукин и Полешкин. Когда мы вошли, они встали. А Савченко тут же сел на пол, стянул с ноги сапог и достал конверт. «Товарищ лейтенант! Вам пакет из штаба дивизии!» — отпартовал он. А потом, косясь в нашу сторону, добавил: «А это вот новые бойцы пришли Тс нам в роту с пополнением».

Докукин вскрыл конверт, улыбнулся, почесал затылок: «Горит наша мечта о бане, комиссар», — и застрочил карандашом в блокноте. Потом приказал:

— Вот что, Савченко, доведешь свое пополнение до Никулина, а сам, не задерживаясь, отправляйся прямо в штаб дивизии! Понятно?

— Товарищ лейтенант, разрешите остаться с вами! — почти застонала я.

— Нет у нас оснований не доверять бойцу только потому, что боец женщина! — встал на мою сторону комиссар роты.

В дверях появились женщины. Впереди стояли две девушки. Одна из них была такая высоченная, что я сразу догадалась: Маня Длинная. Вторая — действительно красавица: Маня Красивая. Гладкие волосы стянуты на затылке в черную косу, на смуглом худом лице румянец. Тонкая, прямая, — как березка. А какой изумительный изгиб шеи!

— Проходите, товарищи, — расправляя гимнастерку и приглаживая взъерошенные волосы, сказал Докукин.

Женщины двинулись. Но Маня Красивая остановила их. «Думаю, что мы теперь уж лишние», — и острые ее глаза сверкнули в мою сторону. «Да что ты, Маруся?» — смущенно протянул Докукин. Маня Длинная взглянула на свою подругу с укоризной.

— Товарищ Докукин, — сказала она, — мы пришли поблагодарить вас и ваших бойцов — спасителей наших. Большое вам спасибо!

— Дай вам бог счастья, сынки наши!

Женщины плакали. Только Маня Красивая стояла гордая и злая.

— Будьте здоровы, сынки, спасибо, — и женщины заторопились к выходу.

— Через час построить роту! — приказал командирам Докукин.

Около дома собрались разведчики.

— Из Ярославля к нам в дивизию прибыло пополнение,

знакомьтесь, товарищи, с новыми бойцами! — обратился к разведчикам комиссар.

«Привет землякам! Ну, как там Ярославль, на месте стоит?» — зашумели разведчики, окружая нас со всех сторон. «А как там поживают красноперекоповцы? — спросил, пожимая нам руки, сержант и представился — Власов».

На крыльце богатырского роста красноармеец, перевязывая руку старшему сержанту, приговаривал: «Леня, а хорошо бы тебе сейчас в ярославский госпиталь. В Рыбинск, к жене бы заглянул...» Раненый хмурился: «Кончится война, увидимся! А сейчас не ко времени разговорчики такие». Это были боец Дубровин и старший сержант Зинин.

— Товарищи командиры взводов! Пора к лейтенанту! — приказал комиссар. Командиры тотчас ушли, а мы начали расспрашивать разведчиков о разгроме бандитского гнезда Вавиленка.

Докукин поставил перед ротой задачу: освободить всех арестованных и захватить начальника полиции, предателя Ивана Талдыкова.

Разведчики под прикрытием ночи, обойдя оврагами деревню с тыла, закрыли все выходы из нее. Смелый и дерзкий налет — и полицейский гарнизон разгромлен. Взорваны и сожжены склады с боеприпасами и продовольствием, здание штаба со всеми документами. Взяты в плен полицейские. Но самого Вавиленка в Боярщине в эту ночь не оказалось, он ушел в деревню Стрынково, к немцам на доклад, там и заночевал, и это спасло мерзавца от возмездия.

Старший сержант Зинин рассказывает:

— Из окна одной хаты полицейские открыли огонь. Вот тут меня и ранило. Ворвались мы с Докукиным в дом: пусто, никого нет. Отдернули крышку подвала, а там — битком женщин и детей... «А ну выходи!» — приказал Докукин. Вылезают. Женщины плачут и причитают. «Ой-ешеньки! Знакоменькие, докукинцы!» — кокетливо улыбаясь, защебетала девица и загородила вход в подвал. Докукин силой выдернул оттуда девицу. Тогда в проходе встала старуха, загораживая толстого человека, и заорала истошным голосом: «Не трогайте его, он хворый, болезненный»... «Хворым» оказался полицейский невероятных габаритов, с немецким автоматом. Пузо — во! Ряха — во! Подстрижен под челку, а затылок голый. Докукин выхватил из рук полиция автомат и дал в глубину подвала очередь. Остальных мы вывели, разоружили и даже заставили их связать друг другу руки... А группа младшего лейтенанта Полешкина побежала к дому Васи Талдыкова, но было уже поздно.

Дом Талдыковых полицейские разнесли гранатами. Лишь одиноко торчала закопченная печная труба. Вася, обезумев от горя, носился по деревне, разыскивая мать и маленьких братишек...

На крыльцо вышел Докукин.

— Ну, двинулись! — закусив дымящуюся трубку, он пошел вперед.

Он был неузнаваем. На гимнастерке ни единой морщинки. Распахнутая плащ-палатка развевалась на ходу.

Во всей его крепкой фигуре чувствовалась уверенность и сила. Рядом с ним шли младший лейтенант Полешкин и командир взвода Яков Ивченко. Когда деревня осталась позади, за лесом, Докукин собрал всех и озорно спросил:

— Ну как, товарищи, больные есть? Потертости ног, головные боли, желудочные? Идем в партизанский край, там госпиталей нет!

Все дружно засмеялись.

Я шла позади командиров, стараясь не отставать. Неожиданно Докукин обернулся: «Аверичева, а как у тебя дело с гранатой? Далеко можешь бросить?» — «По боевой подготовке у меня было «отлично», — похвастала я. «А мы это сейчас проверим. Бери гранату, вытащи запал!»

Все отошли в сторону. Я бросила гранату. «Хорошо, — сказал Докукин. — А ну еще разок». Ребята сбегали за гранатой. Я повторила свой бросок. «Прекрасно! А ну теперь с запалом». Я приободрилась и в третий раз бросила гранату еще дальше. Она взорвалась. «Молодец!» Вдруг он размахнулся и легко, без напряжения, бросил свою гранату. Она пролетела через всю поляну до опушки леса. Мы только ахнули. Докукин улыбнулся: «Чтобы бросать гранаты, как бросаем мы — мужчины, нужно трех таких солдат, как ты».

Все молча двинулись за Докукиным. Я шла, закусив губу. «Не расстраивайся, — пожалел меня рядом идущий боец, — ты бросила гранату нормально. А Докукин... У нас во всей роте никто не бросает так далеко».

Докукин вспомнил детство. С восторгом рассказывал, как дергал девчонок за косы. Все вокруг смеялись, вставляли реплики. Казалось, идут друзья на прогулку. Докукин, как видно, был в ударе. Его настроение передавалось всем. Я это чувствовала на себе. Мне было хорошо и легко.

Вошли в лес. Где-то вдали застрочил пулемет. Командир взвода отправил вперед дозор. Разведчики, не дожидаясь команды, выстроились гуськом. Пулемет бил слева, через ровные промежутки. Даст несколько очередей и замолчит. Несколько

пуль с визгом впились в стволы сосен. Разведчики шли спокойно. Казалось, им нет никакого дела ни до немцев, ни до полицейских с их автоматами и пулеметами.

Вышли к опушке леса. Докукин остановил роту в лесу, а сам в сопровождении нескольких разведчиков пошел в наблюдение. Я тоже пошла за ними. К моему удивлению, Докукин не возражал. Наблюдая из-за куста за деревней Горбатовщиной в бинокль, командир роты потихоньку объяснял план действий.

— Аверичева, — обратился он ко мне, — видишь дзот? Это наша цель. Подползешь и забросаешь гранатами. — Он снял с пояса свою гранату и протянул мне: Держи!

В бинокль я увидела зеленый холм. Из амбразуры бил пулемет.

— Есть забросать гранатами! — отчеканила я.

После наблюдения мы соединились с ротой и вышли к разрушенному, сожженному селу. Около двух больших искалеченных берез одиноко скрипели качели. Здесь была школа. Все притихли. Голубев присел на качели, проговорил вполголоса:

— Когда-то здесь было весело...

Из лесу показались всадники. Это были партизаны. Среди них — девушка с сумкой Красного креста. На вороном коне гарцевал связной — мальчишка с немецким автоматом, перепоясанный ремнями и увешанный гранатами. Рядом партизан с белой бородой и чубастый парень в фуражке и кожаной тужурке. Я стояла как зачарованная.

Вот они, герои смоленских лесов!

Чубастый парень подбежал к Докукину, схватил его в охапку и стал тискать: «Молодцы, что разгромили полицеев! Он толкнул командира роты в бок кулаком, Докукин в ответ ловко двинул рукой, и партизан отлетел в сторону. «Вот дьяволище!» — воскликнул парень сконфуженно и с восторгом. Подошел партизан с бородой: «Жаль, Вавиленка не застали». В адрес главаря полицейских посыпались крепкие словечки. «Э-э! — остановил их Докукин. — Осторожнее! Среди нас женщины!»

Чубастый подошел ко мне. «Что у тебя за штуки на ремне?» — показал он на противотанковые гранаты. — «Толкушки, толочь картошку», — ответила я ему в тон.

— Ну, приступим к делу, — вмешался в наш диалог Докукин.

Партизаны умчались к своим, а нам комроты объяснил план боевой операции. Основная задача: освободить арестованных, заподозренных в связях с партизанами, уничтожить склады с боеприпасами, разгромить полицейский гарнизон. Действуем тремя группами. Общий пароль «25».

Темнеет... Тихо звучит команда. Гуськом двигаемся вдоль

леса. Докукин забирает у меня свою гранату. «А чем же мне глушить пулемет?» — спросила я. «Пошутил, не обижайся, — ответил лейтенант. — Война не завтра кончается, хватит и на твою долю, а сегодня поползем все вместе».

Ночь темная. Подползли мы совсем близко к пулеметной точке. Залегли. Пулемет молчит, как будто притаился. Слышно дыхание соседа. Докукин спрашивает: «Не страшно?» — «Нисколько!» — «Совсем не боишься?» — «Боюсь, как бы в чем-нибудь не сплеховать, не подвести вас», — ответила я. — «Ну добро!» — я почувствовала, что он улыбнулся.

С левого фланга, у нас в тылу, залаяли собаки. Нарвались, как видно! Но тут заработали партизанские минометы и пулеметы. Это сигнал для общего рывка. Молча, со всех сторон, пошли в атаку. Полицейские и немцы проспали. Пулеметные точки уничтожены. Мы ворвались в деревню, бутылками с горючей смесью и термитными шашками зажигая склады с боеприпасами. Опомнились полицаи. Из домов, где они засели, бешеный огонь. Стало светло, как днем. Бегут освобожденные из полицейских лап люди. Справа, из сарая, отстреливаясь, выскочила группа фашистов. Мы открыли огонь. Ни один из них не ушел. Подбежал Докукин. Глаза горят. Кричит: «Вперр-р-ред!» Группы соединились.

— Двадцать пять! — кричат партизаны.

— Двадцать пять! — отвечают разведчики.

Команда «на отход». Удивительное, неизведанное чувство победы переполняет меня. Усталости никакой. Идем гурьбой, каждому хочется быть поближе к Докукину.

В лесу Докукин ведет краткий разбор операции. Задание командования выполнено: сожжены склады с боеприпасами, девятнадцать полицаев убито, двое взяты в плен, освобождены арестованные жители. В бою отличился командир отделения Власов, он первый со своим отделением ворвался в деревню, атаковал помещение штаба полиции. Красноармейцы Кислицын и Сотсков с ручным пулеметом удачно выбрали огневую позицию и быстро подавили огневую точку противника, обеспечив нам продвижение вперед. «Аверичева, ты выдержала испытание, а я хотел тебя определить на телефон или прачкой», — шутит Докукин. Все смеются. Я смеюсь громче всех.

Светает. Проходим лес, а затем идем выжженными, искалеченными деревнями. Идем к партизанам. Перед нами большое, зеленое, совершенно целое село.

Здесь, в тылу врага, Советская власть, работают колхозы. Партизаны держат целый край.

Возле первого дома девушка в солдатских сапогах, голубом

крепдешиновом платье и с винтовкой. Партизанка Лена! Ее хорошо знают докукинцы по совместным боевым операциям.

В наше распоряжение партизаны предоставляют большой дом. На столе вареная картошка, яйца, кринки с топленным молоком, черный душистый хлеб. После обильной трапезы, тут же на полу, на свежем сене, заваливаемся спать. Через секунду дом дрожит от дружного храпа. Мне не спится. Потихоньку выхожу на крыльцо. Тишина. Поднимается солнце. Пастух гонит стадо. Неужели я только что была в бою, в первом своем бою! Какая-то сила захватила меня, подняла со всеми и бросила вперед, в огонь. Как назвать эту силу, это чувство, изведенное мною? Выполнением долга? Любовью к Родине? Ясным ощущением своего места в строю, в жизни... И первое, и второе, и третье.

Вышел Докукин, сел рядом: «Ты что не спишь?» — «Не хочется. Такое утро». — «Скажи, пожалуйста, зачем ты пошла на фронт? В грязь, в кровь, в огонь! Ведь тебя никто не призывал. Что тебя заставило?..» — «Очевидно... то же самое, что и вас...» — «Я — мужчина... — Докукин встал. — День будет тяжелый».

Целый день и ночь мы пробирались оврагами, лощинами и лесами домой. Утром, когда подходили к деревне Баушкино, услышали гармошку. Девушки и женщины сопровождали колонну подростков,двигающуюся вдоль дороги. Впереди, перекинув через плечо автомат, вразвалочку, медвежьей походкой, загребая носками во внутрь, шел высоченного роста красноармеец. Огромная его рука лежала на плече мальчика, который старался шагать с ним в ногу.

— Федоров! Алеха! — закричали разведчики.

Федоров остановил колонну и, сделав несколько шагов к Докукину, отрапортовал:

— Молодежь, набранная на оккупированной территории, направляется в наш тыл в ремесленные училища. Во время налета на Горбатовщину я обошел опорные пункты противника, по указанным вами местам. Задание выполнено!

Докукин пожал руку разведчика.

Вот и все, что я хотела тебе поведать, дорогой мой дневник. Я лежу в траве на окраине села, и мне с тобой хорошо.

23-е июля.

День начался с происшествия. В сарае, где жили разведчики и куда впервые прибыло наше пополнение, живут сейчас пожилые красноармейцы из хозяйственных частей дивизии. С утра они косили сено. Докукин надел немецкий мундир, сел на велосипед и помчался мимо места, где работали красноармейцы — косари. Он решил, очевидно, пошутить над ними, а может испытать их

находчивость. Красноармейцы схватили винтовки, кричат: «Стой! стой! Хенде-хох!» — и палят вверх. Как видно, решили взять «немца» живым, представить командованию «языка». Докукина и след простыл, а старики все бегут за ним и бьют по лесу. Мы выскочили с автоматами, бежим на место происшествия, не понимая в чем дело. Комиссар Полешкин объяснил старикам, что это не немец, а наш разведчик. Вернулся Докукин довольный: «Вот это бойцы!» Разведчики стояли бледные: ведь командир роты мог получить пулю. Полешкин долго отчитывал Докукина за легкомыслие.

После обеда Докукин и Полешкин провели с нами, вновь прибывшими, беседу. Собрались за селом. Мы сидели на огромном свалившемся дереве, а Докукин ходил взад, вперед, рассказывал о положении на фронте, о задачах дивизии и нашей роты.

Дивизия занимает оборону на протяжении шестидесяти километров. Бойцов не хватает, поэтому оборона строится на опорных пунктах. Задача роты: не давать врагам спокойно жить на нашей земле. Создавать им невыносимые условия. Наносить урон не только материальный, но и моральный. Рота действует в нейтральной зоне. Совершает налеты на опорные пункты противника. «Языка» мы берем путем засад и разведки боем. Наши действия в тылу врага — разведывательного и диверсионного характера. Достаем сведения, документы в тылу врага, парализуем противника. Мы должны появляться в расположении вражеских штабов неожиданно и бесследно исчезать. При этом разведчик должен всегда помнить: главное в нашем деле — подойти незаметно, потихоньку, осторожно. Нанести внезапный удар, сделать свое дело и... вовремя смыться!

Он сидел на пне и покуривал свою трубку, не выпуская ее из рта. «Да, — подтвердил он, — вовремя смыться. Это наш закон. Разведчик не имеет права попадаться в плен живым!»

27-е июля.

Три дня назад мы покинули наше Никулино. Получено задание: взять контрольного пленного на большаке в районе Свитского Мха, под Гарь-Хлиповкой.

Идем лесом, гуськом, один за другим. Над нами огромные хвойные ветви. Сквозь такой густой лес трудно пробиться солнечному лучу. Немцы не ходят сюда, боятся. К ним на подкрепление пришли финны. Они бродят с собаками по лесу, организуют засады. На деревьях сидят «кукушки». Идем осторожно, впереди дозор. Наблюдаем вокруг, просматриваем верхушки деревьев. А вот и Свитский Мох. Перед нами картина необычайной красоты: голубовато-серый мох раскинулся на

километр; как ковер, которому нет конца. От этой красоты невозможно оторвать глаз. Мы идем бесшумно по мягкому мху. Небольшие крепкие сосны скрывают нас от противника. И вдруг натыкаемся на человеческие скелеты. Наши бойцы! Это можно различить по сохранившейся каске, пряжке от ремня, разбитой винтовке, неразорвавшейся гранате. Вот они, наши «без вести пропавшие»!

Проходим молча. Дальше, дальше от этих мест. А вот и большак. Наблюдаем недолго. Слышим приближающийся легкий шум мотора. По большаку скользит темная легковая машина. Немцы, выглядывая в окна машины, держат автоматы наготове. Летят противотанковые гранаты. Машина вместе с немцами — в клочья. По большаку застрочили фашистские пулеметы, забила артиллерия. «Отход!» Впереди молча идет Докукин.

Вечереет. Солнце садится. Операция сорвана, задание не выполнено. «Нашумели, а немцы и без того боятся двигаться по этой дороге. Теперь к большаку подойти не так просто, — ворчит Самохвалыч. — Обрадовались! Из-за трех немцев столько гранат набросали». Докукин сидит на пне, посасывает трубку, ноздри его раздуваются.

Через часок с наблюдательного пункта батальона соседней 134-й дивизии наш командир докладывал полковнику Турьеву:

— Поиграли в кошки-мышки, ни хрена не получилось... Поиск продолжаем.

Снова мы в лесу. Возвращаемся к исходной. Темнота, хоть глаз выколи. Чтобы не потерять друг друга, кладем на плечо кусочек гнилого дерева. По светящемуся в темноте огоньку не упускаем из виду впереди идущего. Докукин ведет нас уверенно. Я думаю о том, что нужно иметь особое чутье, даже талант, чтобы так ориентироваться в кромешной тьме. Плечи, спина гудят, ноют. Ноги еле передвигаю. Кажется, еще шаг — два и упаду. Наконец долгожданный привал... Завернулась в плащ-палатку, в обнимку с автоматом, и... как провалилась.

— Подъем! Подъем!

«Стук, стук, стук», — предательски стучит сердце. Неужели я струсил!? Посматриваю вокруг: все заняты собой, побряхтывают, позевывают, надевают плащ-палатки, вещевые мешки, автоматы. Двинулись. Сердце мое успокоилось.

По большаку патрулируют два танка, беспрерывно строчат их пулеметы, прочесывая местность. Мы пробираемся дальше, выбираем незаметный подход к большаку и место засады. Действуем тремя группами. Разведчики старшина Кукуев, старший сержант Борисов с ярославского завода, Валентина Лаврова, Ефим Рудкин, Михаил Голубев со своим другом

Михаилом Кругловым под командованием командира взвода младшего лейтенанта Игнатьичева переходят большак и ложатся в засаду на противоположной стороне. Нашей группой, в которой почти все новенькие, командует старший лейтенант Васильев. С нами остается и Докукин. Лейтенант Ивченко с группой недалеко от нас. У пулеметов Алексей Сотсков и Василий Орлов.

Забрезжил рассвет. Большак оживает. Проходят танки, за ними следом машины с немецкой пехотой. Сидят солдаты ровными рядами, в полном боевом. Из-под касок настороженные глаза, просматривают каждый кустик. Но мы невидимы: густой кустарник, искусная маскировка хорошо скрывают нас. Машины идут одна за другой. Нужно выждать момент, чтобы бесшумно и с наименьшими потерями взять «языка».

Опустел большак. Замолчали патрулирующие танки. Кажется, что все вымерло. Никто больше не проедет и не пройдет. Тишина. Солнце уже высоко, печет, греет голову. Я размлела, ужасно хочется спать. Но вот снова с лязгом и скрежетом идут танки, сотрясая землю. Из первого танка наугад ударил пулемет. Пули летят выше. Послышался необычный нарастающий шум. Проходит немецкий обоз под усиленной охраной пехоты. Мы приготовились к бою. Рука сжимает гранату. Обозы прошли. Команда «к бою» не прозвучала.

Затишье продолжалось недолго. Послышалось цоканье копыт и тарактенье колес. Сначала показалась пара лошадей, потом и повозка с высокими бортами на двух огромных колесах. «Карета» приближалась к месту нашей засады. В ней сидели рядком два здоровенных немца. Оглядываясь по сторонам, они громко и быстро разговаривали, как видно подбадривали друг друга. Вот уже четко слышна их речь...

Из-за кустов поднялись разведчики группы захвата. Старшина Кукуев в одно мгновение оказался в повозке. Вместе с одним из немцев он вывалился оттуда на большак. Здоровенный немец вырвался из рук Кукуева, но старшина догнал его, прыгнул на плечи и покатился с ним в кювет. Докукин уже бежал на помощь.

Второй немец пустился наутек. Испуганные лошади понесли, грохоча пустой повозкой. Наша группа ринулась немцу наперерез, но взрывы снарядов патрулирующих танков отрезали путь. На мгновение все заволочло дымом. Когда дым рассеялся, мы увидели на большаке неподвижного немца, перевернутую повозку и бьющихся под ней лошадей. Навстречу ползли немецкие танки. Минометы и артиллерия били по территории Свитского Мха.

Докукин спешно выводил нас из огневого мешка. И никто из нас не знал, что он ранен в ногу.

29-е июля.

Докукин в медсанбате. В роте все ходят угрюмые. Командование ротой временно принял лейтенант Крохалев. Это сухощавый, пожилой человек, невысокого роста, с землистым цветом лица. До войны служил в районной милиции где-то под Ярославлем.

Бродим по лесу и болотам. Патрулируем в нейтральной зоне. Командование дивизии требует во что бы то ни стало взять пленного в районе Пречистого или Верхней Дубровы. Мы только что вернулись с задания. Наша группа под командованием лейтенанта Ивченко вела наблюдение за Верхней Дубровкой и Вишенками.

Теплое солнечное утро. Разведчики чистят автоматы, заряжают диски. А у кого все в порядке, — блаженно растягиваются на траве. Я наблюдаю за ребятами. Какие они все разные! Вот красноармеец Дима Ершов из Брейтовского района. Лежит на спине. В его глазах отразилось небо, и они голубые и добрые, как небо. «Хорошо у нас дома: леса какие!» — «А что, тебе здесь лесов не хватает?» — удивляется Серега Соловьев. «Мне твоя Смоленщина тем и нравится, что она напоминает мою Ярославщину. Вот так же и у нас: грибов!.. Каких только нет! Знай собирай. Но особенно я люблю рыбачить... А девчонки у нас какие! Придем мы к ним на посиделки, а они уже сидят на скамейках вдоль стен, принаряженные, каждая ожидает «своего милого»... А какие бои у нас были с ребятами из-за девчат! Если только кто посмеет поухаживать за нашими, сейчас подходишь и спрашиваешь: «Заявляешь?» Если смельчак отвечает «заявляю», начинается потасовка». — «Нашел чем хвастать! — возмутилась Лаврова. — Какая дикость, допотопщина. Прямо как при царе Горохе». Все рассмеялись.

— А мы перед войной жили в Таллине, — начинает свой рассказ Савченко. — Отец у меня военный, полковник... Потом в Ярославль переехали. Сейчас там мать и две сестренки. Отец в армии.

— Товарищ лейтенант, — спрашивает Валентина Якова Ивченко. — Вы тоже украинец? Как же вы попали в нашу дивизию?

— Да, я из Черкасской области, а село мое называется Змагайловка. Мы прибыли в дивизию в мае месяце 1942 года. Карпухин, Замятин, Горшков, Цыганков и я — пять командиров и все пошли до роты Докукина. Докукин встретил нас хорошо, налил нам водки с термоса, а когда узнал, что я с Украины, начал со мной бороться, як Тарас Бульба со своим сыном. Дома я никогда не уступал в борьбе. Ну, а Докукин, кто же его осилит! — На моей Украине сейчас фашисты. Там и мать и батько... Не все

ли равно, в какой дивизии бить гадов. А ярославцы хлопцы веселые, с ними не зажуришься. Мы с Докукиным договорились: кончится война, непременно приедем до вашего Ярославля!

Все вокруг заволновались, зашумели.

— Товарищ командир, — окая, басит Михаил Круглов, — к нам в Сусанино приезжайте!

— В Переславль, на наше озеро! — кричат Борисов и Саша Семенов.

— А мне Докукин обещал, что обязательно приедет в Кострому. Он всегда говорит: «Лева, а Кострома совсем рядом с Курском!» — смеется Маслов.

Мы с Валентиной волнуемся больше всех. Она кричит: «Если вы не заедете ко мне в школу!» А я твержу: «Мимо театра, конечно, вы не пройдете. Я уверена, что знакомство с Ярославлем начнете именно с театра Волкова». И все согласились. Как можно не побывать в Переславле-Залесском, там же Петр Первый строил свой первый флот на озере Плещееве! Как можно пройти мимо театра Волкова, это же первый русский театр! Нам казалось, что конец войны близок, что все мечты наши непременно осуществляются.

Прибежал Варзанов: «Товарищи, к нам в роту еще одну девушку прислали — санинструктора!» — «Вот не было печали... заполонил роту женский пол», — проворчал Иван Журавлев. «А что они тебе сделали? Разве они тебе мешают!» — накинулись на него Коля Внуков и Сережа Соловьев. — «Да ни выразиться при них нельзя, ни... все как-то не вольно. А девушка, да еще санинструктор начнет: «Мойте шею, уши! Проверка на вшивость! Здесь не кури, там не плюй!» — волновался Иван, сопровождая каждую фразу жестами. «Эх ты, Нерехта!» — смеется Михаил Голубев. «А что? Иван прав, без них как-то свободнее», — вставляет свое слово Марусин. Но большинство настаивает на своем: «С девушками веселее и здесь и в бою. Если девушка идет в бой, то уж наш брат, мужчина, хошь не хошь, — а иди вперед, пример показывай».

К сараю подходит старшина роты, а с ним маленькая девушка. Черная шапка кудрявых волос, сверкающие карие глаза, маленький носик. На загорелом лице яркий румянец. Где я видела эту хорошенькую мордашку? Не успеваю вспомнить, как девушка представляется:

— Здравствуйте, я к вам. Санинструктор Анна Тюканова!

Ну конечно! Это гостеприимная медсестричка из лагеря, где мы выступали в Октябрьский праздник!

— Анюта! — вскрикиваю я.

— Ой! А я вас сразу и не узнала! — она опускается рядом со

мною на траву, и мы обнимаемся.

5-е августа.

На днях нам зачитали приказ Верховного Главнокомандующего: «Ни шагу назад», в котором говори лось, что наши войска сдали противнику некоторые города без использования всех средств сопротивления. Отныне приказ: не отходить ни на шаг. Состоялся короткий митинг. Бойцы выступали дружно: «У нас есть только один путь — вперед! На запад! Приветствуем приказ! Не отступим ни на шаг! Стоять насмерть!»

После митинга разошлись по взводам. Через час выступаем. Приказ иметь при себе не менее 500 патронов, пять ручных гранат и одну-две противотанковые. Чистим и без того чистые автоматы, набиваем запасные диски патронами. Михаил Голубев нашел в углу сарая гранату РГД-33 и решил ее, как видно, присвоить. Вдруг в гранате хлопнул запал. Михаил бросил ее на пол. Граната зашипела. Мы ринулись в противоположный угол. Михаил тут же схватил ее и побежал к выходу, но в этот момент в дверях появился старший сержант Власов. Голубев не растерялся: бросил гранату в прорезанную над дверью дыру. Граната пролетела над головой Власова и в воздухе взорвалась.

В сарае тишина. Врывается комиссар Полешкин: «Что за хулиганство? Кто бросил гранату?» Мы стоим в углу, притихшие и бледные, а Михаил, заикаясь, отвечает: «Я-я! Г-г-олубев!»

После ухода комиссара мы начали анализировать происшедшее. Все сошлись на том, что Голубев молодец. Удивлялись его находчивости. А Михаил Круглов смотрел на своего тезку и говорил: «Я, паря, честно скажу, испугался... Вот так за здорово живешь — и нет тебя! А домой сообщает: погиб смертью храбрых...»

— Стройся! — слышалась команда. Рота вытянулась вдоль дороги. Перед строем комиссар роты. Старшина проверяет снаряжение. Сначала на грузовых машинах двинулись по ухабам и рытвинам на левый фланг нашей дивизии. Когда стемнело, мы уже шагали далеко от своей деревни Никулино.

Привал! Все падают там, где стояли. Маленькая, пухленькая Анюта подкатилась ко мне тепленьким комочком: «Аверичева, я с тобой». Теплое дыхание подружки, две плащ-палатки — блаженство!

Проснулась от артиллерийского грома. Говорят, учебный батальон атакует противника. Моросит дождь.

Снова шагаем. Навстречу идут раненые бойцы. Говорят, что ход боя можно определить по лицам раненых. Всматриваюсь в каждого. Идут бойцы, поддерживая друг друга, забинтованные, преодолевая боль, но настроение у всех бодрое. Потом мы узнаем, что учебный батальон с приданными ему танками и другими подразделениями под командованием командира батальона лейтенанта Малкова внезапным налетом прорвал линию обороны противника. Разгромлен крупный немецкий гарнизон, состоящий из войск СС. Захвачено множество дзотов с круговыми ходами сообщения. Занята деревня Зазерье.

Бой удалялся. Догорали подорванные танки. Много перевернутых немецких артиллерийских и минометных орудий и повозок. Две кухни с наполненными термосами. В термосах горячая пища.

Нашу роту бросили с ходу на подкрепление учебного батальона, Анюту оставили на КП. Из разрушенной немецкой траншеи под взрывами снарядов и пулеметным огнем, согнувшись, бежим по открытому полю. Мы с Валентиной бежим рядом, что есть духу, перегоняя друг друга. Вдруг позади крик: «Стой, стой! Назад, Аверичева, Лаврова! Назад!»

Из траншеи кто-то машет нам рукой. Перед нами командир с двумя шпалами. Худенький, тонкошей. Из-под каски курносый нос. «По приказу начальника штаба дивизии Завадского вы останетесь здесь». У меня перехватило дыхание. Валентина от злости побледнела. Пожав плечами, она пошла вразвалочку к землянке. А я осталась в траншее, недовольная, злая. Вокруг разбитые траншеи. Развороченная землянка с немецкими медикаментами. Неподалеку командир учбата лейтенант Малков отдает какие-то распоряжения.

Начался поток раненых. Среди них я узнаю своих друзей по боевой подготовке из комсомольской роты. Двое бойцов на плащ-палатке несут тяжелораненого. У него разворочен живот. Лицо серое, в поту. Боец стонет. Разорвала я индивидуальный пакет, прикрыла рану. Боец схватил меня за руку. Он умирает.

— Докукинцы! Кто здесь из докукинцев? — кричит командир учбата. — Нужно срочно отнести приказание Крохалеву!

— Товарищ лейтенант, разрешите мне! — прошу я.

— А что ты тут стоишь? Разве ты не боец? — кричит Малков, записывая что-то в полевой книжке. — Отправляйся, да живо!

Я выскакиваю из траншеи.

Наша рота в глубоких, добротных немецких траншеях круговой обороны. Сколько же здесь проволочных заграждений и минных полей!.. Ребята обрадовались. И мне возле них стало как-то спокойнее. Противник начал артподготовку. Мы сидим в

траншеях, выжидая, когда немец перенесет огонь в глубь нашей обороны. И вот огонь бушует позади нас. Немцы пошли в контратаку. Вот они довольно близко. Наши пулеметчики Федоров, Голубев, Прилеппо, Сотсков, Кислицын точным огнем положили их. Уцелевшие отступают к лесу.

Бой идет правее нас. На нашем участке началась более интенсивная артиллерийская обработка. Огонь еще не перешел в глубину, как началась новая контратака, Немецкие пулеметы поливают наши траншеи, нельзя высунуть голову. Под прикрытием своих пулеметов немцы продвинулись совсем близко к нам. Наши пулеметчики ведут огонь по немецким пулеметам, а мы бьем из автоматов по пехоте.

И вновь наступило затишье. Прибежали Валентина и Анютка. Не успели мы обменяться приветственными словами, как началась новая контратака. Артиллерийская подготовка продолжалась долго. Нас забрасывало землей, с визгом и воем пролетали над головой осколки.

Затем все стихло, и в наступившей тишине раздались какие-то дикие звуки труб. Немцы в рост шли из леса сплошной массой. Психическая атака. «Подпустить поближе!» — раздалась команда. Бойцы, не отрывая глаз от немцев, приговаривали: «Иди, иди сюда, фриц!» — «Ближе, ближе! Захотел землицы нашей, сейчас ты ее получишь». После каждой фразы добавлялись крепкие русские слова в комбинациях, доселе мной не слышанных.

Фашисты приближались. Это было не войско, а скопище пьяных дикарей. Гремели трубы, пищали губные гармошки, раздавался дикий, лающий хохот. Они были невменяемы.

Команда «огонь!» Первая очередь автоматов и пулеметов — как вздох облегчения. Эсэсовцы падали за смертью. Дикое стадо редело, но продолжало надвигаться на нас. Но вот серо-зеленая масса дрогнула и с воем стала откатываться назад. Наши пулеметчики усилили огонь, артиллерия забила по лесу. Поле боя покрылось немецкими трупами.

С утра все началось снова. Атака за атакой. Фашисты искали слабые места нашей обороны, но ни одно подразделение не отступило ни на шаг. Немцы приближались так близко, что забрасывали к нам в траншеи гранаты. Мы их на лету перехватывали и бросали в немцев. Особенно яростной была атака в полдень. Шел гранатный бой. Затем по команде Крохалева — «В атаку!» — мы выскочили из траншей и гнали фашистов до опушки леса. На наши позиции было предпринято шесть атак.

Сегодня многие из наших сложили свои головы. Погиб Юрий Романов, тихий, скромный паренек. Он первым выскочил из

траншеи и гнал немцев до опушки леса. Убит Кашиков из нашего пополнения. Он лежал в побуревших, потемневших от походной пыли красножелтых сапогах ярославской фабрики «Североход».

А день выдался жаркий. Несло трупным запахом. Дышать было нечем. Мучила жажда. Группа разведчиков под командованием Миши Голубева отправилась хоронить погибших наших бойцов. Когда они приблизились к кустам, немец начал бить из пушек. Убит разведчик Шепет, и его положили вместе с другими убитыми в одну могилу.

Ожидалась новая контратака. В тылу немцев взлетели ракеты. И тут заработала наша артиллерия. Мощный огневой вал сметал все с земли. После этого противник не предпринимал больше ни одной атаки.

Вечером мы узнали, что какой-то курсант из учбата пробрался с ракетницей в тыл к немцам и сигнализировал нашей артиллерии. Снаряды точно ударили по скоплению войск противника, сорвав новую атаку. Курсант погиб смертью храбрых. Но батальон окончательно укрепился на своих позициях.

Утром на четвертые сутки на смену нам пришла пехота. Роту нашу вывели из обороны. Мы с наслаждением вдыхали чистый сосновый воздух, шагая через рытвины и ямы. За деревней Зазерье стояла группа командиров. Среди них мы узнали полковника Турьева и комиссара дивизии Смирнова. Они окликнули нас с Валентиной. Турьев спросил, как наше самочувствие. Не раскаиваемся ли мы в том, что пошли в разведку? Мы поблагодарили полковника Турьева за то, что он поверил в нас. И помчались догонять роту. А потом до вечера строили дорогу на болоте. Носили по грязи здоровенные бревна для настила. Некоторые ребята ворчали от усталости, а мы с Валентиной, хоть и работали на последнем издыхании, держались бодро и даже весело.

Всю ночь прошагали, а на рассвете добрались до деревни, где стоял наш медсанбат. Грязные, мокрые, мы заглядывали в окна и двери, не рискуя в таком виде войти в палату к нашему командиру роты. Докукин нашему приходу страшно обрадовался. «Входите скорее! Да входите же вы, черти! Входите все!» — волновался он. Ребята ревнивым взглядом осматривали чистую палату. Старательно выскобленные полы. В открытые окна сквозь марлевые занавески льется свежий воздух. Всюду полевые цветы — ромашки, васильки, незабудки!.. Порядок! Около кровати Докукина — красивая стройная блондинка. Медсестра Аня.

Четыре дня Докукин просидел на крыльце, расспрашивая вновь прибывающих раненых. Вчера ночью к нему заглянул его друг старший лейтенант Осьмак, так что всю обстановку и

результаты боя Докукин знал лучше нас. От него мы узнали фамилию курсанта, пробравшегося в тыл противника и вызвавшего огонь на себя. Это был наш Высотский, который прибыл на фронт в одном эшелоне со мной. Докукин, говоря о погибших разведчиках, несколько раз повторял: «На свете не бывает смерти». Уверял нас, что нога у него зажила и скоро он вернется в роту.

У Докукина созрел план новой операции, поэтому лейтенанта Крохалева, командиров взводов он оставил у себя. На прощанье он подарил Анютке, Валентине и мне по фотокарточке — во весь рост, в фуражке, с трубкой во рту, с немецким автоматом. На обороте написано: «Достоин жизни тот, кто борется за жизнь. На память о боевых днях на фронте Отечественной войны. 1942 г. авг. МСБ д. Подвязые. Докукин».

Мы шагаем домой в Никулино и всю дорогу говорим о встрече с Докукиным. «Не понимаю, что значит на свете нет смерти! — восклицает Борис Барышников. — Это что, из загробной жизни?..» Ребята кричат: «Ну зачем же понимать в прямом смысле! Докукин хотел сказать, что человек после смерти жив своими делами».

Зинченко обнимает за плечи Батракова и поет: «И в какой стороне я ни буду, по какой я тропе ни пройду, друга я никогда не забуду, если с ним повстречался...в бою». Батраков моргает рыжеватыми ресницами.

В утренней прохладе горит роса на листьях, на траве, на цветах. Из сарая слышится могучий храп. Спят докукинцы богатырским сном. Я лежу на плащ-палатке и заканчиваю страничку моего дневника. Написала я ужас сколько — целое сочинение!.. Вот и меня клонит ко сну. Зачем отставать от коллектива. Спать — так спать!..

6-е августа.

Весь день наш — баня, стирка. Мы с Анютой удалились на свой ручеек. Вальком выколотили белье, гимнастерки, брюки. Валя презирает нас за это. Она уверена, что на фронте тратить время на «бабьи» дела — преступление. Она будет жить так, как живут все бойцы.

Обед готовим коллективно, всем взводом. Нашли на заброшенных огородах чахлую морковь, свеклу, укроп и даже капусту. Я шеф-повар. Анюта — моя правая рука. Валя с ребятами — чернорабочие: картошка, дрова, вода. Обед имеет колоссальный успех. Свежие щи со свиной тушенкой. Томленая картошка со свиным салом и луком, чай с малиной. Ребята с азартом очищают котелки и чашки. Мы с Анютой не успеваем наполнять их вновь. Смотрю на них с любовью, у них сейчас

такой домашний вид. И сердцу моему они так дороги и близки, как мой брат Илларион (не могу не думать о Лорше. Он командует десантной частью под Сталинградом, а там идут смертельные бои). Ребята благодарят за обед, похваливают. Рома Перфильев разругался, бьет себя по животу и говорит: «Как дома у матери пообедал!» Я прямо расчувствовалась. Всех отпустила на отдых, а сама принялась за мытье чугунов, чашек, ложек.

Да, Валентину сегодня избрали секретарем комсомольской организации роты.

26-е августа.

Не брала в руки, дневника целую вечность. Каждую ночь в разведке. Мы снова в деревне Грядозубово. Полина Алексеевна просит Валю, Анюту и меня: «Докукина нет, так живите хоть вы в моей хате». Ночью небольшими группами уходим на задание. Ползаем около обороны немцев по болотам, оврагам, перелескам, а потом возвращаемся на базу. Я снимаю с себя мокрую одежду. Тетя Поля подает мне свою домотканую сорочку. Она до того длинна и широка, что мои подружки умирают от хохота. Под дружный смех и шутки залезаю на горячую русскую печку. А ребяташки Полинка, Клавдюша и Маня бегут к ручью полоскать нашу одежду. Тетя Поля вытаскивает из печи пахучий смоленский пирог — ржаной с картофельной начинкой, — достает из подвала «крыночку молоцка». — «Покушай трошечки, — и ласково смотрит: «Ну что ты за баба, — худюща така, живот ить у тебя к спине прирос». Младшая из дочерей тети Поли Лизутка лезет на печку, трется около меня, как котенок мурлычет: «А неужто ты и вправду артистка, или так бойцы зазря тебя дразнят? А не страшно тебе ночами-то темными по болотищам лазить? А я так ух как боюсь полицаев». Засыпаю под журчащий голосок Лизутки.

Солнце высоко, а Валюша с Анютой спят. Выхожу на крыльцо. Сухая одежда лежит на лавочке. Иду в поле. Женщины жнут рожь, торопятся — скорей, скорей, пока докукинцы не ушли, а то явятся шешки полицаи. Тетя Поля самая высокая женщина на селе, она сильными ловкими руками срезает серпом рожь, горсть за горстью. Кажется, что такую ничто не сломит, не согнет. Женщины увидели меня, машут: «Иди к нам!» Среди них и Мария Поликарпова.

Я прошу: научите жать рожь. Тетя Поля подает серп и показывает: «Вот так левой рукой — собирай, а правой — срезай». Я пробую. Не получается. «Да что ты неладна кака! Под корень бери, под корень, чтоб солома не пропадала. Эх ты, шешка нямая!»

Я обижаюсь: «Что это вы меня так ругаете, как немца или

полицая!» — «Так это ведь как сказать. Можно со злом, а можно и по-доброму. Ты не обижайся! — уговаривают меня женщины. — Шешка — это вроде черт или дьявол».

Из села выходит группа косарей: разведчики Михаил Кукуев, Гоша Гусев, Саша Семенов, Михаил Курин. За ними идут Паша Савченко, Петр Пушнев и Сережа Соловьев. Вразвалку шагают друзья Михаила, Круглов и Голубев.

— Привет труженикам колхоза! — кричит Голубев. Женщины растроганно вздыхают: «Сынки, помощники наши родные. Каков командир, таковы и бойцы».

28-е августа.

Несмотря на жаркий день, в лесу прохладно. Мы ведем наблюдение за деревнями Вишенки, Верхней и Нижней Дубровой. Неподалеку от нас, около начисто выжженной, не существующей сейчас деревни Новоселки, золотится нескошенная рожь. «По мнению Докукина, это самое лучшее место для засады, — говорит лейтенант Крохалев. — Докукин считает, что немцы ни за что не оставят рожь на поле. Они обязательно пригонят население на уборку урожая».

Мы лежим на опушке леса. В лесу заманчиво синее голубика и черника. По очереди отползаем. Пригоршнями заталкиваем спелые ягоды в свои и без того уже черные рты. «Подывитесь, люди добры, що воны там роблять! — восклицает Ивченко, не отрывая глаз от бинокля. — Прав Докукин! Нэмци гонюць жинок под конвоем рожь сбираты». Я сгораю от нетерпения, но бинокль один. Но вот бинокль у меня в руках. Я вижу работающих женщин, вижу толстого полицейского в черном костюме, в руках у него хлыст. Немцев не видно. Яков Ивченко говорит, что они в кустах.

Вечереет. Немцы выходят из засады и, озираясь, гонят женщин назад. Всю ночь ползаем около немецкой обороны, а с рассветом снова наблюдаем. Рано утром, охватив полукольцом группу женщин, немцы вновь пригнали их на поле. Впереди немецкий дозор с пулеметами и велосипедисты. Они объезжают рожь и на высоте, в кустах, ложатся в засаду.

Ребятам надоедает смотреть в бинокль, они с охотой отдают его мне. Я вижу уже «знакового» толстого полицейского. Его тучная фигура в черном резко выделяется на фоне золотистой ржи. Он ходит среди женщин, подгоняет их хлыстом. Внезапно нервным движением хватается за бинокль и долго пристально смотрит в нашу сторону, расставив свои ноги-чурбаны. Как видно, не доверяет бдительности немецких солдат. Потом громко кричит: «Па-у-за!»

Немцы, не подозревая опасности, выскакивают из засады,

набрасываются на женщин, те отбиваются, но немцы хватают их и падают в густую рожь. Женщины кричат, плачут, а полицейский спокойно стоит с биноклем посреди этой свалки и не спускает глаз с опушки леса. Он смотрит прямо на нас. И вдруг, мне кажется, наши глаза на мгновение встретились. По спине прошел мороз. Полицейский, не отрываясь от бинокля, подозвал к себе немца, тот встал с ним рядом и направил свой бинокль на опушку леса. Неужели этот черный боров почувствовал что-то? Может, от солнечного луча сверкнули стекла моего бинокля?

Раньше я только читала о бесправном рабском труде, а сегодня увидела это своими глазами, как будто кинофильм смотрела. Ивченко повторяет одну и ту же фразу: «Резануть бы их, гадов, из пулеметов, да жинок дюже жалко».

Во второй половине дня к нам приходят на смену лейтенант Крохалев, младший лейтенант Замятин, Коля Внуков, Зернов, Бурунов и другие ребята. Мы отползаем подальше от опушки леса и засыпаем. Ведь мы без сна более суток.

Вечером из Грядозубова подтянулась вся рота. Анютка уткнулась носом в щеку. «Ох, и соскучилась!» — Просит: «Если возьмешь немца, достань мне пистолет. Ну что я без оружия!» — «Мне и самой хочется достать для тебя пистолет, а себе немецкую шлею с поясом и длинный немецкий кинжал, как у ребят», — говорю я Анюте. Подходит Валя вразвалочку. «Здравствуй, Софья!» — и, скорчив рожу: «Нежности у вас с Анютой! Ох и бабье же вы!» Все смеются. Ивченко подает мне немецкую маскировочную сетку: «возьми, а то волосы у тебя дюже светлые, из кустов будешь демаскировать».

Опять ночь, опять засада. Местность открытая. Нас маскируют кусты да густая трава. Рассвело. Солнышко всходит. Немцы не торопятся. Надоело ждать. Кажется, сегодня они не придут. Кто-то ворчит: «Надо было вчера сделать засаду». В кустах тихое похрапывание. Спит санинструктор Анюта Тюканова. Круглов во сне улыбается. Мельников зарылся лицом в траву. Вспоминаю, как он ныл во время боевой подготовки, а сейчас замечательный разведчик! Не спит Рома Перфильев, он смотрит вперед, под глазами у него синие круги, глаза потемнели. Чтобы не уснуть, достаю из нагрудного кармана гимнастерки вырезанное из «Комсомольской правды» стихотворение Михаила Слободского «Мсти, воин».

Сон разведчика чуток. Михаил Голубев уже подмигивает глазом. Он высоко поднимает брови, как бы спрашивая: прочтешь? «Угу», — киваю я ему. Михаил тихонько свистит: «Проснитесь, сони!» Барышников и Батраков улыбаются. У Зинченко лицо мягкое, в полосках от травы, от этого особенно

видны следы оспы. Алеша Сотсков поднимает голову, всем видом своим говоря, что, мол, никто же не спит. Лишь наш санинструктор продолжает спать. Она уверена в том, что воевать — дело разведчиков. Я тихо читаю стихотворение:

Очаг разрушен, дом родной сожжен,
Здесь немец был. Здесь только пепелище.
А сколько их, детей бездомных, жен,
Что пепел и золу нашли взамен жилища!
Смотри, боец, и вспомни про семью,
Про домик свой и про село родное...
Припомни все и тверже стань в бою,
Ты защищаешь Родину свою,
Ты мстишь врагу,
Ты должен быть героем!

Старший сержант Борисов, из другой группы, подает сигнал. Внимание! Из Вишенок двинутся немцы. Впереди дозорные, за ними на расстоянии метров ста — велосипедисты. По цепи приказание: «Без команды не стрелять!» Дозорные подходят почти вплотную к нам, прочесывая кусты и опушку леса. Потом машут велосипедистам рукой. Все, мол, в порядке! И двигаются мимо нас по тропинке к высотке. За ними велосипедисты. На меня находит какое-то оцепенение. Я думаю о том, что построй пилоток у немцев совсем не такой, как у нас. Вид у них не злобный, обыкновенный, и от этого все, что сейчас происходит, мне кажется простым, будничным, не верится даже, что это немцы.

Команда «огонь!» приводит меня в чувство. Гранаты в ход. Бьют автоматы. Мы вырастаем как из-под земли и бросаемся вперед. Немцы от неожиданности падают с велосипедов, но все-таки открывают огонь. После короткого боя младший лейтенант Замятин, Кукуев, Борисов и Валя Лаврова, выскочив из засады, хватают двух немцев и тащат их к лесу. Младший лейтенант Ивченко и его ординарец Дубровин, Михаилы Голубев и Круглов тащат двух полицейских в мохнатых, зеленых маскахалатах. Полицейские сопротивляются, но напрасно, руки у докуинцев крепкие. Старший лейтенант Васильев с разведчиками хватают еще двух «языков». В нескольких шагах от себя вижу, как грохнулся на землю огромный фриц. Держа наготове автомат, подбегаю к нему. Взгляд упал на новенькую кобуру и кинжал, отстегиваю кобуру и вдруг вижу: у немца дергаются веки. Живой! Даже не ранен! «Ауфштейн! Хэндэ хох!» Немец встает и поднимает руки.

Немцы открывают огонь из Верхней Дубровы. Рома

Перфильев, Мельников, Коля Внуков, Бурунов подбирают велосипеды. Вдруг Рома Перфильев вскрикивает, хватается за ногу и падает. Ребята подхватывают его на плащ-палатку. Перфильев стонет. Губы его синеют, из ноги хлещет кровь. Анна быстро накладывает жгут, перевязывает страшную рану (разрывные пули пулеметной очереди).

Мы ведем трех немцев и двух полицейских. «Бейте гадов!» — стонет смертельно раненный Роман.

«Ну вот что, товарищи, — говорит старший лейтенант Васильев. — Немцев ведите вперед, быстро! А этих подлюг, — указывает он на полицейских, — к дереву!»

Молодой полицейский, зовут его Колька, падает на колени, ползет по земле, хватается ребят за сапоги, целует. «Не расстреливайте, товарищи!» Иван Журавлев толкает его ногой: «Какие мы тебе товарищи, в душу бога мать!» — «Я не знаю, как вас назвать! Граждане! Господа!» — «Не знаешь?» — кричит Иван с отчаянной бранью. «Я вам все скажу, все! — извивается на коленях полицейский. — Я вам скажу, где можно поймать Вавиленка».

Подходим к деревне Грядозубово. Рома притих, он уже не стонет. Глаза затуманились. Вытянулось лицо. Он умирает. Тетя Поля стоит на крыльце. «Кого же это, а?.. Ромушка! Сыночек!..»

В Никулино уходят две группы, мы же остаемся в Грядозубове до особого распоряжения. Притихшие дети Полины Алексеевны на крыльце дома стягивают с меня сапоги. Обнимают, прижимаются. Я не могу ни спать, ни есть. Пахнет немцами, сырой землей, кровью, дустом. Этот запах преследует меня и на ручье. Долго лежу на дне неглубокого ручья, прозрачная вода журчит, переливаясь по телу.

Около дома тети Поли собрался народ. Рассказывают, что полицейские, которых мы привели, всем известные бандиты Колька и Ванька. Особенно хорошо знают они Кольку Терещенкова по прозвищу Палашенок, по его бабке — Палашке.

Мы с Анютой сидим на бревнах в окружении женщин и детей.

— До чего же эти шешки немцы нахальны, — возмущается тетя Поля. — Ходят по деревням, как курортники. Почти нагишом, в одних коротких подштанниках. Постучат в окна, наставят автоматы: «Матка, яйка, млеко, а то пук, пук!» Все подчистую: скот, птицу, тряпки и то тащат. Девочек пугают насмерть. Увидят, какая поладнее, гоняются, хватают, лапают. Вот и ушли мы в лес всей деревней от греха подальше.

— Полицейские хуже немцев, — говорит Мария Борисова. — Сколько сел сожгли, сколько людей уничтожили, своих же селян, знакомых, родных даже... А наша Лосевка? А где наши отцы?..

— Полицейские мерзавцы выслуживаются перед немцами! — кричит Мария Поликарпова. — Знаю я их, побывала на допросе. Полицейский зверюга по лицу меня бьет, а немец руку его отводит: — Не трогай, она красивая, — а полицейай колотит...

Все расходятся. Мы с Анютой остаемся вдвоем. За деревней слышится окрик часового: «Стой! Кто идет?» В ответ раздается знакомый голос. Я узнаю голос Докукина. Группа военных быстро входит в дом Полины Алексеевны. Впереди промелькнула фигура Докукина. Он с палочкой, хромает.

Через некоторое время разведчики собираются около дома. Получено задание: взять в Боярщине начальника полиции Вавиленка. Меня и Анну на задание не берут.

Я вхожу в дом тети Поли. На скамейке сидит Докукин, на забинтованной ноге тапочка, вместо сапога. Он прямо из медсанбата. Рядом полковник особого отдела штаба армии. На другой скамейке — старший лейтенант Васильев, младшие лейтенанты Замятин и Горшков, разведчики Власов, Голубев, Рудкин. Они только что все вместе прибыли из Никулина. Тут же полицейский Колька Палашенок. Он в нашей пилотке и плащ-палатке.

— Товарищ полковник! Разрешите обратиться к лейтенанту Докукину!

— Обращайтесь!

— Товарищ лейтенант, разрешите пойти на задание!

Докукин показывает на забинтованную ногу:

— Видишь, Аверичева, я и сам не могу пойти, а задание очень сложное...

— Товарищ лейтенант, не позорьте меня. Перед ребятами стыдно. Разрешите принять участие в операции по взятию предателя Вавиленка!

Докукин молчит.

— Ну что ж, пойдешь парторгом группы, — наконец говорит он. И к полицейскому: — Вот видишь, гад, у нас девушки просятся в бой, а ты, сволочь, предатель!..

Колька встает, снимает с головы пилотку. Это довольно красивый парень. Продолговатое лицо, прямой нос, черные волосы.

— Товарищи, я клянусь, что сниму с себя позор, оправдаю себя перед Родиной!

— А не сбежишь? — зло прищурился Докукин.

— Пусть Терещенков идет с разведчиками и искупит свое преступление перед Родиной кровью! — твердо говорит полковник.

Действуем тремя группами. Группы Горшкова и Замятина

идут в тыл полицейского гнезда за Боярщину. Наша группа охраняет Жаквинскую лощину, обеспечивает отход группам захвата. Согласно показаниям Терещенкова, начальник полиции Вавиленок ежедневно ходит, обычно один, иногда с охраной, вдвоем, приблизительно в девятнадцать часов, из Боярщины в соседнюю деревню Стрынково к немцам за инструктажем и паролем на следующий день.

Терещенков идет в группе Горшкова. В группе захвата старший сержант Власов, неразлучные друзья Михайлы — Голубев и Круглов, Алексей Сотсков, Василий Талдыков, Михаил Кукуев, Ефим Рудкин, Пеунов, Мельников, Алексей Федоров...

Выходим из Грядозубова в ночной темноте и сразу высокие сосны обхватывают и прикрывают нас со всех сторон. Ребята расспрашивают Терещенкова, как он, советский парень, дошел до такой жизни. И Колька рассказывает: «Испугался я, смалодушничал. С фашистами шутки плохи. Они как? Или иди в полицию, или смерть. Молодой я, жить-то хочется». Ребята возмущаются: «Вот дурак! Ты бы в партизаны — и живи». — «Живи, — ноет Палашенок. — Вавиленков знаете какой? Собака, от него не убежишь. Но я же не ярый. Я никого не убивал. Ходил только на посты...». Иван Журавлев напоминает Кольке: «Не убивал!.. А схватили-то тебя с пулеметом. Если бы успел поставить пулемет, всех бы покосил».

Передо мной все стоит злое лицо Кольки Палашенка, и я слышу его неприятный голос: «Клянусь, что оправдаю себя перед Родиной». Есть ли у него Родина?

Около Жаквинской лощины мы расходимся. Колька осмелел, ведет себя «своим в доску», даже подсказывает командирам, как лучше всего расположить бойцов в засаде. Ребята прощаются,жимают нам руки. Отзываю старшего сержанта Власова, шепчу ему в самое ухо: «Власыч, дорогой! Не верьте Кольке, не верьте. Гад был, гадом и остался». — «Ну что ты, Соня! Он оправдывает себя, вот увидишь». — «Надо верить в человека!» — говорит Ефим Рудкин, пожимая мне руку.

Мы долго смотрим в темноту, в которой растаяли наши товарищи...

Начинает светать. Вокруг местность открытая. Впереди, в небольшом кустарнике, разведчики Паша Савченко, Петр Пушнев, Сережа Соловьев. Нас разделяет открытая поляна, к ним не подойдешь. Слева: Владимир Чистяков, Иван Журавлев. Помощник комроты Комаренко и его ординарец Карп Жильцов расположились, как на пикнике: ремни с дисками автоматов и гранатами, вещевые мешки сброшены. Открытая консервная банка, фляжка с водой, разбросаны галеты. Они завтракают.

Солнышко греет все сильнее и сильнее. Рядом лежит Анюта. Под головой у нее сумка Красного креста. Старший лейтенант Васильев хмурит брови. Меня опять преследует один и тот же запах: немцев, сырой земли, крови и дуста. Сердце заныло, как будто кто-то шепчет: ребята попали в беду! Я подползаю к Комаренко: «Товарищи, у ребят что-то случилось, они в беде!» Карп таращит на меня глаза: «Ты что, бабка-гадалка?»

Справа и слева от Боярщины взвились белые ракеты и упали за деревней. Застрекотали пулеметы, автоматы, потом все стихло. — Ерунда, — говорит Комаренко, — это полицаи проводят учебу.

А в это время в группе захвата произошло то, что мне сердце подсказывало. Вот что рассказал Миша Голубев.

«...Овраг, где сидели мы, глубокий, весь заросший кустарником и травой. На дне оврага внизу журчит ручеек. Сидеть жутковато: вокруг нас на полях работали женщины под охраной немцев и полицейских. Были с ними и дети. Мы боялись, как бы кто из работающих на поле не пошел в кусты по надобности. У всех сосало под ложечкой. Прошло много часов. Хотя продукты были у всех, никто не ел, сильно волновались, аппетит пропал. Ждали, скоро ли уйдут с работы. Скоро ли пройдет день. Голоса то удалялись, то приближались. Время шло. Стало жарко, хотелось пить. Один пополз к ручью напиться, второй, третий... Терещенков просит Горшкова: —Разрешите спуститься вниз напиться. Кольке доверили. Ждем пять минут, нет полиция. Василий Талдыков и старший сержант Власов тоже спустились вниз. Неужели, собака, сбежал? Мы испугались. Но все еще верили, что Терещенков не предаст. Прошло еще пять минут. Нет его! Младший лейтенант Горшков растерялся. Вскочил, глаза вытаращил: «Вот будет мне за это! Что делать? Мы пропали! Нужно уходить!» И мы начали отход...».

Колька Палашенков действительно сбежал. Он собрал полицейских и направил их на группу Горшкова. Завязался бой. На помощь полицаям из Стрынкова прибыл немецкий гарнизон.

А мы продолжаем лежать в засаде. Справа разведчики подают сигнал. Васильев быстро подползает к ним, а оттуда идет в рост, берет автомат, надевает плащ-палатку и спокойно говорит: «Немцы идут». Комаренко и Карп: «Кто?» — Васильев: «Немцы! Готовьтесь к бою!»

Полицейские в гражданской одежде — в пиджаках, рубашках. Немцы в мундирах, бегут со всех сторон, их довольно много. Они не стреляют, они берут в кольцо, наступая на нас: «Лови — лови — лови — лови!» А в ушах у меня: «Ля-ля-ля-ля-ля-ля!» Автомат на шее, бью длинными очередями. Немцы остановились. «Аня,

беги! Аня, беги!» Показалось, немцы замолчали, но в ушах по-прежнему: «Ля-ля-ля-ля-ля». У меня было три гранаты. Две бросила в гущу немцев. Одна остается для себя. У Ани пистолет, но что она может сделать с пистолетом! Одна граната на двоих. Только бы добежать до кустарника. Немцы бьют по ногам. Пули срезают траву, с визгом и щелканьем ударяются об землю. Зеленая сетка с головы срывается — зацепилась за ветку, повисла на березе. Я слышу пронзительный крик: «Бабу-то лови! Бабу лови!»

Слева выбегают разведчики Иван Журавлев и Владимир Чистяков. Они бьют из автоматов и кричат: «Девчата, бегите!» Ребята гранатами накрывают немецких пулеметчиков в тот момент, когда они устанавливают станковый пулемет. У Володи Чистякова совершенно белое лицо, одни глаза горят. Мы отбиваемся от бандитской своры. Мчимся по кустарнику, сквозь заросли, к ложине. Крики полицейских, стрельба все дальше, дальше. Лес!.. Долгожданный лес! Бешено бьется сердце. Во рту пересохло. Срываем ягоды и пригоршнями глотаем их вместе с листьями. Потом падаем около лужи с водой и высасываем ее вместе с грязью.

Появляется Докукин. Слушает доклады командиров. Мы начинаем понимать всю серьезность положения и страшный позор роты. Среди нас многих нет. Докукин уходит с Замятиным на поиски разведчиков, приказывает Комаренко и Васильеву не уходить отсюда до тех пор, пока не найдут своих бойцов. Когда стемнело, по ложине вышли Петр Пушнев, Павел Савченко и Сережа Соловьев. Ребята притаились в кустах, полицейские их не обнаружили.

Кукуев говорит: «Докукин не верил Кольке Палашенкову, не хотел, чтобы полицейский шел с ними. Но сверху приказали. А мы поверили этому предателю. Хочется же верить в человека! И вот расплата. Рота понесла большие потери за свою доверчивость и легкомыслие. Убит Ефим Рудкин. Он тоже верил в «человека», но разве полицейский — человек!

На утро следующего дня мы подобрали под бревнами Мельникова. Тяжело раненный разрывной пулей, теряя сознание, он заполз под бревно. Мельников пришел в себя, когда мы его несли на носилках. Он лежал без кровинки в лице и счастливо улыбался. Он у своих.

Рота вернулась в Никулино, а наш взвод остался в грязозубовском лесу. Мы ожидали большого разговора с Докукиным. Но он, ни слова не говоря, уехал верхом на лошади.

1-е сентября.

Кончилось лето. Сегодня первый день осени. А вокруг тепло и

солнечно. Но как-то не до этого. Война продолжается. Вчера вели наблюдение за деревней Овсянкино. Женщины под конвоем жали рожь. Среди женщин мы увидели старичка с корзиной. Старичок частенько отходил от женщин — сначала недалеко, потом все дальше и дальше. Казалось, он собирал грибы. Охрана немцев не обращала на него никакого внимания. Старичок дошел до кустарника, пригнулся и побежал среди кустов в нашу сторону. Мы потихоньку его окликнули: «Дедуня!» Он оглянулся: «Ась?» И от неожиданности выронил корзину. «Дедуня, ползите за нами». Смотрим, ползет. Из сил выбивается, а ползет. В лесу дедушка рассказал о себе. Он бежал от немцев и полицаев. От страха старик дрожал, руки тряслись. В селе у них много разговоров о разведчиках-докукинцах. А вчера разведчики подползали опять к Верхней Дуброве, он это знает точно. Ночью он не спал, слышал перестрелку, разговоры полицейских. Он знал, что где-то рядом, в лесу, разведчики. И все-таки глазам своим не верил: перед ним были бойцы Красной Армии. Мы успокаивали старика, угощали хлебом с консервами. Дед плакал и смеялся, как ребенок. С большой охотой он рассказал о численности немецкого гарнизона, расположении огневых точек. Дед многое знал, его сведения подтвердили и дополнили наши наблюдения.

Нас отзывали в Никулино на отдых. Дед шел вместе с нами и чувствовал себя почти партизаном. Докукин был уже в Никулине, поэтому нашего «языка» мы сдали прямо ему.

После сытного обеда у командира дед окончательно пришел в себя и перво-наперво спросил, как потребовал: «А газета у вас есть?» Комиссар Полешкин подал ему «Правду». Старик схватил ее и торжественно по складам прочитал: «Прав-да» и повторил: «Прав-да».

Потом протянул газету бойцам: «Читайте, сынки, скорее, что в ней написано! — и, сконфуженно побряхтывая, добавил — Без очков не разберу...» Я подумала, грешным делом, что дедушка просто не умеет читать.

В Никулине нас ожидал сюрприз. Анюта к нашему приходу произвела целую революцию: всех перевела из сараев в жилые дома, а нам, женщинам, по приказанию Докукина, выделили маленький домик с одним окошечком. Вместо выбитых окон — марлевые занавески. Стол, три табуретки, а на нарах — пахучее свежее сено. Такой фешенебельный особняк, что я ахнула. Но Валентина на этот уют взглянула другими глазами. Она оглядела меня и Аню с ног до головы и сказала только одно слово: «Бабье!» И жить с нами не согласилась. В ответ на мои увещевания заявила, что не желает для себя никаких особых условий, что она — боец. Вместе воевать с ребятами, вместе и жить, вместе делить

все трудности.

Мы остались с Анютой вдвоем, сконфуженные и огорченные, хотя и понимали, что Валя неправа. После наших походов, после пота и крови, какое это наслаждение сбросить верхнюю одежду, почувствовать себя свободно хоть на одну ночь. Да и ребята вздохнут без нас. Что поделаешь, мы — женщины! Зачем усложнять жизнь, Она и без того не легка. Через выбитые окна и двери — свежий воздух. Не воняет махрой. Одну плащ-палатку на нары — сено закрыть, другую — на себя — чудесно! Еще впереди и грязь, и пот, и холод, и кровь, и ночи без сна, и тоска по отчужденному, по родным и близким... А сегодня — это наш домик, наш фронтный уют. И мы — женщины! Хорошо вот так, вдруг почувствовать себя тем, кто ты есть — женщиной. Замечательно!

2-е сентября.

Дед все еще на КП роты, у Докукина. Дали ему военную форму: кирзовые сапоги, брюки, гимнастерку.

Он чувствует себя героем. А как же?.. Он так ловко сумел уйти из-под носа немчуры и полицейских собак. А как быстро и храбро полз за бойцами! Ребята говорят, что ротный никак не может с дедушкой расстаться, потому что он напоминает Докукину его старенького отца, о судьбе которого ничего неизвестно. Вся семья лейтенанта — отец, мать, сестры, братья — на оккупированной немцами территории, в Курской области.

Чудесное раннее утро. Лето с нами не хочет расставаться. Выхожу из нашего «особняка». На улице пустынно, все еще спят. Один дед в военном костюме сидит на крыльце и вертит газету. «Доброе утро, дедушка!» — «Здравствуйте, товарищ боец! — отвечает он мне солидно и просит: — Почитайте!» Я не видела газеты целую вечность. С большим удовольствием выполняю его просьбу. Дедушка радуется успехам фронта, успехам нашей страны. А полицаи-гадюки обманывают народ, бог знает что в голову вбивают людям, а ведь вот же что «Правда» пишет!

На велосипеде подъезжает ротный почтальон Саня Травкин. «Почта! Почта!» — разведчики бегут со всех сторон. По улице катится: «Почта! Почта! Приехал Саня! Травкин приехал!»

— Александру Кузнецову от механического завода! — выкрикивает, стоя на крыльце, Травкин. — Круглову Михаилу — из Сусанина, из колхоза. Зернову — из Варегова, Большесельского района, Лавровой...

Мне пришло сразу три письма: из театра, от секретаря комсомольской организации Ирины Моругиной, из Москвы — от Анны Семеновны Ковалевской и от племянницы. Я читаю свои письма ребятам, которых сегодня почта наша полевая обошла. В первом письме о театре Волкова. Всем, интересно. Ковалевская

пишет о театральной Москве. Прочитали письма — как будто побывали в Москве и Ярославле. В письме моей племянницы — фото. На снимке хорошенькая девушка с большими глазами, высоким открытым лбом. Снимок обходит всех разведчиков. «Передай привет племяннице, Софья!» — кричит Голубев.

Каждый день приходят к нам письма из колхозов и с заводов, из шахт и лабораторий, школ и институтов, где мы раньше работали, где нас помнят и ждут, каждый день нам вручают весточки от матерей и отцов, от жен и невест, от любимых и друзей... Как мы ждем писем! Эти письма становятся достоянием всей роты. В них наша жизнь, наша любовь, наша надежда, наша сила.

Старшине Кукуеву пришло письмо из Ярославля, от жены. Он срывается с места, выхватывает долгожданное письмо из рук Сани Травкина. Читает — и лицо его мрачнеет. Жена пишет: «Мне совсем не улыбается остаться в одиночестве. Поэтому я спрашиваю тебя: можно ли мне надеяться, что ты останешься живой и вернешься ко мне. Скажи честно, ждать тебя или нет, а то ведь после войны труднее будет найти себе мужа».

Вся рота возмущена, нам обидно за своего товарища, за бесстрашного разведчика.

Смерть шагает по земле. Ей навстречу каждый день, рискуя жизнью, идет Кукуев. Разве женщина, приславшая на фронт такое письмо, достойна любви? Нет! Тысячу раз нет! Мы решили ответить всей ротой. А Кукуев тоже написал: «Я долго думал, что мне делать с твоим письмом. Пошел до ветра, хотел взять его с собой, но ребята сказали, что твое письмо даже для этой надобности не годится».

Полдня мы с Анюткой купались и стирали, а потом, пока одежда сохла, загорали. Подходим к дому — видим: на крыльце сидит Валентина с вещевым мешком. Доукин приказал ей жить вместе с нами. Мы обрадовались, схватили ее мешок, втащили в дом, и все недоразумения были забыты. Валентина, такая большая и такая «глупая», все оправдывалась: «Боялась: разнежмся...» И мы все втроем смеемся. Потом читаем письма, потом болтаем всякую всячину.

Прибегает Лева Маслов: «Лаврову вызывают в штаб дивизии на комсомольскую конференцию». Мы ахнули: «В чем ты пойдешь? Брюки, гимнастерка залоснились от грязи. Это же позор для девушки!» Мчимся на склад, к старшине роты. Просим, умоляем — дать Валентине новое обмундирование, но он неумолим. Бьем на чувство гордости, ведь Валентина секретарь комсомольской организации роты, — напрасно! На старшину никакие убеждения не действуют.

Приходит решение: Валентина наденет мое обмундирование, благо оно большого размера. Но для этого нужно получить разрешение командира роты побыть мне в гражданской одежде до прихода Лавровой. Докукин не возражает. И вот подшиваем подворотничок, расставляем пуговицы. И все-таки, когда мы натягиваем обмундирование на Валентину, брюки и гимнастерка трещат по швам. Сверху плащ-палатка, чтобы закрыть излишества фигуры, и Валентина наша — в полном порядке. Давно мы не видали ее такой! Белый подворотничок подчеркивает загорелое лицо. И вся она — такая привлекательная, простая, строгая, сильная. Я достаю со дна вещевого мешка свернутую клубком свою гражданскую юбку, блузку, и мы идем провожать Валентину.

Возвращаемся в Никулино, а навстречу на велосипеде Саня Травкин. «Идите скорей домой, там переполох. Приехал командир дивизии. Говорят, с каким-то особым заданием».

Мчимся в Никулино что есть духу. Около КП роты две грузовые автомашины. Значит, действительно — новое задание. В чем же я поеду? Нельзя даже из дома выйти. Если полковник Турьев увидит, попадет мне, да и командиру роты. Я — в панике: меня просто не возьмут на задание. Анютка бежит к нашему каптенармусу Николаичеву. Через десять минут Докукин присылает с Масловым свою гимнастерку, новые немецкие офицерские (серые, суконные, с кожей) брюки на «молниях» и новую маскировочную сетку на голову. Брюки надеваю поверх гимнастерки, так как она невероятной длины. Сверху — плащ-палатка, и не поймешь, кто я. У нас в роте разведчики многие ходят, как партизаны. Это считается особым шиком: чем больше на тебе трофеев, тем больше ты имел дело с немцами.

Итак, я в полном боевом. Пока нет команды на построение, я заканчиваю запись сегодняшнего дня. Из окна хорошо виден КП роты. Там все тихо. Удивительное состояние, как будто ожидаешь что-то очень важное... Ага! Вот уже из КП вышли командиры взводов, побежали связные...

До свидания, мой дневник!

5-е сентября.

Вот мы и дома! Наша разлука на сей раз была недолгой. Итак!.. Я продолжаю по порядку все, как было. Рота выстроилась вдоль деревни. Стоят докукинцы подтянутые, не шелохнутся. Перед нами командир роты: «Товарищи, получено боевое задание. Мы идем в тыл к немцам. Задание сложное. Пойдут только добровольцы. Если кто нездоров или просто плохо себя чувствует почему-либо, скажите об этом прямо. Осуждать вас никто не станет. Есть такие?» Рота молчит. «Желающие пойти на задание шаг вперед!» — подает команду Докукин. Все, как один, делают

шаг вперед и замирают.

Из КП выходит командир дивизии Турьев, за ним старший батальонный комиссар Смирнов.

— Смир-р-но! — командует ротный и строевым шагом, легко подходит к командиру дивизии — Товарищ полковник, личный состав роты построен для получения боевого задания!

— Здравствуйте, товарищи докукинцы! — приветствует нас Турьев.

По деревне прокатывается дружное «Здрате!».

Командир дивизии рассказывает о делах на фронте, ставит задачу: «Наши войска ведут ожесточенные бои за город Курск, который переходит из рук в руки. Противник непрерывно подбрасывает подкрепления. Немецкие части двигаются на Курск по шоссе перед фронтом нашей дивизии. Командованию фронта необходимо знать, какие подразделения подтягивает противник. Вы должны пройти в тыл врага и взять «языка» в Бельском районе в трехдневный срок».

Команда: «По машинам!»

Мы, как мячи, один за другим, подпрыгиваем — и в кузовы машин. И вот уже грузовики, не меняя скорости, мчат нас по рытвинам и ямам фронтовой дороги. Через два часа мы на левом фланге нашей дивизии (за шестьдесят километров от Никулина) в расположении батальона 1350-го стрелкового полка.

Нас встречает командир батальона майор Бездольный. Обстановка здесь сложная: оборону держат опорными пунктами. На сплошную оборону не хватает людей, а немцы наглеют. Каждый день бои. Разведчики батальона ежедневно охотятся за «языком», но безрезультатно. Немцы сейчас начеку. Бездольный желает нам успеха.

Рота покидает батальон. Я незаметно, на минутку, выхожу из строя, становлюсь за дерево и наблюдаю за ротой. Мне доставляет огромное удовольствие смотреть на своих друзей со стороны. Колонна изогнулась змейкой. Впереди сам «батька» Докукин — наш девятнадцатилетний командир. Он шагает, загребая носками вовнутрь. На шее немецкий автомат, на поясе противотанковая граната, с которой Докукин никогда не расстанется. Сосредоточен ротный. Во рту у него, как всегда, трубка. За ним идут разведчики легкой, «докукинской» походкой, чуть-чуть покачиваясь, а некоторые даже загребают носками вовнутрь. Они во всем подражают своему любимому командиру, в которого горячо уверовали, с которым готовы выполнить любое задание. У всех на груди автоматы, лихо развеваются плащ-палатки.

Я не первый раз думаю о том, что кто-нибудь когда-нибудь

обязательно напишет пьесу о докукинцах, об этих красивых и смелых волжских парнях! И люди будут восхищаться их подвигом, и люди будут плакать о тех, кто сложил свои головы за счастье человечества, и любоваться теми, кто доживет до великого дня нашей победы.

Проходим нашу линию обороны. Пехотинцы сидят в окопах на опорных пунктах. Кажется, им ничего не видно, всюду заросли, кусты. По-моему, здесь может пройти целое войско. Но это не так! Еще до линии обороны мы были замечены и опознаны. Перед нами неожиданно, как из-под земли, вырастают пехотинцы.

Докукин ведет нас смело, без остановок, как будто он всю жизнь прожил в этих местах. Всю роту Докукин оставляет на исходной, на нейтральной полосе, совсем недалеко от немецкой обороны, а нас, небольшую группу, ведет дальше. В небольшом сосняке какое-то движение. Все замерли: метрах в двадцати пяти от нас — засада! Принимаем боевой порядок. По одежде не поймешь. В немецких мундирах, в маскхалатах в елочку... Вот один поднимается в рост — без головного убора, из-под маскхалата виден немецкий мундир. Медленно наставляет немецкий автомат в сторону Докукина и орет: «Сывои! Сывои!» Разведчики оттесняют Докукина назад и тихо твердят: «Товарищ командир, не верьте! Это полицаи!»

Я взвожу автомат и целюсь этому высокому, черному, с бледным лицом, прямо в живот. Он мне почему-то напоминает полицейского Кольку. И вдруг с оглушительной русской многоэтажной бранью выскакивает маленький, круглый, как шар, старший лейтенант и кричит: «Отставить оружие! Вы что, вашу мать, в своих решили стрелять!» И тут не остается никаких сомнений, что это свои.

Мы бежим друг другу навстречу. Высокий, черный набрасывается на Докукина: «Какого черта вы так нарядились? Сколько немецкой дряни на себя натянули! А это что за боец? — он толкает меня. — Ишь нарядился! Я чуть не прострелил тебе голову».

Тут уж я разозлилась. «Прежде чем кричать на нашего командира, посмотрите, на кого похожи ваши бойцы! А вы сами? Вы же на полицейского смахиваете. Еще мгновение, и я бы выпустила полдиска в ваш живот!»

Мой монолог страшно всех развеселил. Оказалось, это наши соседи — дивизионные разведчики 134 стрелковой дивизии. У них такое же задание, как у нас. Высокий, черный старший лейтенант — командир роты, а маленький, круглый, который мотом привел всех нас в чувство, — комиссар роты.

Возвращаемся на исходный. До вечера наблюдаем за

немецкой обороной в районе деревень Выдря и Цыгуны, а к вечеру, как только стемнело, идем на опорный пункт немецкой обороны. Нам приданы минометчики. Группа отвлечения, она же прикрытия, остается с Докукиным, а наша группа захвата — десять человек под командованием старшего лейтенанта Васильева — заходит на пулеметную точку с левого фланга.

Теплый тихий вечер. Слышен каждый шорох. Мы ползем по высокой нескошенной ржи. Кажется, ее шуршание слышно далеко окрест. Васильев впереди. Он останавливается и прислушивается. Немцы ведут себя подозрительно тихо. А на небе полная ясная луна. Занимаем исходную позицию. Отсюда, по сигналу, мы должны прыжком броситься на противника. Нам хорошо видны немецкие головы в касках, слышен приглушенный разговор. Кто-то выколачивает нечто металлическое и приговаривает: «Майн гот! Майн гот!» Немцы возбужденно разговаривают. «Что у них там?» — спрашивает Васильев. Мои далеко не блестящие познания в немецком все же дают возможность понять, что у фашистов авария с затвором пулемета. Потом пришел солдат и сказал, что вскоре русские будут здесь. «О майн гот! О майн гот!» И тот же голос немца: «А вот и помощь!»

Васильев решает начинать, но тут мы действительно видим, что к немцам подходит большое подкрепление. В эту минуту до нас доходит команда «отход!». Докукин приказал срочно отходить.

Когда мы подошли к роте, ребята уже спали. Кто лежал, свернувшись клубочком, кто сидел в обнимку с автоматом, а кто — тесно прижавшись к товарищу. Опустилась я на траву и почувствовала, что сон обволакивает меня. Слышу, Докукин объясняет Васильеву:

«Исчез боец из минометного взвода, может быть предательство, поэтому я вас отозвал».

Я думаю о том, что ведь и немцы в траншеях толковали: «Айн золдат гезагт... — один солдат сказал, к нам идут русские». Может, этот минометчик-перебежчик и предупредил немцев о нашем появлении...

«Подъем!...» Шелест плащ-палаток. Мне так уютно. Я не могу, я не в силах подняться. «Софья, Софья!» — тормозит меня за плечи старший сержант Власов. Рота уже двигается колонной. Я шагаю за всеми, как во сне. Вчера я почти не спала. Встала рано. Надо брать пример с ребят: они спят в любой свободный час.

Мы осторожно проходим между опорными пунктами немецкой обороны. Рота остается на исходном, а наша группа — двенадцать разведчиков под командованием Докукина вместе с комиссаром роты Полешкиным, старшим лейтенантом

Васильевым и младшим лейтенантом Ивченко — выдвигается в наблюдение. Ночью мы должны осуществить налет на деревню Кузьмино.

Далеко позади нас перестрелка на участке немецкой обороны. Светает. В утренней прохладе гулко слышен шум машин и танков, проходящих по Вельскому большаку. И совсем рядом завывают и лают собаки. Одиночные выстрелы, удары топора, немецкие голоса. Сосны вперемешку с березами. Докукин выбирает самую высокую ветвистую березу и со словами: «Здесь будет наш наблюдательный пункт» — взбирается на одних руках быстро, как змея, по гладкому стволу дерева и оттуда говорит: «Чувствую, сегодня нам повезет. Наблюдать будем по очереди!»

Младший лейтенант Ивченко расставляет дозоры. Я жду не дожусь, когда наступит моя очередь подняться на дерево с биноклем. Думаю, откуда у Докукина убеждение, что сегодня будет удача? Но как бы то ни было, это чувство передается всем разведчикам.

«Аверичева, твоя очередь, залезай! — говорит Докукин и вместе с Зерновым подсаживают меня повыше, а там, уцепившись за сучок, я быстро добираюсь до самой верхушки дерева.

Деревня расположена на высоте, около самого большака, по которому бесконечной вереницей проходят машины с вооружением и войсками. Идут отдельные обозы, они прижимаются к самой обочине. Но в деревне пустынно. Прошли два солдата, сопровождая обоз. Из деревни вьется дорога в нашу сторону, спускается вниз, исчезая в глубоком овраге. Подход к деревне, если не заминирован, хороший. Свернули с большака в деревню две машины с солдатами.

Обо всем докладываю Докукину. Вдруг вижу: вышли из-за сарая немецкие солдаты. Идут один за другим на расстоянии 15–20 метров. «Смотри внимательно, сосчитай солдат!» — говорит Докукин.

Солдаты идут по дороге, спускаются вниз, исчезают в овраге. Их больше дюжины, за ними появляются еще 35–40. У них за спинами что-то вроде ранцев или ящиков. «Два пулемета и один миномет», — сообщаю я Докукину. А немцы все идут и идут. С левого дозора сержант Ларюшкин подает сигнал: «Видю приближение противника».

— Слезай, Аверичева! — шепчет Докукин. — Скорей/скорей...

Группы Ивченко и Полешкина заходят с флангов, а наша, под командованием Докукина, остается на месте. Пригнувшись за кустарниками, вытягиваемся в цепочку.

Идут фрицы в касках, навьюченные. За плечами

действительно ранцы, у некоторых какие-то длинные трубы. Идут они медленно и осторожно, согнувшись в коленях, карабины держат на изготовку. Задирают головы, осматривают каждую верхушку дерева.

— Огонь! — кричит Докукин. И сразу — очередь из автоматов, потом — гранаты. Немцы падают: один, второй, третий...

— Вперед! За Родину! — кричит Докукин.

— За Родину! — подхватываем мы и бьем из автоматов, не переставая. Мы оглушаем противника, не даем ему опомниться. Там и тут лежат вражеские трупы. Остальные дали драпа. Подбегаем, расталкиваем — все мертвые. Неужели ни одного живого! Но нет, младший лейтенант Ивченко со своим ординарцем Дубровиным ведут пленного, а Кузнецов и Власов вытаскивают «языка» из груды трупов и волоком тащат его по кустам.

— Немцы заходят с тыла. Бей их, в душу, в бога, в мать! — кричит Полешкин. Наша группа с Васильевым прикрывает отход. По пути подбираем письма, документы, автоматы, кинжалы, пистолеты. Я поднимаю маленькую стереотрубу.

Докукин и боец Бурунов нашли еще одного живого немца, тащат его, «поощряя» пинками. Отходим стремительно, нагруженные трофеями, на плащ-палатках три немца. Один немец без сознания, другой — блондин с голубыми глазами — испуганно повторяет: «Их бин нихт СС, их бин Австрия... Австрия!» А третий — с обезьяньей мордой, весь в шрамах, с татуировкой — дико кричит: «Шайзен! Шайзен! Шайзен!»

«Аверичева, что он просит?» — спрашивает Докукин. «Шиссен, шосс, гешоссен — стрелять. Может, он просит, чтобы мы его пристрелили...» Докукин немцу: «Нихт шайзен! Лебен гут». Немец, показывая на сердце, стонет: «Комэрадэн! Машинен капут, — и, стараясь стянуть с себя штаны, орет благим матом — Шайзен, шайзен!» — «Ребята, он хочет с...» — догадывается кто-то. «Опускай на землю! — командует Докукин. — Это он с испугу, а еще СС!» Все смеются... Докукин озорно кричит: «Братцы, надевай противогазы, выходи из зоны заражения!» Ребята хватают немца и догоняют нас. «Привал, — говорит Докукин, закуривая трубку. — Аверичева, узнай у эсэсовского «героя», из какой он части».

Начинаю первый опрос. «Аус вэльхэм трупэн?» Немец с мордой обезьяны нагло улыбается, скалит зубы. Я повторяю: «Из какой части?» Немец пальцем манит меня: «Пани! Ком, ком! — и просит: — Млеко, яйки, шпэк, мясьцо»... Приподнявшись, он неожиданно хватает меня за подбородок, но тут же падает от

сильного удара Докукина. «Сволочи! Заучили шпэк, яйки!» — А Ивченко удивляется: «Не успел очухаться от расстройства желудка, а туда же...».

Сколько мы ни бьемся, немец не отвечает ни на один вопрос. «Их бин эсэс. Я ничего не скажу, спросите вон ту австрийскую свинью, он все расскажет». Австриец отвечает на вопросы с большой охотой. Это был карательный отряд. Пришел русский солдат и сказал, что разведчики ходят здесь, сидят на деревьях, наблюдают за деревней. Они, австрийцы, из кавалерийской части, два дня как прибыли на фронт. Им приказали немедленно выступить вместе с карательным отрядом. Не успели они войти в лес, началась пальба. А дальше все произошло так быстро...

Навстречу нам бегут разведчики. Они услышали бой и поспешили на помощь. Теперь мы идем уже налегке. Весь наш груз тащат ребята. Пехотинцы приветствуют нас, рады, что все мы живы и здоровы. А около КП батальона ожидает грузовик. Комбат Бездольный называет нас орлами! «Языков» наших грузят в машину и отправляют в сопровождении Анны Тюкановой и двух бойцов охраны.

Мы блаженно вытягиваемся на траве около КП батальона. Я рассматриваю трофеи. У меня теперь есть немецкая шляпа, кинжал и пистолет. Для Анны тоже есть пистолет. Потом мы читаем письма немцев. В одном из них Ганс пишет, что хочет «фрессен» — жрать, значит, — объясняю я ребятам. А жрать нечего. В деревнях пусто, население угнано в Германию, уничтожено, брать пищу негде. Нет даже соли. Он несколько раз повторяет, что без соли совсем нельзя жить. А Фридрих пишет своей жене о страхе, который он переживает в России. «Майне либэ фрау! Когда налетают эти черные дьяволы, мне становится страшно, я теряю рассудок, я думаю о том, что никогда не увижу тебя, мою дорогую Берту, и наших маленьких детей».

Разведчики говорят между собой: дескать, немчура разлагается, падает духом, это им не сорок первый год. И мы снова идем. Докукин ведет нас домой коротким путем, лесом да болотом, зато до рассвета мы подходим к Никулину. И сразу спать. Спать! Спать!

7-е сентября.

Вернулись разведчики, сопровождавшие немцев в штаб дивизии. Анюта осталась в медсанбате. Ребята рассказывают, что австриец в машине лежал спокойно, только стонал, а «обезьяна» СС всю дорогу хулиганил, хватал Тюканову за ноги, скалил зубы, по морде чувствовалось, что говорил непристойности. У командира дивизии он тоже сначала наотрез отказался отвечать на вопросы, попробовал даже иронизировать и ехидно

усмехаться. Турьев сумел его привести в чувство, и убежденный эсэсовец рассказал больше, чем от него ожидали. Пленные дали ценные показания.

Наша группа захвата представлена к наградам. Но все мы понимаем, что задание выполнено главным образом благодаря талантливости, молниеносной ориентировке, воинскому умению и личному бесстрашию нашего Докукина.

Саня Травкин принес в роту толстую сумку писем. Мне пришла посылка из Ярославского отделения Всероссийского театрального общества. Целый килограмм шоколада, пол-литра водки, два круга колбасы, голова сыра! Богатейший дар сразу же был по-братски разделен во взводе. В посылке оказалось письмо от председателя Ярославского отделения ВТО, замечательной актрисы театра имени Волкова Александры Дмитриевны Чудиновой. И еще письмо из Москвы от председателя Всероссийского театрального общества народной артистки Советского Союза Яблочкиной. Знаменитой Александры Александровны Яблочкиной. Я глазам своим не верила. Но письмо действительно адресовано мне.

Александра Александровна пишет: «...Помните всегда, что вы актриса. Внимательно приглядывайтесь к окружающей вас жизни. Запоминайте чувства, переживания людей, образы героев, чтобы потом со сцены сильно и ярко рассказать о пережитом. Помните всегда, что вы не только боец, вы — боец-актриса!»

Актриса!.. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь вернуться на сцену! Но то, что я актриса, — этого никогда не забываю. Даже в самые напряженные моменты боя где-то подсознательно фиксируются мельчайшие детали поведения людей, чья жизнь на волоске от смерти. Это профессиональное чувство, оно как рефлекс в нас. И от этого никуда не уйдешь. Пусть на страничках моего дневника останется хотя бы маленькая частица того, что я вижу, того, что переживаю, — хотя бы некоторые черты нашего великого времени, нашего героического народа, который взял на себя историческую миссию — освобождение человечества от фашизма. Это большая цель, это суровая романтика, поэзия и правда жизни.

Во второй половине дня приехали к нам артисты дивизионной бригады: Манский, Рыпневская, Аборкин. Жаль, что нет Володи Митрофанова. Он на передовой. Адьютант командира батальона. Я очень обрадовалась их приезду. Увидев меня, Мура заплакала. Она говорит: «Обидно, что театр о нас, актерах, ни разу не вспомнил». Я очень разделяю ее тоску по письмам из родных гнезд. Жить на фронте без весточек от друзей очень трудно.

Сейчас я отвечаю на письма. Поблагодарила Чудинову и всех товарищей за внимание ко мне. Попросила не забывать всех остальных своих коллег по фронту — посланцев театра Волкова. А вот с ответом Яблочкиной труднее. Боюсь, не очень хорошо получилось. Наверное, от того, что я уж очень старалась.

8-е сентября.

После обеда разведчики собрались за деревней для беседы с командиром роты. Он говорил о том, что на войне ничего не повторяется. Одна операция отличается от другой. Поэтому надо учиться быстро ориентироваться. В секунду оценивай обстановку, в секунду принимай решение. Безвыходных положений не бывает. Секунда! А вы знаете, что такое секунда для разведчика?..

К концу беседы Полешкин привел к нам начальника особого отдела дивизии майора Стасюка. Он нам рассказал о немецком шпионаже. Немцы пытаются засылать на нашу территорию даже детей.

Майор Стасюк рассказал, что красивая блондинка, медсестра Аня, которую мы видели в палате медсанбата около Докукина, оказалась шпионкой. Девушек, работающих в медсанбате, удивляла какая-то неловкая молчаливость Анны. Жили они все вместе, делились самым сокровенным, а о жизни Анны знали немного. Училась в медицинском институте на третьем курсе, приехала домой на каникулы, началась война. Ворвались немцы, согнали молодежь в церковь, держали несколько дней голодными, потом допрашивали: комсомольцы среди вас есть? Никто комсомольцев не выдывал. Тогда выгнали всех на площадь, поставили в ряд. Кто хочет жить, шаг вперед! Все остались на месте.

Вот все, что рассказала Анна о себе подругам в медсанбате. В действительности же было не так. Не все остались на месте, ряд дрогнул, и в числе слабых была Анна. Она стала шпионкой. От трусости до преступления не так далеко.

— Воинам, особенно разведчикам, надо быть бдительными! — закончил майор.

Казалось бы, привычная, «избитая», как мы говорим, фраза. А какой в ней глубокий смысл!

18-е сентября.

За эти дни произошло немало событий. 7-го сентября появились всей ротой в Грядозубове. Нас встретила встревоженная Полина Алексеевна. Ей подбросили письмо от полицейского из Боярщины. В письме тетю Полю предупреждают, что если она и дальше будет принимать у себя докукинцев, то спалят ее дом вместе со всеми ее «друзьями» и от всей деревни останется пепел. Мы и раньше подозревали, что кто-то в

Грядозубов связан с полицейскими. Теперь мы были в этом убеждены, иначе как же попало письмо сюда. Не успели мы поразмыслить об этом, как с НП пришел Володя Чистяков и рассказал, что исчез красноармеец Гопкало.

В грядозубовском лесу у нас установлен постоянный наблюдательный пункт. В какую бы сторону рота ни уходила на задание, здесь всегда остаются разведчики-наблюдатели. На сей раз несли службу под командованием Владимира Чистякова разведчики Бовин, Сотсков, Журавлев, Савченко и Гопкало. Вчера вечером Гопкало отпросился у Чистякова накопать картошки в котелок. Ушел с биноклем, карабином и больше не явился. Вокруг все было тихо. Никакой перестрелки, поэтому и хватились-то они Гопкало не сразу.

Докукин немедленно выслал группу на поиски Гопкало. Разведчики прочесали всю местность до самой обороны противника, но безрезультатно. Это был высокий, худощавый украинец с длинными усами, опущенными книзу. Ребята его звали «батяня». Вообще-то разведчики относились к нему с уважением, считали его положительным человеком. Правда, уж очень он надоедал нам своими нравами.

Гопкало часто рассказывал о себе. Семья его осталась на оккупированной территории, он с тоской вспоминал о жене и о детях своих, о родной Украине. Ребята однажды увидели, как Гопкало взял дрожащими руками землю, помял ее, понюхал, растирая на ладони.

Мы решили, что Гопкало удрал к немцам, на свою Украину. Командование же роты сообщило в дивизию, что красноармеец Гопкало пропал без вести. Действительно неизвестно, что же с ним?

Работа у нас изнурительная: мы контролируем большой участок обороны противника, по существу одна наша рота держит весь правый фланг — от Старо-Овсянкина, Вишенки, Борков, Грядозубова, Бердяева, Постояликов, через Лосево, Алексеевку, село Рибшево до района Николы-Полоши и Демидовского большака, где действуют партизанские отряды. Не спим по несколько суток. Обувь, одежда давно уж не просыхали. На базу приходим редко, только для того, чтобы поесть горячего, иногда удается просушиться, вздремнуть часок-другой. Докукин смеется: «В Пречистенском и Духовщинском районах скоро не останется кусочка земли, где бы не елозили наши животы». И верно!

Мы ведем разведку под носом у немцев и полицеев. По оврагам, болотам, лесам заходим к ним в тыл. Докукин ориентирует нас на ежедневное столкновение с противником. Сегодня мы напоролась около Дурнева на засаду немцев.

Небольшой группой вышли мы на опушку леса, и хорошо, что Докукин, прежде чем пройти открытую поляну, остановил дозор. На той стороне поляны лежали солдаты в желто-зеленых костюмах. Мы решили: свои. Пригляделись — немцы! Они, очевидно, тоже приняли нас за своих. Один из них встает, машет рукой, зовет к себе, а в это время другой ставит рядом пулемет, подтаскивает коробку с пулеметной лентой. Остальные лежат с автоматами.

Открываем огонь. Немцы отходят. Голубев и Круглов бьют им вслед из пулемета. Немцы не выдерживают и бегут. Мы за ними. Но немцы, получив подкрепление, двинулись на нас при поддержке минометной батареи. Пришлось отступить к болоту и до конца дня просидеть по пояс в воде. Ночью мы поползли к Дурневу. Немцы, приняв нас за наступающие части, открыли артиллерийский минометный и оружейно-пулеметный огонь. Это помогло нам установить количество огневых точек противника, их взаимодействие, а также расположение минометных и артиллерийских батарей.

Когда мы уходили из Грядозубова, Докукин оставил группу бойцов с пулеметами. Разведчики ночью засели на чердаках домов, замаскировались. Ни единая душа не знала об этом, не только жители, даже мы об этом узнали лишь сегодня, когда вернулись с задания. И вот что там произошло! Через несколько часов после нашего ухода бойцы с чердаков заметили, что полицейские расставляют на опушке леса огнеметы и идут на Грядозубово развернутым фронтом. Разведчики подпустили их поближе, а потом ударили с чердаков из пулеметов и автоматов. Полицаи удрали без оглядки, даже огнеметы свои оставили.

Докукин и Полешкин считают, что полицейские в Грядозубово больше не сунутся. Наверняка, кто-то наблюдает за нами и докладывает в Боярщину. Теперь этому предателю не поздоровится. Полицейские шли на Грядозубово уверенные, что рота ушла, и вдруг напоролась на засаду. Но кто он, этот предатель?

Каждый из нас становится настоящим Шерлоком Холмсом. Мы всматриваемся в каждого жителя. Может, это Григорий Иванович Иванов? Уж очень у него черная подозрительная борода. Но у него живут наши разведчики Миша Курин, Саша Семенов. Они уверяют, что он хороший человек. Мы подозреваем почти всех жителей. Некоторые доходят до того, что присматриваются даже к нашей дорогой тете Поле. Говорят: муж у нее дезертир. Где-то бродит. Правда, скрывается он от полицейских, но ведь и к нам, в нашу армию, не идет. Кто его знает, что за человек! Не знаю, не знаю. Одно только бесспорно, я

в это верю: путаница эта — до поры до времени. Придет час, все станет на свои места. При ясном свете мирного дня будут хорошо видны свои и чужие, друзья и враги.

Каждому свое зачтется.

А мне больше всего не по душе одинокий старик, живущий на окраине села, около леса. Нелюдимый, никого к себе в дом не пускает, даже ни с кем не разговаривает. Всегда он дома, посматривает в окно или сидит на бревнах около калитки. Когда мы идем на задание, он провожает нас таким «напутствием»:

— И куда вы идете? И де ваши косточки лягут?

Мне захотелось присмотреться к старику поближе. Я под села к нему на бревна. На мое приветствие он почти не отвечает. Стараясь быть с ним приветливой, пробую заговорить. Он смотрит вдаль остановившимся, тяжелым взглядом. От его взгляда становится не по себе.

19-е сентября.

Сегодня на Мишу Голубева что-то нашло. Он весь день читает нам стихи, показывая свою эрудицию. А поэзию он действительно знает. Особенно любит похвастать знаниями передо мной и Вале́й: дескать, смотрите, актриса и учительница, мы тоже не лыком шиты.

В деревне Лосево мы расположились на привал. Ребята разыскали старые, заброшенные пчелиные ульи. Марусин и Чухварин нашли самовар, наполнили его медом и несут этот самовар за ручки, отбиваясь от пчел. Миша декламирует, показывая на них:

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели...

— Кто написал эти строчки?

— По-моему, Гейне, — отвечаю я.

— Вы совершенно правы, леди! — подтверждает Голубев.

И в сердце моем, как в море,
И ветер поет и волна,
И много прекрасных жемчужин
Таит его глубина.

Валя Лаврова кричит:

— Тоже Гейне!

— О! И вы, синьорита, правы!

Ложимся на голый пол избы. Надо отдохнуть перед заданием.

Михаил подходит, встает в позу и, показывая на пол, произносит:

Всевластная привычка, господа,
Суровости походного ночлега
Мне превращает в мягкий пуховик,
Мне по душе лишения...

— Откуда?

— Отелло! Шекспир! — отвечаем в несколько голосов.

— Ты перед сном молилась, Дездемона? — обращается Голубев ко мне.

— Да, дорогой мой! — отвечаю я ему в тон.

— О грехах своих подумай!

— Единственный мой грех — любовь к тебе, — басит из дальнего угла Лаврова.

— За это ты умрешь! — делает страшное лицо Михаил и бросается на Валентину, но от мощного ее удара отлетает в сторону. «Вот это объятия нежной Дездемоны!» — смеются разведчики.

20-е сентября.

Мы должны взять полицейского, или привести из оккупированной деревни жителей, или, на крайний случай, поговорить с кем-нибудь из них. Вчера днем мы наблюдали за деревней Борки. Среди высоких диких зарослей — там, где еще недавно была деревня, пробегают женщины в овраг, где находится баня. Лейтенант Яков Ивченко, не отрываясь от бинокля, мечтает: «Эх, взять бы нам вон ту, молодэньку, дуже гарна». Докукин добродушно ворчит: «Да ты на немцев и полицаев гляди, а не бабенок рассматривай!» — «Та немае сегодня немчуры, воны вчера искупались... Одни жинки идут».

Во второй половине ночи залегли в засаду тремя группами. Притаились в густом бурьяне, не спуская глаз с протоптанной узкой тропинки на заросшей дороге. Тропинка, изгибаясь, спускается вниз, в овраг, к маленькому домику с узким оконцем. Это и есть баня. После бессонной ночи, под утренним солнышком трудно уйти от искушения: тяжелые веки сами опускаются... Сейчас уснуть было бы высшим блаженством! Но внутри тебя звучит сигнал: не спи! не спи! не спи! Вздрагиваешь, как от толчка. Сердце — стук, стук, стук! Не спи! Не спи! Не спи! А вокруг никого и ничего. Мы так замаскировались в развалинах и зарослях, что не видим даже друг друга. Знаю точно, что справа, в заросшем разрушенном подвале, залег лейтенант Ивченко со своим ординарцем Дубровиным, но вижу пустой пролом... А вдруг в самом деле никого нет? Может, я проспала, все ушли, я

осталась одна? Неодолимо желание подползти ближе к подвалу, или влево к соседу... Может, окликнуть потихонечку? А если встать в рост и посмотреть?

Всюду заросли бурьяна, только кое-где видны верхушки печных труб. Судя по количеству труб, здесь была большая деревня, кипела жизнь, а сейчас можно встретить только одичавшую кошку. Ветерок доносит шуршание шагов, тихий, торопливый женский разговор. Две женщины, озираясь по сторонам, быстро, почти бегом, проходят мимо. Но вот заросли оживают. Из засады выходят лейтенант Ивченко и старший сержант Борисов, подходят к женщинам и делают им знак следовать за ними. Мы отходим в лес. Все происходит тихо, без крика, как будто промчался ветерок и тут же исчез бесследно.

Навстречу спешит Докукин. Ивченко, натягивая фуражку на нос, ворчит: «Ну и спыймалы же мы «языка», шоб нам пусто было». Женщины удивительно некрасивы, как будто природа над ними зло подшутила. Особенно одна из них, на коротких ногах, в розовой атласной кофте с немецкой брошью. На злом лице торчит толстый нос, рот до ушей, глаза — щелочки, гнилые зубы. Обе заскулили. «А ну, потише!» — приказывает Докукин. Но женщины ревут еще громче. «Что же вы ревете, ведь вы у своих? Не рады, что мы вас выручили из плена?» Женщина в розовой кофте всхлипывает: «Гоо-воо-рят, у вас тут расстре-еливают!» «У кого это, у вас? — спрашивает Докукин. — Вы что же, не считаете нас своими?» Курносая поднимает сползающий чулок. «А что же это вы только нас взяли! Там же в бане Фриц и Ганс нас ждали. Мы к ним в баню шли».

Докукин с упреком смотрит на Ивченко, тот не переставая крутит чуб, тяжело вздыхает. Ребята к женщинам: «Ишь, в немецкое нарядилась! А как вас немцы-то называли?» Курносая отряхивает юбку: «Они люди очень даже культурные! Фрейлин Ольга они меня называли». — «Шлюхой! Вот ее як надо называть», — зло шипит Ивченко. «Спокойно, лейтенант!» — обрывает его Докукин.

Очередь из автоматов. Это в группе Горшкова! «Ивченко! Двух бойцов на охрану женщин, остальные за мной!» — приказывает Докукин и мчится с такой быстротой, что мы не успеваем за ним. Вот мы уже около Горшкова. Сюда же бежит и старший лейтенант Васильев с группой. Разведчики столпились около двух убитых парней в красноармейской форме. В карманах красноармейские книжки. В вещевых мешках — русские концентраты, консервы, запасные гражданские костюмы, советские паспорта, множество антисоветских листовок, кipa газет «Колокол». Все на русском языке, с карикатурами, со стихами. «Забрать эту пакость!» —

приказывает Докукин.

Самохвалов докладывает. «Мы уже собрались уходить из засады, вдруг видим, идут двое в красноармейской форме. Что, думаем, за оказия! Кроме нас, в этих краях никто не бродит. Володя Чистяков подобрался к одному из них вплотную: «Руки вверх!» Бандюга отскочил, выхватил нож, но я всадил в него очередь. Другой дал стрелкача. Мы с Чистяковым пристрелили его. Иначе бы он удрал»... — «Товарищ командир, смотрите! — показывает бинокль Володя Чистяков. — Мой бинокль, тот самый, с которым Гопкало ушел. Видите, на бинокле мои пометки, вот эти точки. Все ребята знают: я их сам просверлил».

Что же все-таки случилось с Гопкало?

— Ну что ж, товарищи, — говорит Докукин, — шуму много, полицейских и немцев спугнули, а задание не выполнили.

— Как же не выполнили, товарищ лейтенант? — смеется Круглов. — Лейтенант Ивченко взял двух «языков», о каких мечтал.

— Ивченко за жинками погнался, а немцев в бане просмотрел, — говорит Докукин.

— Да брешут проклятущи бабы! Ни каких немцев не було там, — оправдывается Ивченко, а потом шутит — Та я думал, возьмем ладных молодежи, а оказались такы несуразицы, шо страшно глядеть...

Около Грядозубова, куда мы возвращались после задания, вспомнили про старика. Все больше он вызывает подозрений. По обыкновению, как только приходим в Грядозубово, сейчас же интересуемся, не сбежал ли старик. Вот и сейчас заглядываем незаметно в окна его дома. Он еще здесь?..

— Смотрите, — говорит Валя, — старик выходит из своей берлоги.

Старик оглядывается... Никого... Быстро набрасывает замок на дверь. Оглянулся еще раз, и скорей, скорей с корзиной в лес. Через некоторое время за ним отправляются три разведчика. Они и раньше за ним ходили, но ничего не заметили. Старик собирал грибы или ягоды. Интересно, чем кончится сегодняшняя слежка!

3-е октября.

В роте произошла беда. Командный состав роты во главе с младшим лейтенантом Игнатьичевым пошел в командирскую разведку. Путь их лежал через батальон 1340-го полка. Дожидаясь наступления темноты, они остановились около КП батальона. Комбату капитану Судакову сообщили, что прервалась связь с боевым охранением. На поверку линии отправились два связиста. Наши командиры пошли вслед за связистами.

В дозоре двигались Дубровин, Зинин, а впереди лейтенант

Горшков. Вошли в низину. И вдруг из-за кустов выскочили немцы и полицейские, огнем отрезали дозорных. Дубровин был убит. Окружая раненого Зинина, немцы орал: «Рус, сдавайся! Рус, хэндэ хох!» Но Зинин не сдался. С криком «Прощайте, товарищи! Да здравствует Родина!» подорвал себя и навалившихся на него гитлеровцев противотанковой гранатой.

Старший сержант Борисов и Алексей Федоров пробивались на помощь своему товарищу, но было уже поздно. Мертвый Дубровин лежал совершенно раздетый, рядом валялся ободок от часов. Неподалеку нашли труп Зинина. Горшков исчез бесследно. Как видно, его успели схватить живым.

Погибших похоронили здесь же, в низине.

В вещевом мешке у Зинина нашли неотосланное письмо. «Береги нашу доченьку, береги Ниночку», — умолял он свою жену.

В роте только и разговоров — о Кольке Терещенкове. Среди криков полицейских командиры ясно слышали его голос. Не будет пощады этому предателю!

4-е октября.

Дом старика стоит пустой. Говорят, хозяина отправили в оперотдел дивизии. Старика поймали в тот момент, когда он прятал что-то в дупло, давая условный знак полицейским (старый, примитивный способ!). Когда мы выходили на задание, он выставлял метлу на крыше своего дома.

Немцы начали наступление на партизанский край. За двое суток они заняли Демидовский тракт и целый ряд деревень: Дурнево, Остров, Тарасово и другие населенные пункты.

Перед нами опять задача — взять «языка».

Засада на дороге между деревнями Дурнево и Остров. Раньше здесь мы проходили свободно, а теперь в этих местах немцы. Мы лежим около самой дороги, на которой свежие следы немецких сапог. Маскировка естественная: кустарник, небольшие елки. Здесь нам знакома каждая тропинка, нам помогает каждый пенек. Мы чувствуем себя как дома. Лежим уже шесть часов. Как ни странно, немцев нет и в помине. Ждать ужасно надоело. Неужели ни один фриц не появится на этой дороге!

Мы начинаем потихоньку переговариваться. Онемели ноги, руки. Некоторые ребята не выдерживают, отползают. Смотрю: за ними ползет и Валентина. Докукин упорно ждет, не отходит от дороги. Через некоторое время раздается тихий свист: «Внимание!» По дороге шагают стройные, подтянутые, с иголки одетые немцы. Брюки на выпуск отутюжены, блестит начищенная обувь. Трое идут в дозоре. Первый держит автомат в правой руке и размахивает им, как стэком. Ясно, что прибыли новые части.

Еще не пуганные. Мы пропускаем дозор. Потом выскакиваем с криком и бьем из автоматов.

Фрицы удирают. Мы гонимся за дозором, а в это время Докукин с бойцами хватают немца и отступают. Немец орет, отбивается, но руки у разведчиков железные.

Мы движемся вперед спиной, как приказал Докукин, чтобы немцы не пошли по нашему следу.

20-е октября.

Наше ротное хозяйство, со связью, старшиной Серяковым и каптенармусом Николаичевым прибыло на постоянное жительство в Грядозубово, которое отныне надежно охраняется бойцами роты. Население вышло из леса в свои дома. Девушки и женщины все еще боятся ночевать там, где нет бойцов. Поэтому в доме Полины Алексеевны полно народу.

После сытного обеда — пшенной каши со свиной тушенкой, традиционных смоленских пирогов — пьем все вместе чай с сахаром и даже с конфетами. Нам, женскому сословию, достается сладкого больше, чем другим бойцам. Старшины взводов ежедневные наши граммы табака и водки делят на всех бойцов, а нас за это балуют сладким. Сегодня у нас дополнительный паек — конфеты, даже три плитки шоколада.

А вот ребятам сейчас трудно. В дивизии большие перебои с табаком. Иногда они, бедные, сами не свои без курева. Начали курить что попало: листья, мох, даже кору деревьев.

Мы сидим за общим столом. Слушаем женщин, побывавших у немцев. За окнами по-осеннему неуютно, темно, завывает ветер. Комнату тускло освещает чудом уцелевшая лампа.

Ложимся спать на пахучее сено. Ребятишки тети Поли прижимаются ко мне, просят: расскажи сказку, расскажи...

...В тридевятом царстве,
В тридесятом государстве
Жил был славный царь Додон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость...

Ребятишки сопят. Полная тишина.

...Вдруг шатер
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся, сияя, как заря,

Тихо встретила царя...

Слушают женщины, слушают разведчики. У меня такое состояние, будто я на сцене театра, в длинном платье со шлейфом. Встаю, набрасываю плащ-палатку на плечи и заканчиваю:

И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы;
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... И в то же время
С колесницы пал Додон!
Охнул раз — и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывала.
Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Откидываю плащ-палатку, делаю поклон. Зрители аплодируют. Раздаются восклицания:

— И вправду наука! Не гонись за молоденькими!

— Ишь, царек какой, шешка нямой. Сыновей своих даже забыл!

И уже снова: «Расскажи». Читаю Пушкина. Еще и еще...

22-е октября.

У немцев по всему фронту нашей обороны оживление: прибыли новые части. От нас командование дивизии требует ежедневных разведывательных данных.

Ползем к Верхней Дуброве. Мы уже почти у цели, но немец нас обнаружил. Начался треск пулеметов, автоматов, загудели моторы, заскрежетали, залязгали гусеницы. Подошли два танка, которые последнее время патрулируют по Верхней Дубраве. Они развернулись и начали бить из крупнокалиберных пулеметов. Пули с воем проносятся над головой, разрываются где-то в кустах. Ужасно неприятная штука этот крупнокалиберный, он бьет надрывно и глухо: дун-дун-дун! Дук-дук-дук! Мы его так и прозвали «дундук».

Команда: «Принять вправо». А сержант Марусин, как видно, понял, что пора «утекать» и быстро, быстро начал отползать, высоко и смешно поднимая зад. Голубев догнал Марусина и ладонью по мягкому месту. Марусин, наверно, решил, что это

удар «дундука» и, отдуваясь, как паровоз, пополз в кусты.

С правого фланга деревни мы до рассвета наблюдали за огневой системой, взаимодействием огня противника. Засекли место расположения минометной батареи.

Утром Докукин разбирал нашу последнюю операцию. «Сержант Марусин, какого же ты черта трусишь? Жить хочешь? А другие не хотят, думаешь? Твои товарищи воюют, не щадя жизни, а ты в этой операции показал себя трусом».

Ребята сочинили песню о «храбром» сержанте и поют ее на мотив «крутится-вертится»:

Слышим команду:
Вправо принять!
Марусин решил,
Что пора утекать...

И так далее... А что далее, приводить здесь не стоит.

25-е октября.

Много ли надо бойцу? Вздремнул, обсохла одежда, перекусил — и снова в путь! Шаг тверже, голову выше, песня звонче!

Голубев идет в обнимку с Кругловым и поет: «Куда, куда, куда вы удалились, весны моей златые дни». У него очень приятный, чистый тенорок. Круглов морщится: «Ну, паря, пошел, теперь не остановишь». Нашего Мишку Круглова классикой не проймешь. Вот если б из репертуара его любимого хора Пятницкого!

Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит...—

поет Голубев, все больше входя в раж.

По цепи передается команда:

— Голубев и Круглов — в дозор!

— Есть в дозор! — повторяют команду наши Михаилы и бегут в голову колонны.

28-е октября.

Нас перевели в землянки, которые расположены в грядозубовском лесу. У ребят портится характер. Устали. Каждый день — разведка, ночи без сна. Землянки низкие, тесные, сырые. И главное — нечего курить.

Валентина — молодец, все выдерживает, вплоть до мата. Я ей просто завидую. А мы с Анютой, как приходим с задания, убегаем в Грядозубово. Там теперь новая часть, но у тети Поли никого

нет, и она всегда нам рада. Докукин узнал об этом и дал нам нагоняй. Уж не заподозрил ли он нас в каких-нибудь амурных делах! Приказал из взвода никуда не уходить.

Идет подготовка к новой боевой операции. Наблюдаем за деревней Крутая. Нам нужно в этом районе взять «языка» любыми средствами.

Деревня Крутая — родина Карпа Жильцова. Я до сих пор не рассказала историю семьи Жильцовых. Карп Жильцов, или, как его называют в роте, Карп Смоленский, житель деревни Крутая. Июньской ночью прибежал он от немцев и стал просить Докукина, чтоб его взяли в роту. Его взяли. Карп быстро завоевал авторитет в роте, доверие командиров и бойцов. Он очень хорошо знал местность своего района. Как и Василий Талдыков, проводил разведчиков оврагами, болотами к любому населенному пункту. А через некоторое время прибежала его совсем молодая, красивая жена Лиза с маленькой дочкой. А за ними его мать пришла средь бела дня и пригнала с собой корову. Сейчас Лиза и мать работают у нас в роте прачками.

Мы наблюдаем за деревней. Карп рассказывает Докукину все интересующие его подробности. Он даже показывает ориентиры, места, где у него зарыты в землю вещи, картошка, бочонок с салом. Карп просит у Докукина разрешения во время боевой операции попытаться выкопать бочонок. Эта мысль всем нравится, поэтому мы шутим, что поползем к Карпу Смоленскому в гости, пусть он нам выставит закуску — бочку с салом.

Докукин чертит на земле план обороны противника. Три траншеи соединены ходами сообщения. В центре первой установлена мелкокалиберная пушка, с правого фланга и в глубине — пулеметы. Перед обороной немцы вспахали всю землю, понатыкали колышки, очевидно заминировали подходы к траншеем. Действовать будем с саперами.

Командование дивизии приказывает именно здесь, в этом районе, взять контрольного пленного или раздобыть документы.

30-е октября.

Докукин собирает всю роту, объясняет план операции. Говорит кратко. Его советы звучат как приказы.

— Не отставай! Помни, что весь огонь — на отстающих. А попал под огонь фрицев — не шарахайся, ложись. Немец ночью плохой вояка — не побежит за тобой. Помни, что немец тоже человек, у него тоже нервная система. Подполз на пятьдесят метров к траншее, смело вскакивай, гранату — и рывок на фрица. Он ничего не успеет сделать с тобой. Врывайся и хватай его!.. Понятно?

— Понятно! — гудим хором.

Выходим сегодня во второй половине дня.

31-е октября.

Вчера в четыре часа дня мы вышли на опушку леса. Докукин показал нам подходы всех групп: захвата, ударной и двух групп прикрытия. С нами действуют бойцы стрелковой роты и дивизионные саперы. Всей операцией руководит Докукин, а нашей ударной группой — лейтенант Ивченко.

Для лучшего взаимодействия в бою нас разбивают на тройки. Разведчики не имеют права оставлять товарища в бою, мы все трое в ответе друг за друга. Наша тройка: Ларин, я и Семенов. Саша Семенов — старший тройки.

С наступлением темноты выдвигаемся на исходный. К сожалению, лунная ночь. Ребята ворчат: «Ни к чему ты нам сегодня, красавица!» — «Ну що вы, хлопцы, — шепчет Ивченко, — як же без светильника шукать Карпову бочку с салом». Подходит сапер с миноискателем. «Разведка? Мне группу Ивченко!» — «Сидай с нами — я Ивченко!»

В три часа ночи все началось. Саперы с миноискателями поползли впереди ударной и группы захвата. Догнала сапера нашей группы. «Я с вами, папаша, хочу посмотреть, как это вы находите мины». — «Прислушивайся внимательно, дочка. Только миноискатель обнаружит злодейку, сразу запоет песню». Сзади слышу дыхание — это ползут Ларин, лейтенант Ивченко, Семенов. Я повернулась к Ларину: «А ты-то чего?» — «А я прикрываю сапера. Мне тоже интересно», — отвечает он обиженно. Сапер останавливается: «А ты, дочка, знаешь, куда ползти нам?» — «Да! Видите вон ту березу, это наш ориентир». Как хорошо, что Докукин всех нас заставил дважды просмотреть немецкую оборону. Правда, в бинокль днем казалось все гораздо ближе, а сейчас, ночью, расстояние увеличилось. Что-то сегодня происходит со мной. Мне хочется все скорее, скорее, а мы так медленно движемся, ползем — конца не видно. Сапер остановился: здесь какая-то канава... Воздух прорезала резкая пулеметная очередь. Со всех сторон вспышки выстрелов. Затарахтели пулеметы, полоснули автоматы, загремели гранаты. Рывком вперед! От березы заработал «дундук». Дун! Дун! Дун! Дук!.. Нам он уже не страшен, мы в траншее, а вот ребятам... «Давайте, вперед! Скорей, ребята!» Сапер помчался по траншее и скрылся в темноте. Лейтенант Ивченко кричит: «Бей по «дундуку»! Так... Давай еще гранатой!

Разведчики прыгают в траншеи. Я не вижу их лиц, я ничего и никого перед собой не вижу. Я не знаю, что в это время с правого фланга дивизионный сапер и разведчики Кукуев, Кузнецов, Федоров и Ершов, забросав гранатами пулемет, ворвались в дзот

и, не обнаружив живого немца, завязали бой в глубине обороны. Я вижу только вспышки пулемета у березы, слышу поединок автоматов. Докукин предупредил: главное — отсечь подход немцев из второй линии обороны. А немцы уже контратакуют. При вспышках ракет я вижу согнутые в три погибели фигуры немцев, вижу злой блеск глаз, и почти рядом слышу громкий, настойчивый шепот: «Рус, я ваш! Рус, я ваш!» — «Ивченко! Немец говорит, что он наш!» — кричу. «Фер флюхтер менш!» — визжат немцы. Над головой проносится очередь, и немец, как подкошенный, падает.

Ивченко с бойцами погнался за гитлеровцами. Я тащу немца по траншее, еле-еле подняла, посадила на выступ. Немец захрипел, повалился и уронил мне голову на грудь. Голова пробита насквозь. Из горла с громким бульканьем хлещет горячая, липкая кровь, обливая мне руки, бушлат.

В воздух поднимаются одна за другой белые ракеты. Это Докукин настойчиво сигнализирует команду на отход. Бойцы уже отходят. «Скорее! Скорей! Что вы там возитесь!» — орет Ивченко. В это время наверху, около пушки, раздается взрыв. Траншею засыпает землей. Немца откинуло к стене траншеи. Он мертв. Я вытаскиваю у него из карманов все содержимое и высасываю из траншеи. У искареченной пушки ствол поднят вверх, а под ней лежит мертвый, в зеленоватой шинели, вниз лицом, засыпанный землею.

Я догоняю группу раненых бойцов. Мы отходим куда-то вправо, вправо, подальше от разрывов мин.

Рассвело. Перед нами незнакомое кладбище. Сделали привал. Один из красноармейцев, перевязывая раненых, спрашивает: «Не узнаешь? Я тот самый «папаша», за которым ты ползла». Передо мной совсем молодой парень. «Что же ты меня дочкой называл?» — спрашиваю я. «А не все ли равно! Ты меня «папаша». Ну раз я папаша, значит ты — дочка! Земляки мы с тобой, я тоже из Ярославля, видел тебя на сцене...» Познакомились. Константин Цопко, старший сержант из саперного батальона дивизии.

Двинулись к лесу. Навстречу бегут наши разведчики: «Ну где ты пропадала? Докукин послал нас за тобой. Говорят, ты документы взяла у немца. Где документы?» Я только здесь рассмотрела, что я вытащила из кармана немца. Письмо, фотокарточка, фотоальбом, солдатская книжка. Читаю: «Отдельный егерский батальон, мастера ночного боя».

«Мастера, — говорит Цопко, — а проспали! А покурить, покурить ты у него не нашла?» Я подаю ребятам какую-то коричневую штуку, вроде большой сигары, но это оказывается футляр, а в нем какой-то кристалл. Ребята разочарованы. Я —

тоже. Уж очень мне хотелось побаловать их сигарой.

В лесу, около КП батальона, сидят разведчики. Я приземляюсь около них. Бушлат у меня в крови. Кровь застыла заскорузлой коркой, меня мутит от ее запаха. Прежде чем отдать письма командиру, заглядываю в них сама. К моему удивлению, немец-то действительно был прогрессивный. Он писал письма своей жене, как будто бы вел дневник, сообщая обо всем, что происходило у них в части. Почему-то письма не отосланы, вероятно, боялся цензуры. В письме, датированном 26 сентября, он пишет: «Война, затеянная фюрером и всей его псарней, для Германии давно уже проиграна». На фотографии молодая немка с умным, добрым лицом и двое детей. Неужели немцы бывают добрыми? Не верю, не могу верить фотографиям. Не может быть добрых немцев. В альбоме целая серия фотографий «счастливого семейства». Снимок № 1 сделан против солнца. На скале темным силуэтом, как статуя, стоит огромный немец. Руку он поднял кверху, вперед, как бы протягивая к солнцу. Полы пальто развеваются, разлетаются в стороны. Снимок символический, думаю я. Узнаю в нем «своего» немца. Вот он со всей семьей за столом. Вот они на прогулке. Вот работают в огороде. «Рус — я ваш! Рус — я ваш!» Может быть, немец не спал, видел, как мы ползаем. Ведь пушка молчала. Сидел он около пушки и не бил в нас, выжидал, чтобы сдать в плен? Мне приходит мысль: этот немец — тельмановец, коммунист. А может, он просто не хотел отдавать свою жизнь за ненавистного фюрера? Неужели мне жалко этого немца! Я все время думаю о нем. Они истребляют наш народ, а я пожалела немца только потому, что он сказал «Рус — я ваш!»

Анна Тюканова перевязывает раненых, быстро их эвакуирует в медсанбат. Федоров ранен в глаза. Ребята с тревогой спрашивают Анюту: сумеют ли врачи сохранить ему зрение. Кукуев рассказывает: убит старший сержант Александр Кузнецов. Они хотели сбросить пушку в траншею, но под пушкой что-то взорвалось. Кукуева оглушило, а Кузнецов погиб. Так вот кто лежал под пушкой! Саша Кузнецов — член партии. Его любили в роте. До войны он работал контрольным мастером цеха на механическом заводе. Спокойный, выдержанный. В бою всегда был первым. Сегодня своей смертью он, быть может, спас жизнь многим из нас.

Мне хочется побыть одной. Я иду по просеке леса домой. Если бы ребята узнали, что я пожалела немца, они бы возненавидели меня. Догоняют Докукин и Ивченко.

— Аверичева, ты что одна?

— Так, захотелось побыть одной.

— Ну что ж, это бывает! — успокаивает Докукин. — Молодцы, хорошо действовали. Скажи там старшине, чтоб выдал тебе другой бушлат.

1-я ноября.

Рота выстроилась около землянок, вдоль дороги. Бушлат у меня мокрый, я долго его отстирывала. А старшина другого бушлата не дает. Докукин подводит итоги боевых действий роты. Нас, женщин, ставит в пример бойцам.

— Наши девушки — это боевые разведчики, наши настоящие товарищи! И если кто посмеет выругаться при них, попадет в штрафную роту... Вот так!

— Товарищ лейтенант! — кричат ребята, а если это случится с вами?

— Пойду и я туда же!

6-е ноября.

Никулинский лес. Большие добротные землянки. Широкие нары, стол, котелки на полках выстроились в ряд. Они как разведчики в строю. Внизу, в стойке, вычищенные до блеска автоматы. Мне кажется, что уютнее и теплее нет жилища в целом мире.

Установлен порядок: обед готовят на всю роту, в общей кухне. Это облегчает нам жизнь, избавляет от возни с кастрюлями и котелками.

Сегодня замечательный вечер. Завтра — праздник, наш великий Октябрьский праздник. С наслаждением попарились в настоящей бане. Бойцы получили табак. и водочку. А главное — почта принесла много радостей. Письма, подарки из тыла. Все рассматривают носовые платочки, кисеты, шерстяные носки, варежки, сделанные нежными, заботливыми руками наших ярославских женщин и девушек.

Мы лежим на нарах. Льется широкая русская песня, широкая, как наш русский неоглядный простор, как наша русская, родная, добрая Волга. Миша Голубев запекает своим приятным тенорком:

Вниз по Волге-реке,
С Нижня-Новгорода,
Снаряжен стружок,
Как стрела, летит...

Над столом, покрытым чистой газетой, склонилось несколько бойцов, пишут письма. При свете гасика (так мы любовно называем лампу, сделанную из гильзы артиллерийского снаряда) и веселого пламени печурки хорошо видны лица разведчиков. Глаза — посветлевшие, мечтательные, сосредоточенные. Забыты

на время кошмары войны, суровая, тяжкая солдатская жизнь. Песня ширится, песня растет, она наполняет всю землянку, ей уже становится тесно, она рвется на волжский простор:

Киньте, бросьте меня
В Волгу-матушку,
Утопите в ней
Грусть-тоску мою!..

Размечтались мои славные друзья.

Сергея Соловьев: «Хорошая жизнь будет после войны!.. Хотя я и окончил сельскохозяйственный техникум, а пойду учиться в университет, на филологический факультет...».

Круглов (нараспев, окая): «А мне бы, паря, скорей к своей женке, ребятишкам, в свой колхоз. Трудно в колхозе одним женщинам, устали они. Скот поистощал. Коровы наши костромские, знаешь какие? Славятся на весь мир. Породистые! А сейчас вот пишут, на что они, коровы-то, похожи...».

Голубев: «Дружище! Да ты будешь председателем колхоза. Вот увидишь: ты будешь председателем!»

Круглов: «Брось, паря, я в начальство не гожусь. Истосковался по работе. Хочу работать в колхозе так, чтобы жилось в нем богато, чтоб по полям машины... комбайны, трактора, чтоб не гнули спины наши женки. А в центре Сусанина я вижу новый, весь в электрическом свете Дворец культуры, а во дворце я с женкой кадриль танцую...».

Я: «Ребята, представьте, конец войны... Отгремели победные залпы. Наша дивизия едет прямо с фронта эшелонами — в Ярославль, на парад. Едем такими, какими будем в последний день войны. Старенькие плащ-палатки, повидавшие виды автоматы. Весь Ярославль смотрит на нас. Вот они, воины Ярославской коммунистической дивизии. Вот шагают разведчики, впереди командир Докукин. Вся грудь в орденах».

Барышников: «Я организую ротный духовой оркестр, как у нас, на заводе. И мы будем идти под марш».

Бурунов: «А может, нас пригласят в Москву на парад. Пройдем мимо Мавзолея Ленина...».

Голубев: «После войны я пойду в военное училище, буду командиром, как наш Докукин!»

Внуков: «Вот удивил! Зачем тебе военное училище, ведь войн не будет больше. Это же последняя война!..»

Уже полночь. В землянке сонная тишина. Храп. Свист. Спят мои товарищи. На столе стопки писем: прямоугольники, треугольники, ромбы. А мне не уснуть. В дневнике большие

пробелы. Осторожно освобождаюсь из Анютиных объятий, соскальзываю с нар прямо на скамейку к столу.

В землянке жарко. Нет-нет да кто-нибудь проснется, зачерпнет воды из ведра, с жадностью выпьет, подойдет к столу: «Вот это да!», «Ого!» или «Сила!», осторожно поползет по нарам на свое место и тут же заснет.

Проснулся Ваня Козырев. Хороший это человек, спокойный, смелый разведчик. Он тоже идет к ведру (я только что принесла ведро ледяной воды), потом спрашивает: «Ты что не спишь?» — отвечаю: «Выспалась...» Он внимательно разглядывает письма, читает несколько адресов, восклицает: «Потрудились ребята!» и ползет по-пластунски по нарам...

14-е ноября.

Мы только вернулись из немецкого тыла.

А брать меня на задание не хотели. Когда шли через деревню Попково, где расположен штаб дивизии, увидел нас начальник штаба, полковник Завадский. Приказал: девушек на задание не брать.

Пока Докукин был в разведотделе, мы с Валентиной пошли прямо к командиру дивизии. Полковник Турьев сидел за столом перед горой блинов. Он тут же позвонил Завадскому и заступился за нас: «Они опытные разведчики». Комдив приказал выдать нам теплые шерстяные свитры. Разведчики к этому времени расположились в большом доме. Мы рассказали ребятам о нашем приключении. Ребята называли нас простофилями за то, что мы растерялись и не отдавали комдивских блинов. Мы и сами жалели об этом. Полковник нас очень приглашал к столу.

Наш взвод остается в Попкове и на рассвете выходит на задание, а остальные идут домой. Разведчики расстроились: хотели идти с Докукиным. Пока они собирались домой, я уснула. Сквозь сон слышу, тормозит меня Валентина. «Везет тебе. Идешь с Докукиным! Пока, Софья!» — «Подъем! подъем!» — Ребята гремят сапогами, разговоры, шутки. А я не могу подняться. Голова раскалывается, тело тяжелое. Докукин поглядел на меня, спрашивает: «Ты что, заболела?» Я с усилием улыбаюсь: «Что вы, это спросонья». Села на завалинку и чувствую, не встану. Ребята удивляются: «Что это Софья у нас притихла сегодня?» Я пытаюсь шутить: «Расстроилась, не поела блинов у комдива». Ребята смеются. Двигаюсь, как во сне. Что это со мной? Встаю. Надеюсь, что через часок-другой все пройдет.

Мы идем со специальным заданием в немецкий тыл. В вещевом мешке на десять суток продуктов и пятьсот штук патронов. Раньше я не замечала этой тяжести, а сегодня мешок гнет меня к земле, лямки режут плечи. Надо, надо, надо

выдержать! Надо! Взять себя в руки, не поддаваться... Привал... Я падаю на землю, как убитая.

Около большака ребята находят немецкий провод и, думая, что это не действующий, старый провод, вытягивают его вместе с телефоном, чем осложняют дальнейшее наше продвижение, переход через большак.

Докукин решает сделать засаду прямо на высоте. Мы залегли в кустах. Вокруг меня столько ягод! С наслаждением мелю зубами холодную, сладкую, винную голубицу, прихваченную легким морозцем.

Лежим уже несколько часов, а немцы все не показываются. Я думаю: наверно, фрицы где-нибудь недалеко от нас вот также лежат, ожидая нашего появления. Солнце садится за горизонт. Под закатными лучами мох, раскинувшийся на километры, блестит, становится почти белым. На этой серебристо-белоснежной поверхности резко выделяются бронзовые сосны, ярко-желтая листва берез и красные шапки осин.

С наступлением темноты переходим большак. Все у нас подтянуто, уложено, ничто не зазвенит, не заскрипит. Под ногами ни один сучок не хрустнет. Ступаем осторожно, проваливаясь в мягкий мох. В абсолютной темноте Докукин ведет нас уверенно, а мы, чтобы не потерять друг друга, как всегда, кладем гнилушку на вещевой мешок впереди идущего товарища.

Агентурная разведка донесла о подходе танковой дивизии. Немецкий большак, постоянно контролируемый нашей дивизией, не обеспечивает противнику спокойного передвижения. Немцы строят новые коммуникации по дорогам Батуринаского района с выходом на Духовщину и Ярцево. Наша задача — разведать, правдивы ли донесения агентурной разведки. Кроме того, необходимо уточнить районы строительства новых дорог.

Подходим к деревне. Непрерывно поднимаются в небо немецкие ракеты. Пулеметы прочесывают лес. Патрулирующие солдаты перекликаются с часовыми. В деревне скопление машин с артиллерией, несколько танков. С рассветом они двинулись в сторону города Белого, а по шоссеиной дороге, за деревней, идут и идут машины в том же направлении.

Днем отползаем в глубину леса. Расставляем посты, спим по очереди. С наступлением темноты опять пробираемся сквозь лес. Вот мы уже в новом пункте. Немец и здесь не спокоен. Ракета за ракетой, ракета за ракетой.

А на рассвете из домов выскакивают немецкие солдаты, совсем юнцы: бегают, возятся, так безобразничают, что становится противно. Из крайнего дома выходит огромный детина, как видно, немецкий фельдфебель, и загоняет их по домам. Надо

думать, что это только что прибывшее подразделение. Машины, танки продолжают продвижение по шоссе в сторону Белого.

Мы получили нужные сведения и, благополучно миновав большак, возвращаемся в роту. От моей болезни остался только легкий «чмур» в голове. Рейд по вражеским тылам, кажется, вылечил меня.

15-е ноября.

Осеннее утро. Из маленького замороженного окошечка луч солнца падает на стол, на нары. В землянке прохладно. Дрова в печурке давно погасли. Надо бы разжечь печку, но подняться лень.

Раньше, в мирное время, меня мучила бессонница. Какие только не приходили в голову мысли длинными зимними ночами. От невеселых дум, от житейских тревог я вставала утром усталая, разбитая, с головной болью. А теперь ничего этого нет. Сплю, как только в раннем детстве спят.

В мирное время! В мирное! Неужели существовало когда-то мирное время! То, что тогда было очень важным, сейчас кажется мелким, второстепенным.

А сейчас, когда ты живешь одной жизнью, одной тревогой, одними помыслами со своей страной, со всем народом, живешь на переднем крае своей Родины, твоя личная судьба ясна, твое счастье огромно, твоя жизнь — прекрасна и удивительна, как говорил Маяковский.

Спят хлопцы крепким сном. Слышно только спокойное похрапывание. И вдруг тишина раскололась:

— Ярославцы! Приехали ярославцы! Вставай, братва! Земляки приехали!

Старшина без шапки бежит от землянки к землянке, оповещая о приближении дорогих гостей. Бойцы сразу высыпали из землянок. Чудесное, морозное утро! Высокие, гордые сосны замерли в ожидании.

Объятия. Приветы. Расспросы. Письма.

Это пришла группа ярославцев — партизан. Они у нас в роте отдохнут, получат необходимое обмундирование, боеприпасы и отправятся в немецкий тыл со специальным заданием.

Среди партизан девушки-связистки. Они как на подбор: небольшого роста, крепкие, светлоглазые. Разведчики в восторге: «Девчата мировые! Настоящие ярославочки!»

А вечером в жарко натопленной землянке тесно. Звучат песни. Партизаны запевают новую, еще неизвестную нам, фронтовикам, песню, которая наполняет мое сердце грустью и нежностью:

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

Разведчики наши, конечно, уже сказали партизанам, что за человек и что за командир наш ротный. Поэтому все они с любопытством смотрят в сторону бойцов и командиров, среди которых сидит наш Докукин, покуривая трубку, освещенный пламенем печки.

Жаль расставаться с земляками и теплой, уютной землянкой, но нам пора «на работу», да и гости утомлены.

17-е ноября.

Боевая наша жизнь продолжается. У нас ежедневные операции. Партизаны готовятся к походу. Я наблюдала такой эпизод.

Партизаны-радисты проводили занятия. Одна из девушек расположилась с рацией под деревом, недалеко от нашей землянки, капитан подкрался к ней и выстрелил из пистолета над самым ее ухом. Девушка спокойно оглянулась.

— А ну-ка, отдайся! — отодвинула она капитана рукой. Сдернула антенну и пошла как ни в чем не бывало.

Говорят, что это один из способов воспитания и подготовки партизан к неожиданности. Метод, как мне кажется, довольно примитивный и рискованный.

Наши ребята вспоминают, что это было любимым занятием нашего бывшего помкомроты Комаренко. Проверяя посты, он проделывал подобные инсценировки. Тихо подкрадывался к часовому и с криком: «Русс, хэнде хох!» или «Русс — капут!» стрелял в воздух.

Однажды Миша Круглов, охраняя деревню Никулино, уютно расположившись в стоге сена, услышал над своей головой выстрел, а затем крик: «Хэнде хох, рус Иван!» Круглов решил, что это немец, и с криком «А гад!» мгновенно отскочил в сторону, винтовку на боевой взвод...

Секунда — и Украина навсегда потеряла бы «лучшего» гражданина своей республики. С тех пор Комаренко не упражнялся в таких проверках.

18-е ноября.

Сегодня вернулась группа Игнатьичева из немецкого тыла. Голодные, измученные. Анютка их сразу в отдельную землянку, на карантин. Взяла я газеты, письма и потихоньку пробралась к

ним в «изолятор». Разведчики лежат худые, как мощи. А Валушка осунулась, страшно смотреть: под глазами синие круги, шея вытянулась, как у гуся.

Ребята рассказывают, что в Агеевских лесах партизан не оказалось. Здесь все перевернуто вверх дном: землянки разрушены, взорваны. Жители рассказали, что с тяжелыми боями партизаны покинули эти места. Ребята наши долго бродили по лесу, но установить связь с партизанами так и не смогли. А потом начались скитания в поисках перехода немецкой обороны. Продукты подошли к концу.

При выходе из тыла разведчики должны были взять «языка», но около линии обороны противника напоролись на немецкую засаду. Ранен в ногу пулеметчик Отвагин, смертельно ранен Сережа Соловьев. Очень жаль Соловьева. Он бесстрашный разведчик, замечательный, никогда не унывающий товарищ. Увлекается поэзией, даже сам сочинял стихи. Во взводе нашли его дневник. Короткие наивные записи. «Сегодня впервые я узнал женское сердце». Это он поговорил с Валею Лавровой об интимных вещах, и ему показалось, что он узнал женское сердце.

В землянке-изоляторе жарко. Ребята наслаждаются теплом. Лаврова спорит с Внуковым о вдохновении. «Вдохновение, — говорит Внуков, — это какое-то наитие, восторженное чувство». — «Я категорически с тобой не согласна! — кричит Валентина. — Вдохновение — это необычное проявление ума, высокое состояние творческого подъема. Нас, педагогов, считают сухими, черствыми людьми. А я тебе скажу, педагог без вдохновения не имеет права учить, воспитывать детей. Чем трудолюбивее учитель, тем чаще посещает его это прекрасное чувство».

В роте давно уже замечают, что за бесконечными спорами и диспутами Лавровой и Внукова стоит нечто большее.

19-е ноября.

Вчера партизаны покинули наш лагерь. Боеприпасы, медикаменты, продукты они уложили на волокуши (спаренные лыжи) и после короткого прощания, с песней, которую мы уже успели полюбить — «Прощай, любимый город!», — вытянутой цепочкой скрылись за соснами и снежными сугробами.

С ними ушли и несколько наших разведчиков, которые должны провести партизан через линию фронта.

20-е ноября.

Сутки бродили под Брехаловкой. Двенадцать часов пролежали в засаде, но немцы не пришли. При отходе попали под такой артиллерийский огонь, что еле-еле ноги унесли.

Замполит Виноградов (он у нас вместо Полешкина, которого

послали на учебу) даже погреться не дает, торопит: «Тебя срочно вызывают в политотдел дивизии. Несколько раз звонили». До штаба дивизии не менее 15 километров, часа полтора ходу на лыжах, а я как волк голодная. Ворчу себе под нос: «Зачем я им понадобилась?»

В политотделе дивизии, в большом, чистом, уютном доме, на высоком стуле со спинкой сидит миловидная машинистка — Шура Самойлова. В новой гимнастерке с белоснежным подворотничком. Ее нежные ручки быстро, быстро постукивают по клавишам пишущей машинки. Между нами происходит диалог:

— Вы не знаете, кто меня вызывал в политотдел?

— Не знаю.

— А где мне найти товарища Морозова?

— Не знаю.

— А подполковника Смирнова? Наверно, он меня вызывал?

— Не знаю.

Ординарец Морозова подает машинистке стакан крепкого, горячего чая, а мне говорит: «Дуйте вы прямо к Смирнову, там сейчас весь политотдел».

У меня аж слюнки потекли. Вот бы стаканчик чайку, такого горячего, крепкого, духовитого!

Я «дую» к Смирнову. У заместителя командира дивизии по политчасти Смирнова полно народу. Шумно, весело. Все стоят в овчинных полушубках и шапках. Подполковник Смирнов, увидев меня, кричит: «А вот и разведка! Аверичева, смотри, кто к нам в дивизию приехал!»

Ко мне подходит невысокого роста военный человек с худым, смуглым лицом, с горящими темными глазами. Он трясет мою руку, обнимает.

— Аверичева! Софья! Да неужели это вы? Вас не узнать, вы совсем другая!..

— Александр Александрович! И вы другой, и вас не узнать!

Передо мной наш ярославский писатель Александр Кузнецов, с которым мы не раз встречались в Ярославле.

— Нет, вас совсем не узнать! — не успокаивается Кузнецов.

Летят две подводы навстречу снежному ветру. Широкие сани мчатся по зимней дороге Никулинского леса в нашу разведроту. Хорошо, тепло, уютно в огромном тулупе. В санях — Кузнецов, подполковник Смирнов, корреспондент «Комсомольской правды» Крушинский. Мы с Кузнецовым вспоминаем Ярославль, театр Волкова, спектакли, наши встречи, нашу дружбу.

Молодые талантливые ярославские писатели, поэты, журналисты были настоящими друзьями театра. Александр

Кузнецов, Валентина Елисеева, Мария Морозова, Анна Черток, Марк Лисянский и, конечно же, Анна Гогугева, работник радио, — неперенменные зрители и лучшие критики всех наших спектаклей. Они приходили к нам за кулисы, чтобы поздравить с премьерой, актера с удачей, что-то важное подсказать, просто повидать своих любимых актеров. Наши отношения перерастали в какие-то личные симпатии, в дружбу. Мы частенько собирались у кого-нибудь на квартире, читали до поздней ночи стихи Блока, Маяковского, Багрицкого, Есенина, Пастернака... Собирались для того, чтобы послушать новые стихи или новый рассказ наших друзей.

Особенно хорошо читал свои рассказы Александр Кузнецов. Потом вставал Марк Лисянский и своим теноровым голосом, смешно отбивая рукой ритм стиха, читал нараспев:

Меня учил Багрицкий
Тяжелому ремеслу —
За каждым словом рыскать
Без чьих-либо услуг...
Пусть буду неизвестен
И тем лишь знаменит,
Что я в стихе был честен,
Как сердце мне велит!

Скрипят полозья, осыпаются с ветвей хлопья снега, а я рассказываю Саше Кузнецову о моих замечательных боевых друзьях, о нашем командире Иване Докукине, о Вале Лавровой и Ане Тюкановой, о фронтовой дружбе, выше которой я ничего не знаю.

Утром в переполненной землянке нашего взвода встреча.

Александр Кузнецов (он приехал к нам в качестве корреспондента «Известий»), корреспондент «Комсомольской правды» Сергей Крушинский, подполковник Михаил Павлович Смирнов забираются на нары.

Смирнов представляет разведчикам гостей. Затаив дыхание, мы слушаем только что написанный Кузнецовым новый рассказ «Свадебный поезд».

После чтения Михаил Павлович Смирнов рассказывает нам целую серию пошехонских анекдотов. Один из них я записала.

Летом 1936 года были большие лесные пожары из-за сильной жары. В городе Пошехонье пожарник с каланчи увидал яркий заход солнца за лесом и принял за пожар в лесу. Поднял тревогу, пожарники выехали тушить пожар. Они проехали от города пять, семь километров, а до пожара добраться никак не могут.

Только когда солнце ушло за горизонт, они поняли, что ехали тушить не лесной пожар, а закат солнца...

Мы расстаемся с Сашей Кузнецовым. Он смотрит на меня с грустной улыбкой и говорит: «А война окончится не скоро. Сможете ли вы выдержать такую жизнь, если она продлится не один год?» Я помолчала, а потом ему в тон: «Если буду жива, все выдержу, все вынесу».

Через час после отъезда гостей нас выстраивают вдоль землянок. Командир роты Докукин расстается с нами. Ему присвоили звание капитана и переводят во второй полк командиром батальона. Капитан Докукин обходит строй разведчиков, пристально всматривается в каждого бойца.

Его волнение передается нам. Мы не можем отвести глаз от любимого командира. Мне кажется, что даже ветви на деревьях поникли не под тяжестью снега, а под грузом нашей печали.

Мы сидим в осиротевшей землянке. Я записываю в дневник эти грустные строки, многие ребята лежат на нарах, тесно прижавшись друг к другу. Мы не можем смириться с переводом Докукина. Но приказы командования обсуждению не подлежат... Мы молчим, но каждый из нас думает: взять от разведчиков Докукина — значит вырвать сердце роты, обезглавить ее, а назначить Докукина в стрелковый батальон — это погубить самого Докукина. Он — разведчик по своей натуре, по душе. В нем все создано для разведки. Если бы его назначили начальником разведотдела дивизии, корпуса, даже армии, мы бы это поняли. Докукин командир наступательного порыва, он не сможет и дня просидеть в обороне. Это противопоказано его натуре.

Через час выходим. Начинается в нашей семье новый период жизни. Отныне докукинцами будет командовать старший лейтенант Крохалев.

Докуинцы — без Докукина!

2-е декабря.

Давно мы уже не были «дома». Нашей базой становятся землянки минометчиков в Вервищенском лесу, где нас радушно встречают бойцы и командир минометной батареи капитан Грибанов. Мы бродим в районе Брехаловки, Морзина, Пречистого. Здесь сосредоточены большие силы противника. Они расположены на господствующих высотах. Контролируют всю местность. По всему фронту немцы построили сплошную линию обороны со множеством дзотов, проволочными заграждениями, подвесными минами в лесных завалах и всякой другой гадостью... Попробуй — подойди! Недаром кто-то из бойцов сочинил — и все подхватили:

На Брехаловку пойдешь,
Без порток домой придешь.

Пока преодолеешь Вервищенскую высоту, десять потов сойдет, только ложись да вставай. Немец бьет по всему району. Засечет артиллерийско-минометные орудия в нашей обороне и колотит без усталости, пока не израсходует норму снарядов и мин. Нам каждый раз приходится преодолевать высоту, потом лес. Затем мы выходим к железнодорожному полотну. Железнодорожная линия с приходом немцев в Пречистенский район не действует, она вся заминирована.

Преодолевая полотно железной дороги, заходим на немецкую территорию и тут начинается игра «в кошки-мышки».

Первый раз после ухода Докукина роту повел старший лейтенант Крохалев. Вошли мы в лес, просидели ночь между деревнями Мужижкое и Дедовичи, а на рассвете вернулись. На следующий раз остались без ротного командования. Минометчики предоставили нам не только землянки, но даже готовят на нас пищу в общей кухне. А наше ротное начальство заняло «оборону» в тылу Никулинского леса, из теплых землянок осуществляя общее руководство.

Уже давно знакомым путем мы вышли на Вервищенскую высоту. Впереди шла группа лейтенанта Ивченко. Не доходя до железнодорожного полотна, заметили большое скопление немцев. Они готовились к наступлению. Мы вернулись немедленно и доложили командиру батальона капитану Пегасову о скоплении противника. Наша артиллерия открыла мощный огонь по указанным ориентирам. Наступление немцев сорвалось. Когда стемнело, мы снова пошли в разведку. Перешли железнодорожное полотно, раненых и убитых немцев мы уже не обнаружили, залегли под деревней Мужижкое и пролежали целую ночь. Немцы не показывались.

Утром возвращаемся домой и видим около наших следов следы немецких сапог. Фашисты шли из соседней деревни и на нашей тропинке лежали в засаде с пулеметами и минометами, но не дождались. Мы ждали немцев, а они — нас.

Ивченко приказал шагать след в след, чтобы гитлеровцам было непонятно, сколько человек прошло.

Мы снова в засаде, снова ожидаем немцев. Валентина рядом с Колей. К этому все уже привыкли в роте: они всегда вместе. А в последнее время еще и Анютка с Ионом Бахуро становятся неразлучными. Двигается ли рота, сидим ли в засаде, они всегда рядом. Анютку не узнать. Притихла, ходит таинственная, как

будто несет что-то очень ценное и боится расплескать. Вот и сейчас они вместе. Ион с автоматом замаскировался под сосной. Расстелил на снегу полу своего полушубка и Анютка маленьким клубком удобно на нем устроилась. Анна демаскирует группу, но никто из нас не в силах ей сказать: «Прими боевой порядок». У нее такая счастливая рожица.

Мы лежим целых десять часов. Глаза заволакивает сон. Окоченели руки, ноги. Не помогают никакие спиртовки. Наконец видим: от деревни Жаровня движутся фигуры в белых халатах. Это немцы. Усталости как не бывало. Уже приближается головной дозор немцев. Они внимательно смотрят по сторонам и вдруг, не доходя метров ста до нас, поворачивают назад: как видно, заметили что-то подозрительное.

— Огонь!

Немцы, подхватывая раненых и убитых, отходят к своей обороне, а наш отход прикрывают наши минометы. С воем проносятся над головой мины.

После ухода Докукина из роты это первое столкновение с противником. Хотя мы и не взяли «языка», самочувствие хорошее. Враг понес потери, а мы все живы-здоровы. Благополучно миновали Вервищенскую высоту. На опушке леса попадаем под минометный огонь. Немец как бы в отместку положил нас всех на снег. Бьет, бьет без конца. Ребята вслух корректируют: «Иду... Иду... Иду... Иду-уу! Приш-шш-ла! Перелет! Недолет! Левее! Правее! А вот и наши!...» Вокруг падают мины, но... не взрываются. Мы глазам не верим. Из-под снега торчат стабилизаторы мин. Их множество.

Наступает тишина. Мы вскакиваем и мчимся прочь от этого места. Ребята не хотят верить, что мины не взорвались потому, что кто-то так их сделал. А я думаю о том, что мины делают рабочие руки, значит, среди немцев есть наши друзья. Я мысленно благодарю их, наших немецких друзей.

В лесу, в землянке минометчиков, играет гармошка. Приехали артисты дивизионного клуба.

Нам не до концерта. Капитан Грибанов приглашает нас всех к себе на КП батареи. В землянке сразу становится тесно, зато тепло и уютно. Я устраиваюсь на скамейке в самом дальнем углу и тут же, в обнимку с автоматом, засыпаю. Просыпаюсь от гомерического хохота. Анна меня тормозит, колотит: «Соня! Соня! Проснись!» Открываю глаза: все хохочут. Оказывается, я во сне разговаривала и выдала Анну и Иона. В абсолютной тишине я говорила: «Ребята, а вы знаете тайну нашей роты? У Анюты роман с Ионом!» Меня переспросили: «Что ты сказала?» И я вновь повторила: «У Анны роман с Ионом». Говорят, что я это

произносила громко и четко.

12-е декабря.

Я совершенно забросила дневник. Дела в роте неважные. Не хочется и писать. Выходим на задание каждый день, но теперь изредка пользуемся гостеприимством минометчиков. Чаще возвращаемся на базу роты в Никулинский лес. Все неудачи. Операции плохо подготовлены, объекты до сих пор мало изучены. Вся наша тяжелая работа, изматывающая силы, идет впустую.

С уходом Докукина в роте как будто что-то надорвалось. Политработник в своем дневнике записал бы так: «Рота теряет боевые традиции, падает морально-политический дух бойцов». И это верно. Мне же кажется, что мы теряем нечто большее: ощущение счастья, вдохновение, романтику боя. Бойцы чувствуют усталость, становятся вялыми, брюзгливыми. Даже лучшие разведчики неузнаваемы. Но ведь я-то хорошо знаю наших ребят — орлы! Дай только им настоящее дело, пусть опасное, рискованное. Но это бесконечное выжидание, бесцельное ползание по лесу размагничивает. Что мы можем сделать, мы — рядовые бойцы! Мы не имеем права совать нос в дела командирские. По правде сказать, мы с Валентиной на правах женщин и пытались это делать, да получали щелчок.

Вот одно из наших возвращений с очередного задания. Все хмурые. В землянку с руганью входят мрачнейшие Володя Чистяков и Иван Журавлев. Ставят автоматы и сразу — хлоп на нары. Мокрые, грязные. «Ребята, снимите с себя хоть маскхалаты и обувь!» — прошу я. В ответ слышу: «Отстань!» — «Володя, Ваня, ведь вечером опять выходим. Как же вы пойдете в мокрой одежде!» — «Отстань, говорю!» — ворчит Чистяков. Володька грязный, засаленный, мятый. Ужас! Куда девалось его молодцеватое щегольство. «Не трогай его, Софья, — говорят ребята, выстраивая возле печки баррикаду из валенок. — Видишь, человек доходит».

На столе, как всегда треугольники и ромбы писем. Скоро Новый год, а у нас в роте грустновато. Боевая удача необходима, как воздух. Ребята по очереди пишут письма. Встает и Чистяков. Пишет письмо матери. А что если пугнуть Владимира, написать письмо его матери Анне Федоровне Чистяковой! Я ползу к столу, пишу письмо. «Благодарим за воспитание хорошего, смелого бойца. В бою он бесстрашен, но вот дома, в землянке, он ругается последними словами, опустил. Что с ним делать, не знаем!» Кладу письмо рядом с Чистяковым. «Софья, что это ты надумала матери моей писать такое. Мать расстроится, а там еще сестренка. У нас в доме никто не ругается. Ну даю слово!»

Под честное слово я разрываю письмо.

22-е декабря.

Валя, Анютка и я живем отдельно от ребят. Вернулись с задания. В землянке чистенько. В печурке весело потрескивают дрова, а на моем топчане лежит незнакомая женщина в белоснежной мужской рубашке. Знакомимся. Корреспондент армейской газеты Наталья Мончадская. Много у нас в роте перебивало корреспондентов, но женщина, да еще такая очаровательная, впервые.

Она приехала к нам в роту днем, когда мы с Анной были на задании. Ей сказали, что дома одна Валентина Лаврова. Подошла Мончадская к нашей землянке и видит: огромный боец с удалью колет дрова. «Ии-ах» — раздается в морозном воздухе. Она спрашивает, где найти Валентину Лаврову. Боец улыбается, расправляет плечи, сдвигает шапку на затылок: «Я — Валентина Лаврова».

Не успели мы отогреться, прийти в себя, как уже говорим, говорим без конца, и вскоре между нами устанавливаются отношения многолетнего знакомства. Как ни странно, но мы говорим не о войне, а о жизни, давно забытой.

Всю ночь не смыкаем глаз. Пьем чай, подкладываем в печурку аккуратно напиленные Валентиной чурки. А утром Наталья Мончадская уже не просто корреспондент, а наш фронтовой друг. Худенькая, в белом полушубке, в шапке, туго затянутая широким ремнем, с маленьким пистолетом на боку, машет она нам на прощанье рукой и скрывается за высокими соснами.

1-е января.

Подумать только — уже 1943 год! Еще один год начинается в моей жизни. Какой он будет! Как я его проживу? И переживу ли?

Наша группа во главе со старшим лейтенантом Васильевым в расположении батальона Докукина — уже не капитана, а майора Докукина. Мы действуем на стыке деревень Селище и Берлезово. Вражеский огонь разбил, искалечил, с корнем вырвал деревья и кустарники. С приближением к КП батальона местность становится все более труднопроходимой. Приходится все чаще и чаще перелезать через завалы.

Не сладко здесь пехоте-матушке. Вот и сегодня бьет немец без конца. Налет за налетом. Пули свистят, ударяются в искалеченные стволы деревьев. Наши артиллеристы что-то молчат... Сделают один налет и замолкают на целую вечность. Досадно!

На командном пункте батальона несколько командиров. Сам Докукин не выходит из землянки. Говорят, приказом командира дивизии на него наложен домашний арест на пять суток за то, что он ползал с разведкой батальона в немецкие траншеи за «языком». Узнаем своего «батьку» Докукина.

С большой радостью встречает нас майор Докукин. Командиры расходятся по подразделениям. Мы, разведчики, остаемся наедине со своим бывшим ротным. Он с любовью оглядывает нас и говорит: «Надоело в обороне, скорее бы вперед, скорее бы наступление!»

Во второй половине ночи Докукин идет с нами на боевое задание. Здесь нет живого места. От взрывов, снарядов и мин земля перевернута вверх дном. Комбату все знакомо в своем хозяйстве, он знает на ощупь и на взгляд каждый клочок земли. Перед нами задача: выявить и уточнить систему оборонительных сооружений противника. Мы ползем с сапером. Проходим две линии проволочного заграждения. Сапер осторожно работает около самой немецкой траншеи. Это последнее препятствие.

Хотя в наше сегодняшнее задание и не входит блокировка обороны противника, все-таки хорошо бы в предновогоднюю ночь

ворваться в расположение врага через все его препятствия. Еще мгновение — и мы у цели. Только бы ничто не помешало...

Но!.. Движение сапера — и по всей проволоке зазвенело, забренчало. От проволоки вверх взвились и повисли в воздухе на парашютах десятки ракет. Мгновенно заработала вся огневая система. Мы открываем ответный огонь, но продвинуться вперед не можем. Среди нас трое раненых, но задание выполнено. Эта «автоматика» немцев — новость не только для нас, но даже для командира батальона майора Докукина. В будущих боевых операциях и в грядущем наступлении добытые сегодня данные о системе немецкой обороны будут иметь важное значение. Мы долго лежим под огнем, не прекращая наблюдения. К рассвету отходим.

На КП батальона Докукин наливает ребятам водки:

— С Новым годом! С новым счастьем, мои дорогие друзья! Боевых удач вам и долгих лет жизни!

— С Новым годом! — говорю я. — Всего этого и мы вам желаем, товарищ майор, а сверх этого мы желаем вам стать маршалом... разведки!

Все смеются, мое пожелание одобряют.

Только сейчас я замечаю, что у Докукина остро обозначились скулы, вытянулось, возмужало лицо. Или это после бессонной ночи, или сказался месяц волнений за батальон... А глаза все с тем же блеском, задорные и решительные.

В эту новогоднюю ночь работали разведчики всей дивизии, полковые роты автоматчиков и учебный батальон. Разведчики нашей роты под командованием младшего лейтенанта Игнатьичева и старшего сержанта Борисова, действующие на правом фланге нашей обороны в районе Брехаловки, одержали победу.

Ребята рассказывают, как это произошло. Вышли они давно уже знакомым путем, как всегда, за Вервищенскую высотку, перешли железнодорожный путь. Всю ночь просидели в засаде на дороге под деревней Жаровня, но немцы не появились. Выпал свежий снег. Утром, возвращаясь домой, головной дозор — Валентина Лаврова и Михаил Голубев обнаружили на снегу чужие следы. Следы вели к железной дороге на территорию обороны. Не доходя полотна, разведчики залегли, а вскоре увидели гитлеровцев. Они бежали обратно. Что-то, видно, их спугнуло. Наши спокойно выждали. Как только немцы прошли через дорогу, открыли огонь. Гитлеровцы побежали назад, потом по железнодорожному полотну. Наши разведчики положили их всех на месте, а трех пленили. Правда, уцелел только один. Одного, уже мертвого, посадили около железной дороги, под

сосной, второго, тяжелораненого, отправили без сознания на КП батальона. Третий немец оказался офицером. Он вел себя вызывающе.

На КП батальона Пегасова разведчики показали немецкому офицеру газеты, рассказали, что под Сталинградом немцам — капут. «Фантазия! — кричит офицер, зло сверкая глазами. — Коммунистише, советише пропаганда!» Ребята доказывают, что это факт, что весь мир говорит о Сталинграде, о нашей победе, а немец орет свое: «коммунистическая пропаганда».

Валя Лаврова показывает немцу плакат: русская мать, защищая ребенка от гитлеровского штыка, просит красноармейца: спаси детей! Немец понял плакат, но повторяет: «Пропаганда!», а сам дрожит от холода и страха.

Ребята поднимают маскхалат немца, под халатом довольно легкая одежда. Затем показывают свою: «Это что, тоже пропаганда?» Немец видит теплые, ватные брюки, фуфайки, полушубки, валенки бойцов. Нет, это уже не пропаганда! Но немец не сдаётся: он вскакивает, начинает делать гимнастические упражнения, показывая разведчикам, что арийцы — спортсмены, им не страшен холод. «Шпорт, шпорт!» — поучительно серьезно говорит фриц, а сам дрожит, как собака.

Тяжелораненый немец умирает. Он громко стонет. Немецкий офицер, увидев страшную предсмертную агонию своего солдата, перестал упираться и дал нашему командованию нужные сведения. Это были полковые разведчики немецкой авиадесантной дивизии. Оказывается, такая дивизия сейчас курсирует против нашего участка обороны.

Сейчас Анютка где-то бродит. Валентина спит богатырским сном. Я сижу на своем топчане, за столом, и записываю последние события, о которых мне рассказали ребята.

А у ребят в землянке песни, пляска. Не пойти ли к ним?

Проснулась Валентина: «Ты куда собираешься?» — «К ребятам». — «Подожди, и я с тобой!»

Ребята пляшут «ярославскую». Держатся руками за потолок землянки и отплясывают. Дима Ершов заводит: «И-их! Перьвая! Вторая! Третья!...»

15-е февраля.

Взятие контрольного пленного совсем успокоило командование нашей роты. А у нас пошли позорнейшие «задачи-неудачи», как говорят разведчики.

Исходили, истоптали мы без успеха вкрявь и вкось весь снег в лесу. Давно уже невозможно различить, где фрицевские следы, где наши. А мы все ходим и ходим в надежде, что немцы сами придут к нам в плен. Преодолеваем Вервищенскую высоту, и

около железнодорожного полотна встречает нас замерзший фриц, сидящий под сосной. Каждый раз, как мы доходим до этого места, я вздрагиваю от неожиданности.

Проходит ночь, день — и мы с серьезными физиономиями, ловко лавируя под взрывами снарядов, возвращаемся домой. Эти операции мы называем игрой «в кошки-мышки». А командование ротное довольно. Строчит в штадив донесения, дескать все в порядке, действуем группами в таком-то районе, немец стреляет, вернулись без потерь... Вроде все правильно!

Вчера утром прибыли в расположение минометчиков. Ребята, вместо того, чтобы идти на задание, под «командованием» командира отделения Захватава залезли в холодную заброшенную землянку и пролежали несколько часов. Странно, при Докукине я как-то совсем не замечала Захватава, сейчас он вдруг стал «героем» среди ребят...

Анютка с Валюшкой проснулись. «Все у вас благополучно? Все живы-здоровы?» А я не могу рта раскрыть. Что-то надо делать!

Мы приходим к выводу: молчать нельзя, надо действовать. Но как? В землянку входит разводящий, чуваш Александров:

— Аверичева! На пост!

На пост — так на пост. Постепенно все вокруг затихает. Я еще ни разу не стояла на посту. Ночь. Луна. Нет ветра. Небо чистое, морозное, звездное. Высокая сосна в снегу, как будто тоже на посту. Чудесно!

Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами...

Вылезает из землянки старший лейтенант Крохалев, кричит:

— Тебе что здесь, театр Волкова? Трое суток гауптвахты и два наряда вне очереди!

— Есть трое суток и два наряда вне очереди! — отвечаю я, как положено.

А вот и разводящий. Ух! Заберусь я сейчас в жаркую землянку да засну блаженным сном. Старший лейтенант приказывает разводящему: «Пусть стоит до утра. А утром — в наряд, на кухню картошку чистить». Разводящий Александров пытается меня защитить: «Нет таких законов, товарищ старший лейтенант». — «А, и ты заговорил? В боевую операцию захотел?» — и он скрывается в землянке. «Тьфу, собака какой! — отплеивается Александров. — Нехороший стал человек. Ой, нехороший. А ведь при Докукине был боевой командир». Тяжело ступая опухшими,

большими ногами, Александров уходит.

У меня коченеют руки, ноги. Ничего!.. Надо поразмяться! Пораз-топ-тать-ся! Вот так! Вот так! Становится теплее.

Бежит взволнованная Лаврова. Она сейчас же разбудит Крохалева. «Что он, с ума сошел! Ему что здесь, белая армия! Издевается над бойцами! Целая рота спит, во втором взводе шпарят в карты, а тебе здесь всю ночь?!» Она рвет и мечет.

— Давай их напугаем! — предлагаю я Валентине. Мы сгибаемся над маленьким окошечком землянки, стучим по стеклу. Ребята моментально прячут карты. Выходит разведчик Борис Добрин: «Кто здесь?» — «Потише хоть кричите, шешки вы нямые», — советуем мы. «Ну, ладно, ладно, испугали!» — и Добрин скрывается.

— Да, дела наши ротные! — восклицает Валентина, удаляясь. — Я так это не оставлю.

Что же мне делать дальше? Оказывается, трудная вещь — эти посты. Не завидую тем хлопцам, которые не ходят на задания. Им всегда приходится стоять на постах. Мысли мои переносятся в Ярославль, в театр. А интересно, смогу ли я вернуться на сцену?.. Когда-то я очень любила играть в концертном исполнении сцену «У фонтана» — из «Бориса Годунова». Попробую сейчас:

Часы бегут, и дорого мне время —
Я здесь тебе назначила свиданье
Не для того, чтоб слушать нежны речи
Любовника. Слова не нужны. Верю,
Что любишь ты; но слушай, я решилась
С твоей судьбой и бурной и неверной
Соединить судьбу мою...

Нет, нет, этого мне уже не сыграть! И Луизу не сыграть в «Коварстве». А может, это сейчас и не нужно никому?.. Нет, я, наверно, не права.

Светает. Становится совсем холодно. Ноги окоченели. В серовой утренней мгле приближаются знакомые фигуры повара и старшины, пробегает каптенармус Николаичев. Разводящий снимает посты.

Ура! Выдержала! А в землянке сладко спят Валентина и Анна... Счастливые!

— Аверичева, на кухню! — шепчет Ион Бахуров, приоткрывая дверь землянки.

Возле кухни, у костра, ребята чертыхаются, проклиная всех хозяйственников. Они чистят мерзлую картошку, вытаскивая ее из ледяной воды.

Рота проснулась. Очнулось и начальство. Ординарцы бегут с ведрами по воду. Старший лейтенант подходит к нам, глаза у него с похмелья мутные. «Хочешь, я отменю свой приказ?» — говорит он. «Благодарю! Я, знаете ли, давно не занималась хозяйством, и мне ужасно нравится чистить картошку». Кто-то из ребят добавляет: «Особенно после бессонной ночи!»

В роту приехал комсорг дивизии. Пока я была на кухне, Валентина, Анюта и Михаил потолковали с ним о наших делах. Комсорг сегодня же обо всем доложит Турьеву.

К вечеру я ушла на задание. Мы в засаде под деревней Дедовичи. Мне ничего на свете не надо, только бы поспать. Поэтому я сплю на привале, сплю в засаде, сплю на ходу. А когда вернулись домой, узнала, что Валентина сцепилась со старшим лейтенантом и тоже заработала штраф. Но Валя есть Валя. Она заявила: на кухню, картошку чистить пошли своих холуев, которые храпят сутками. И на кухню не пошла.

18-е февраля.

Узнали сегодня страшную вест: тяжело раненного в голову Докукина привезли в медсанбат. Оперировать его будут хирурги армейского госпиталя, которые прилетели по вызову командира дивизии Турьева.

Боже мой, Докукин без сознания!

21-е февраля.

В роте большие изменения. У нас новый командир роты капитан Набатов — из минометчиков, новый помощник командира роты Коростылев. Крохалева перевели в стрелковую роту. Отчислили и Захватава.

Нас перевели на новое местожительство в деревню Макарово. Здесь большие добротные землянки, даже клуб есть. Ходим только в наблюдение за обороной противника. Ждем новых боевых заданий. Я соскучилась по настоящей работе.

23-е февраля.

Вернулись с задания. Устали, промерзли до печенок. В землянке жарко. Анюта постаралась к нашему приходу, натопила печку докрасна. Свалились мы с Валентиной на топчаны и заснули богатырским сном. А проснулись — уже вечер. Нам же кажется, что все еще раннее утро и что мы совсем не спали.

Сегодня большой праздник. День рождения Красной Армии. В этом году особенно радостно отмечает его наша страна. Весь мир говорит о наших победах. Разгром немцев на Волге, ликвидация окруженной группировки Паулюса под Сталинградом. Красная Армия переименована в Советскую Армию. Командиры теперь — офицеры, мы — солдаты. Все будут носить погоны. Как-то это непривычно: офицер! Солдат!

А мне пришла посылка, на этот раз от родных. Наверное, долго собирали ее, отрывали крохи от своих пайков. На столе круг колбасы, банка консервов, кусок сала, сибирские «печенюжки» (они напомнили мне детство). Анютка несет горячий суп, картошку. Мы давно не были вместе. Вот так будем сидеть втроем и говорить без конца.

25-е февраля.

Получено задание взять контрольного пленного в районе Песчивы. Мы выходим в расположение второго батальона первого полка. Здесь нельзя окапываться — болото. Поэтому вместо землянок построены надземные сооружения (срубы не в землянке, а на поверхности) и замаскированы мхом. Подготовка к операции поручена командиру взвода Ивченко. Двое суток мы ведем наблюдение, а на третьи, с утра, выходим для окончательного уточнения огневых точек противника.

На открытой поляну недалеко от смолокурки, немец нас заметил и начал прочесывать это место пулеметным огнем. Пришлось залечь.

С наступлением сумерек продолжаем продвижение. Перед нами слева высокая гора, темный сосновый лес, а над лесом луна. Мы двигаемся гуськом. Недалеко от Песчивы ребята обнаруживают на снегу свежие следы немецких сапог и телефонный кабель. Гитлеровцы опередили нас. Как видно, сидят в засаде под смолокуркой и в ложбине. Между ними телефонный провод. Кто-то из наших бойцов перерезает провод, не понимая, что он срывает операцию: дает знать немцам, что мы здесь.

Ивченко просит у капитана Набатова группу бойцов, с тем чтобы обойти смолокурку и ударить с тыла по немецкой засаде. Он видит в этом единственный выход. Новый наш помкомроты Коростылев поддерживает намерения взводного и готов пойти вместе с Ивченко. Того же мнения и старший лейтенант Васильев. Но Набатов под влиянием Виноградова не соглашается на смелое предложение взводного и отдает по цепи приказ: занять оборону.

Мы окапываемся в глубоком снегу. Хруст снега, стук лопаток разносится в морозном воздухе. Наконец наступает тишина.

Капитан Набатов посылает неразлучных друзей Батракова и Зинченко к смолокурке, чтобы уточнить расположение немецкой засады. Мы всматриваемся вперед, вот-вот появятся наши товарищи. Но тут со стороны немцев полоснула очередь. Капитан Набатов дает команду «Огонь!» По цепи ропот: «Там же наши ребята! Немцев не видно, куда бить?» — «Отставить разговоры! Огонь!» — повторяется приказ.

— Почему не бьешь? — спрашивает меня Румянцев.

— Да у меня что-то с автоматом, — хитрю я, — видно,

патроны в диске пошли на перекос...

— А ну давай я посмотрю! — Румянцев берет у меня диск, и я вижу, что он сам рад возможности не стрелять наугад, может в спину нашим разведчикам.

«Огонь!» — кричит Набатов. Немец дает плотный ответный огонь. Батраков с Зинченко в огневой зоне. Набатов и Виноградов, оставляя в беде двух своих бойцов, отходят с ротой, а наша группа с помкомротой и лейтенантом Ивченко прикрывает их отход.

Утром около смолокурки ребята нашли трупы Батракова и Зинченко. Они подорвали себя и группу немцев на противотанковых гранатах.

В роту прибыли представители особого отдела, следственные органы дивизии. Говорят, они выясняют обстоятельства трагической гибели Батракова и Зинченко.

Мы с Валентиной лежим в землянке, не смыкаем глаз. На душе скверно. Мы сами погубили своих товарищей. Ребята рассказывают, что Набатов и Виноградов всю вину взваливают на взводного Ивченко.

6-е марта.

Явилась Анна и сообщила, что политотдел и командование дивизии приглашают нас троих завтра на дивизионный вечер, посвященный женскому празднику. Честно говоря, нам не до праздника. Якова Ивченко отправили в штрафную роту, старшего лейтенанта Васильева — в 1350-й стрелковый полк. Рота лишилась лучших командиров взводов.

Анютка сначала думала остаться с нами из солидарности. Потом передумала. Отказаться от возможности потанцевать? Нет, она не в силах лишиться себя такого удовольствия, даже ради своих боевых друзей.

Во взводе ребята ходят опустив глаза в пол. Нас переселили в деревню, в жилые дома. Мы опять все вместе.

Мы с Валентиной лежим на печи, а ребята за столом хмуро стучат костяшками домино.

7-е марта.

Анюта вернулась в роту вместе с секретарем-телефонисткой особого отдела дивизии Марусей-Магнит. Никто в дивизии не знает ее фамилии, зато всем известны ее давние позывные: «Я — Магнит!», «Я — Магнит!» Это накрепко пристало к Марусе. Магнит в белом полушубке и шапке, с мороза краснощекая. Под бурным натиском Магнита мы не можем устоять и уже через несколько минут едем к ней в гости.

Анна не зря в разведке. Она вчера узнала в штабе дивизии, что нас всех троих переводят в другие подразделения. Приказ из

фронта: девушек отозвать из разведки. Беспокоятся, что мы можем попасть в лапы фашистов. Приказ фронта есть приказ. Значит, так надо! Но как обидно, как горько расставаться с боевыми друзьями!

8-е марта.

Сегодня последняя ночь нашей жизни в роте, которая стала нам родной. Завтра мы — Валя, Анюта и я — с утра отправляемся в отдел кадров дивизии.

Уношу с собой все самое лучшее, все самое светлое, что навсегда вошло в мою душу. Никогда не забуду боевых друзей, с которыми рядом шла в бой. Да разве можно забыть Ивана Докукина, моих родных подружек Валю Лаврову и Аню Тюканову! Неужели уйдут из моей памяти Васильев и Ивченко, два Михаила — Голубев и Круглов, Михаил Кукуев, Борисов, Чистяков, Журавлев, Дмитрий Ершов, Власов, Козырев, Гусев, Орлов, Федоров, Сотсков, Барышников! Самый старший разведчик Иван Афанасьевич Самохвалов и самый молодой разведчик роты Вася Талдыков.

Останутся в сердце моем Роман Перфильев, Юрий Романов, Саша Кузнецов, Ефим Рудкин, Сергей Соловьев, Дубровин, Зинин, Зинченко, Батраков, павшие смертью смелых.

Все они, дорогие люди, славные мои друзья и товарищи, навсегда со мной.

9-е марта.

Анютка исчезла незаметно. Мы с Валентиной шагаем вдвоем, как шагали когда-то в Ярославле по шпалам. Тогда мы почти бежали, несмотря на страшную жару, полные надежд и ожиданий. Кажется, много времени прошло с тех пор. А сейчас холодно, но мы идем, еле-еле переставляя ноги, и часто подаем себе команду: «Привал!» Мы понимаем: так надо, но с ротой расставаться жалко. И, прежде чем зайти в отдел кадров дивизии, направляемся «в разведку», в политотдел к майору Садыкову.

Майор стоит босиком и голенищем сапога раздувает самовар. Он зол. У него неприятность: без спроса ушел куда-то ординарец, и майору приходится самому заботиться о себе. А тут еще мы.

Майор отдувается в такт движению руки.

— Что вы тут ноете? Избаловали вас, разведчиков! Всем пайки как пайки, а разведчикам — усиленный! Всем ботинки с обмотками, а разведчикам — сапоги. И волосы не стригут — чубы отрастили... Аристократы! Зачем вы пришли? Жалко расставаться с легкой жизнью? Ах, вы легкого не ищете? Так идите в полк. Вы пришли узнать, куда вас определяют? Пожалуйста! Лаврову, как педагога-математика, в артполк наводчицей. Тюканову туда же санинструктором, а вас, Аверичева, в 1342-й стрелковый полк

снайпером!

Самовар уже шумит, пыхтит. Майор доволен:

— Садитесь пить чай, девочки!

Нам не до чаю. Расстаемся с Валентиной у перекрестка дорог. Валюша недовольна:

— Артиллеристы сидят за десятки километров от обороны. Они же видят немцев только в стереотрубу!

— Скоро дивизия пойдет в наступление, и тогда будешь лупить фашистов прямой наводкой! — успокаиваю я Лаврову.

— Тебе хорошо говорить: у тебя есть возможность сбежать в полковую разведку или роту автоматчиков... Ну, прощай, Софья, давай хоть поцелуемся, дьяволица ты этакая!.. И Валентина обхватывает меня сильными руками.

Привычным движением Валя забрасывает автомат за плечо и, немного сутулясь, вразвалочку, уходит, не оглядываясь. А я долго смотрю ей вслед.

10-е марта.

В полуразрушенной смоленской деревеньке Городно, занесенной сугробами грязного снега, размещается штаб 1342-го стрелкового полка со своим хозяйством. Вхожу в дом. Налево русская печь, широкие двухъярусные нары. Направо, за длинным столом, над оперативными картами склонились офицеры штаба. Встречают меня приветливо. Предложили пока расположиться у них в штабе.

Вечером пошла в клуб на концерт художественной самодеятельности полка. У входа в клуб с визгом бросилась ко мне Томка Красавина, повисла на шее, чуть не задушила. И тут же подходит Тося Мишута, как всегда тихая, ровная, спокойная. Как я им рада! На душе сразу потеплело.

После концерта вернулась в штаб. Там продолжалась деловая жизнь. Начальник штаба полка майор Третьяков, капитан Борисов, топограф лейтенант Цибатов и младший лейтенант Митин по-прежнему сидели за картами.

Шуршание бумаги, скрип перьев и карандашей. Разговоры по телефону с подразделениями. Офицеры штаба не похожи на военных, они скорее похожи на инженеров, на конструкторов, работающих над проектами новых машин.

11-е марта.

Я живу в абсолютном бездействии. Вот уже второй день держат меня в штабе. Уж не думают ли приобщить к штабным делам! За столом один Митин. Он молча пишет вот уже несколько часов. Официально младший лейтенант числится командиром взвода противовоздушной обороны, а практически выполняет в штабе всю оперативную работу. Алексей Иванович

Митин неутомим. Говорят, он работает сутками. Я заметила: когда в здании штаба тихо, Алексей Иванович вынимает из кармана книжечку-блокнотик и усердно записывает что-то.

В штаб пришел Володя Митрофанов, которому я очень обрадовалась. Стали вспоминать Ярославль, наш Волковский. Как давно это было — театр, сцена, — сто лет назад. Сейчас он лейтенант, старший адъютант командира батальона. Он мне рассказывает кое-что из боевой истории полка. Ему помогает Митин.

История эта действительно боевая. Я узнала о суровых боях, из которых с честью выходил полк, о героической смерти комиссара Щелокова, который под Федоровкой поднял знамя и повел полк в атаку; о лейтенантах Смирнове и Коростылеве, принявших вместе со своими бойцами бой с танками; о командире полка майоре Комарове, который, тяжело раненый, продолжал руководить боем...

Митин ставит на стол чашки, нарезает хлеб. Володя продолжает рассказ. А я все слушаю, слушаю.

12-е марта.

На левом фланге нашей дивизии начались наступательные боевые действия. Скоро и мы двинемся вперед. Засиделись! Сейчас каждый солдат готовит себя к боям. Вчера разговаривала с начальником штаба полка майором Третьяковым в присутствии нескольких офицеров. Не могу я больше сидеть в штабе. На мое счастье, в штаб пришел заместитель по политической части командира полка майор Дмитриев. Он сразу же встал на мою сторону, посоветовал майору Третьякову немедленно познакомить меня с лучшим снайпером полка Гурием Борисовым. Все-таки много на свете хороших людей. Я это поняла здесь, на фронте.

Я узнала, что младший сержант второй стрелковой роты нашего полка донской казак Гурий Андрианович Борисов — лучший снайпер во всей дивизии. Он мстит за разрушенный свой край, за свою семью. У него на счету — 125 убитых фашистов. Счет солидный! Частенько Борисов со своим другом Меркуловым выходит «на охоту». Есть в полку повар — снайпер Бабин. У него на счету 26 офицеров. Сварит Бабин обед, накормит бойцов, возьмет свою снайперскую и идет «на охоту».

Гурий Борисов, честно говоря, отнесся ко мне довольно скептически, но все-таки не отказался от такого напарника: «Приказ есть приказ!» Я ушла с ним во вторую роту. Борисов познакомил меня с обороной противника, а потом до глубокой ночи мы разговаривали.

— С Дона я. Донской казак. Мне уже сорок шесть, — степенно

рассказывает Гурий Андрианович. — Кое-что повидал на своем веку. В семнадцатом мобилизовали меня в армию, но с немцами тогда воевать не пришлось, началась революция. В гражданскую два с половиной года служил разведчиком в армии Буденного. Много порубал белых. А потом жили мы недалеко от Цимлянкой. В 1930 году вступил в колхоз. Был бригадиром животноводческой бригады. Зарабатывал 700, а то и 800 трудодней в год. Да жинка моя, Евгения Стефановна, зарабатывала 300 трудодней. Жили хорошо. Никому не кланялись. Хорошела и крепла станица наша Ново-Цимлянская. И вдруг война! Пошел в армию, а жена, три сына, дочка остались в своем доме, а там фашист поразбойничал. Что с моими сейчас, не знаю! До апреля сорок второго воевал в Сталинграде, а в апреле попал в вашу Ярославскую дивизию. Тогда дела были неважные, да и немец был другой. В июле стояли мы под деревней Селище. Немцы до того обнаглели, что в трехстах метрах от нашего дзота ходили свободно, в рост, ничего не боясь. Заметил я одного гитлеровца: он как хозяин ходил по деревне. Длинный, худой, сутулый, он шел не спеша, как будто так и полагается. «Ах ты, сволочь, — подумал я, — не будешь ты больше шагать по нашей земле». Фашист остановился у дома, закурил. Я прицелился и выстрелил. Фриц грохнулся на землю.

13-е марта.

Перед рассветом вышли с Борисовым «на охоту». Окопались, подготовили запасные ячейки, замаскировались и ждем. Немецкие траншеи как вымерли. «Они уже ученые, не показываются», — шепчет Гурий Андрианович. Время тянется медленно. Чтобы не окоченели руки и ноги, двигаю пальцами. Во второй половине дня из окопа вынырнула голова немца в каске. Мгновенно раздался выстрел Борисова. Немец поднялся в рост, каска свалилась с головы, потом рухнул и он сам.

С уважением смотрю я на Гурия Андриановича, восхищаюсь его выдержкой и мастерством. Ведь в окопе только на миг что-то промелькнуло, но и этого оказалось достаточно для снайперского выстрела.

— Так бы мне!..

17-е марта.

Наконец-то лед тронулся и у нас. Мы наступаем! Какое это великое чувство: Советская Армия наступает!

В ночь на 13-е марта разведчики на левом фланге полка у д. Берлезова обнаружили, что противник из-под города Белого начинает уходить в направлении Духовщины-Ярцево, сжигая населенные пункты.

В штабе полка никто не спит. Все ожило, задвигалось,

зашумело. Гудят телефоны. «Волга! Волга!» — слышатся позывные. Штабные офицеры неузнаваемы: подтянутые, помолодевшие. Даже Митин, самый спокойный и самый «неофицеристый» из офицеров, преобразился. Сейчас он настоящий военный. Офицеры штаба уходят в подразделения. ПНШ-1 Борисов уходит с группой автоматчиков. Уговорила и меня взять с собой.

Полк начал преследование противника. Передний гитлеровский край взорван. Здесь тонны проволочного заграждения и мин различных систем. Около проволоки и на бруствере лежат бойцы в белых масках. Они уже никогда не встанут. Это полковые разведчики. Они и мертвые указывают пехоте путь на запад. Мы идем со стрелковой ротой капитана Гарбузова, которая быстро продвигается вперед. Ночью вышибли гитлеровцев из круговой обороны и остановились. Вокруг нас взлетают в небо ракеты. Мы давно уже оторвались от полка.

На рассвете, в сером тумане, метрах в пятидесяти от нас увидели немецкие траншеи, битком набитые гитлеровцами. Они поливают нас из пулеметов, нельзя поднять головы. Только теперь мы поняли, что вклинились далеко в немецкую оборону, окружены со всех сторон. У нас плохо с боеприпасами. Приказано беречь каждый патрон. Огонь открывать только в исключительных случаях. Приказано во что бы то ни стало удержать эту линию обороны.

Позади небольшая ложинка с кустами вытянулась к лесу. Это единственная возможность прорваться к своим, чтобы установить связь с полком. Капитан Борисов посылает автоматчиков, но ребята, не добежав до середины ложины, остаются в ней навсегда. Гитлеровцы простреливают ложину вдоль. Двое бойцов стрелковой роты пытаются вынести автоматчиков, но, раненные, ползут назад в траншеи.

По очереди стоим на посту. Остальные отдыхают в бывших фрицевских землянках. Я не могу там сидеть: страшно пахнет дустом. Все стены увешаны картинками: голые женщины. Какая мерзость! Неловко перед бойцами.

Уже за полдень. Отбиты две контратаки. Вдруг из оружейной кладовой, где лежат убитые, послышался жуткий вопль, раздирающий душу. Боец кричал и бил ногами о стену кладовой. Живой! Солдаты подхватили бойца сильными руками и осторожно внесли в землянку. Перевязали ему страшную рану, положили на перину, завернули в одеяло, обложили подушками (благо их здесь полно). Он громко стонет. Говорим: «Потерпи до ночи. А ночью должны установить связь, наверняка наши прорвутся сюда и тогда наш санитар Питеряков доставит тебя,

папаша, в медсанбат. Там уж поставят тебя на ноги». Боец стонет все тише и тише. Он не может говорить, но как будто все понимает. Согрелся, постепенно умолк.

На полу в землянке бойцы раскуривают «козью ножку». Смакуют одну на всех. Никто не знает фамилии бойца. В дверях появились капитаны Гарбузов и Борисов.

— Товарищ капитан, что-то «рыжие» странно себя ведут, то поливают нас огнем, то совсем затихают, — говорят бойцы.

— Немцев крепко жмут наши с флангов. Вот они и нервничают. Вероятно, готовятся к отходу... — отвечает Борисов. — Главная задача, товарищи, удержать оборону до прихода наших, а там пойдем! Как, удержим?

— Костями ляжем, а немец не пройдет!

Капитан Гарбузов раскуривает с бойцами последний табак, вытряхнутый из кисета. Лицо его спокойно, только крепко сжатые челюсти да вздрагивающая жилка на виске выдают его тревогу и волнение. Наших все нет и нет.

Помощь пришла гораздо раньше, чем мы думали.

К вечеру в лесу заметили движение. Думали, немцы... Присмотрелись: свои! Командиры прислали к нам связных, а через некоторое время к нашей круговой обороне двинулась пехота со станковыми пулеметами, минометами. Бойцы шли гуськом. Огромные тени вырастали перед нашими глазами, будто к нам приближались гиганты и растворялись среди нас. В траншеях становилось тесно и жарко.

Вдали, в глубине немецкой обороны, пылает зарево пожаров, ухают взрывы. Гитлеровцы, отступая, сжигают деревни, взрывают мосты и дороги. Из леса ударили наши артиллеристы. Пехота двинулась вперед.

Сегодня мы с капитаном Борисовым вернулись в штаб. Я узнала, что наш боец жив. Пуля прошла в затылочной части, где-то между полушариями мозга. Боец лишился речи, но он будет жить. Каких только чудес не бывает на фронте!

22-е марта.

Штаб расположился в деревне Вертки Заболотные. Митин и Цибатов составляют сведения о результатах продвижения полка с 14 по 22 марта. Освобождено от немецко-фашистских захватчиков 32 населенных пункта. Очищена от противника шоссейная дорога от г. Белого до райцентра Пречистое. Отличилась в боях стрелковая рота, которой командовал капитан Гарбузов. Говорят, многих представили к награде. Конечно, героев было гораздо больше. Идут в бой тысячи, но нельзя же всех наградить!

23-е марта.

У меня неважное настроение. Вот уже много дней я живу в

штабе неизвестно в качестве кого. Офицеры штаба относятся ко мне по-дружески. Вероятно, они соскучились по женскому обществу, проявляют всяческую заботу, но мне не по себе.

Начальник штаба полка майор Третьяков и слышать не хочет о том, чтобы направить меня в боевое подразделение. По мнению офицеров, Третьяков умный, грамотный штабной работник. Наверно, это так, но меня убивает его философия. По мнению Третьякова, жизнь — это простое напряжение ума и тела, чтоб заработать насущный хлеб и получать некоторые другие наслаждения. Любые диспуты, возникающие в свободное время среди офицеров штаба, даже на такие темы, как искусство, в присутствии Третьякова упрощаются, становятся неинтересными.

Только что я помыла в хате полы (надо же хоть чем-то заняться!). Лежу на печи и думаю о том, как же мне так вырваться отсюда, чтобы не обидеть хороших людей, не испортить отношений с начальством и не нарушить воинский устав!

Офицеры выпили свои положенные сто граммов. Один Митин не пьет. Невзирая на шутки товарищей, он каждый раз, аккуратно, не торопясь, сливает вино во фляжечку: на особый случай.

Сегодня спор о женщинах фронта.

Третьяков считает, что женщины на фронте ищут острых ощущений. Борисов, Митин, Цибатов возмущены, заместитель командира полка по артиллерии капитан Новиков улыбается. «Глупости, майор, не хочется даже спорить». Третьяков продолжает: «Какой там патриотизм! Прикрываются высокими фразами. Одни находят интерес в том, что мужиков много, а я, дескать, одна, другие любят ходить на острие ножа, увлекает игра со смертью...» (Взгляд в мою сторону).

Оскорбительная философия Третьякова дает право нарушить воинский устав. Все происходит необычайно просто. Я выхожу из штаба и иду прямо в землянку командира полка. Здесь же и майор Дмитриев.

— Я вас очень прошу направить меня в подразделение!

— Наконец-то! — обрадовался командир полка майор Озерский. — А мы только что с замполитом о вас вспоминали. Что это, думаем, Третьяков держит боевую разведчицу в штабе! Мы вам поможем. В роту автоматчиков к капитану Печенежскому пойдете!.. Печенежский — командир крепкий, смелый, да и заместитель его по политчасти Петров редкой души человек, настоящий большевик. А с автоматчиками вы должны быть знакомы. Докуинцы не раз встречались с нашей ротой. Когда Докуин пришел в наш полк, автоматчики частенько действовали вместе с его батальоном. Хороший мужик Докуин. Отчаянный,

но хороший!

Мне очень приятно слышать такой отзыв о моем бывшем командире.

24-е марта.

Нагруженная вещевым мешком, скаткой шинели и плащ-палатки, вхожу я к автоматчикам и останавливаюсь на пороге. Бойцы спят на широких нарах вдоль всей хаты. Образцовый порядок, чистота, ароматно пахнет супом и жареным салом.

У печки боец в нижней рубашке и фартуке ловко орудует ухватом. Он с любопытством оглядывает меня прищуренными глазами. Выпрямляется.

— Аверичева?! Здравствуй! Неужели ты к нам? — и представился: — Ефрейтор Никифоров!

Откуда-то из-под плащ-палаток и шинелей выскакивает толстый щенок. С веселым лаем он мчится вдоль нар и мохнатым черным комочком с визгом бросается мне под ноги. «Букет, Букет! Ты что, с ума сошел? Ко мне!» — гремит густой бас. В дальнем углу поднимается человек с рыжей копной кудрявых волос. Он приближается ко мне. Вижу: капитан. Догадываюсь: командир роты автоматчиков капитан Печенежский. Капитан пригласил свои рыжие кудри и громко сказал:

— Товарищи, к нам пополнение, разведчица Софья Аверичева!

Автоматчики проснулись, многие сползают с нар. Высокий, пожилой человек, приветливо улыбаясь, по-отечески жмет руку:

— Старший лейтенант Петров! — представляется он. — Мы вам рады. К докукинцам у нас в роте относятся с большим уважением. По-моему, вы член партии? Добро! Парторг Хакимов, принимай пополнение!

Букет вьется около бойцов, жалобно тявкает. «Проголодался, бедняга! — говорит Печенежский и берет щенка на руки. — Никифорыч, как там у тебя с обедом?» — «Полный порядок, товарищ капитан! Разрешите приступить к раздаче?»

Он вооружается черпаком и приглашает всех к столу.

25-е марта.

Идут сборы к маршу. Спокойно, без суеты. Рота автоматчиков резко отличается от дивизионной разведроты. Здесь бойцы постарше. Разведчики народ легкий, подвижный, а тут бойцы и командиры степенные, спокойные, уравновешенные. Даже внешне автоматчики выглядят иначе. У всех каски, лопатки, а мы их в разведке и не видавали. Лежали они у нас где-то на складе, мы не любили обременять себя лишней тяжестью. Автоматчики удивляются: как же на войне можно без каски и лопатки!

Печенежский говорит: «В нашем деле без каски никак нельзя.

Скольким она спасла жизнь! Алопатка — непременный друг солдата! Придется подружиться с такими вещами».

Подготовка к маршу закончена. Ефрейтор Никифоров и писарь Саша Шестаков уже погрузили ротное хозяйство на телегу. На верху — Букет. Пес смотрит заискивающим взглядом на своих благодетелей, помахивает пушистым хвостом. Автоматчики прощаются с ним, жмут лапу, треплют черную шерстку, приговаривают: «Не балуй, води себя хорошо, скоро встретимся» и наказывают Никифорову и Шестакову: «Берегите пса».

26-е марта.

После небольшого перехода полк передислоцировался в район Сашно-Добрино.

В полк пришла весть о том, что Докукина отправляют эшелоном раненых в тыловую госпиталь. Я спрашиваюсь и мчусь на станцию Ломоносово. На перроне тишина. Одиноко и сиротливо стоят на узкоколейке крошечные вагоны без паровоза, занесенные снегом и инеем.

— Сестра, сестричка! Не у вас ли лежит раненый майор Докукин?..

К перрону подходит группа бойцов. Я узнаю разведчиков дивизионной роты. Они тоже пришли попрощаться. Из крайнего вагона выскочила худенькая девушка: «Эй, разведка! Здесь ваш Докукин!»

В пустом, еще холодном вагоне, на нижней полке лежит раненый, в бинтах. Мы с трудом узнаем в нем своего командира. На руке шина, голова — какой-то огромный забинтованный треугольник. «Товарищ майор, — тихо окликает Докукина сопровождающая медсестра, — к вам пришли попрощаться». Докукин открывает глаза, пытается улыбнуться. Он волнуется, снова закрывает глаза.

Мы стоим онемевшие около своего командира. В вагоне тишина, только слышно тяжелое дыхание раненого. Наконец огромным усилием воли он открывает глаза и подмигивает нам: «Не вешайте, мол, голову, все будет в порядке». «Ну, как вы, товарищ майор?! — буквально застонали ребята. — Держитесь, товарищ майор! Кончится война, встретимся!..»

Докукин лежит с закрытыми глазами. Вдруг в абсолютной тишине мы услышали: «Ребята, если кто из вас встретит когда-нибудь в жизни Кольку-полицая, не давайте ему пощады!»

Докукин устал, он лежит, как мертвый. Я выскочила из вагона, чтобы не разрыдаться.

Идем против ветра. Холодно. Все молчат. Докукин до сих пор помнит об этом предателе, а у нас, как видно, память короткая.

27-е марта.

Пока мы живем на одном месте, постараюсь подробнее записать все, что услышала о роте автоматчиков. Вот рассказ заместителя командира по политчасти старшего лейтенанта Петрова.

— С первых боевых дней нашего полка рота автоматчиков выполняет задания разведывательного характера. На первых порах у нас еще не было ни опыта, ни умения. За контрольным пленным выходили целой ротой и вели главным образом разведку боем. Несли большие потери, и не всегда наши операции проходили успешно.

Начали мы думать о том, чтобы действовать небольшими группами, бесшумно... Инициаторами этого дела были Анистратов, Ушанов, Ляльченко, Бугаев, Сальников, Мартиросян... Правда, была у нас некоторая неловкость с нашими инициаторами. Анистратов и Ляльченко прибыли к нам с судимостью, и тогдашний командир полка Григорьев советовал сначала присмотреться к ним. На задания мы их не брали, а если другой раз они и шли, то не дальше нашего переднего края. Уж очень у них судимость нехорошая. Однажды приходим с задания. Анистратов и Ляльченко лежат на нарах, посмеиваются: «Опять с пустом?» Разозлились мы: «Попробовали бы сами!» Вскочил Анистратов с нар: «Да мы хоть сейчас. Вы же нам не доверяете!..» А Ляльченко: «Это, брат, похуже тюрьмы!» У Анистратова оказалось дельное предложение: видать, не зря они на нарах валялись. План был дерзкий, но мы рискнули.

Действовали тремя группами с расположения батальона Докукина. Была метель, в двух шагах человека не увидишь. Группа захвата — Анистратов, Бугаев, Ляльченко, Ушанов и Сальников — в маскхалатах исчезла в белой вьюге. В рост подошли они к немецкой обороне. Только у самых траншей их окликнул немецкий часовой: «Вэр ист да?» Анистратов что-то выкрикнул по-немецки, и гитлеровец, удовлетворенный ответом, пошел себе, насвистывая, дальше. Анистратов оставил Сальникова и Бугаева в траншеях, а сам вместе с Ляльченко и Ушановым вошел в землянку. Один немец спал, другой сидел у радиации. Радист обернулся: русские! Схватил автомат, но тут же был сражен точным ударом Ляльченко. Проснулся второй немец: «Вас ист лёс? Русише зольдатен!» Анистратов скомандовал: «Шнель, шнель!» Немец сбросил домашние туфли, натянул сапоги, накинул маскхалат и, увидев, с каким наслаждением Лешка Ушанов и Павел Ляльченко глотают горячий кофе, который обнаружили на плите, прихватил под мышку буханку хлеба, думая, что русские голодают. Когда вышли, немец приложил палец к губам: «Тс-с-!» — и, показав в сторону своих,

добавил: «Пук-пук!» Немца пустили вперед, он показал проход через свое минное поле. Пурга замела следы автоматчиков, и немцы вряд ли поняли, что у них произошло в обороне.

Немец дал ценные показания, жил у нас в роте и вместе с полковой переводчицей Беллой Самборской выползал в нейтральную зону агитировать своих. Потом его увезли в штаб дивизии, и он продолжает агитировать в других районах обороны.

Наши первые ходоки за «языком» стали героями. Анистратов присвоили звание младшего лейтенанта. Так у нас появились мастера бесшумной блокировки дзотов. Только за февраль мы вытаскали из обороны противника целый взвод солдат, в том числе и командира взвода.

О том, как брали немецкого лейтенанта, рассказал капитан Печенежский.

— Это было 25 февраля в районе деревни Берлезово. Скрытно подобрались к немецкому дзоту и залегли метрах в двадцати от него. Но бесшумной блокировки на этот раз не получилось. Немецкий часовой заметил группу и поднял тревогу. Гитлеровцы открыли огонь. Одна группа автоматчиков выдвинулась вперед и забросала их гранатами. Анистратов поднялся, повел свою группу в атаку. И, нарушая правила ночного боя, с криком «ура» все автоматчики ринулись вперед. Немцы, как видно, решили, что наступает целый полк, и в панике бежали, оставив блиндажи и засев в траншеях. Но мы их и оттуда выжили и преследовали в глубь обороны. Перебили почти весь гарнизон. Командир отделения Бугаев ранил немецкого лейтенанта, догнал его, схватил за шиворот, и тот поднял руки, несмотря на то, что у него был пистолет и автомат с полным рожком патронов. На помощь Бугаеву пришли Анистратов, Сальников и Ушанов, и вся группа благополучно отошла на свои позиции. При отходе пленный, надеясь, что его услышат свои, начал громко кашлять, за что получил несколько хороших тумаков. На допросе лейтенант жаловался: зольдатен, видишь ли грубо, нетактично обращаются с пленными:

— Сейчас многих наших боевых друзей нет с нами, — закончил свой рассказ Печенежский. — Алексей Ушанов в одной из операций получил ранение и после госпиталя вернулся домой в Кострому. Тяжелораненый Павел Ляльченко был эвакуирован, и судьба его неизвестна. Перед ранением он командовал взводом разведки нашего полка. Нет с нами Мартиросяна, нет многих других, но боевой дух, боевые традиции живы.

Вот что я узнала о моих новых товарищах.

29-е марта.

Полк сосредоточился в районе деревни Село. Во время марша

погиб наш пес Букет. Упал с телеги и прямо под колеса. Автоматчики гибель Букета восприняли как большое несчастье. Уж очень они его любили. Пес Букет напоминал им о далекой мирной жизни. Никифоров и Шестаков расстроены больше всех. Они чувствуют себя виноватыми, что не уберегли любимца роты.

7-е апреля.

Более недели живем на одном месте. Замполит роты Петров поручил мне проводить ежедневный обзор газет, чтение наиболее интересных статей из газет и журналов. Делаю это с удовольствием, потому что автоматчики очень хорошо слушают, задают вопросы. Частенько возникают у нас споры, диспуты. Да! Еще ввели меня в состав редакционной коллегии «боевого листка». Это тоже партийное поручение.

12-е апреля.

Полк расположился в лесу на привале. Долго ли мы будем здесь, никто не знает. Может час, а может и весь день. Сосновый лес подернулся дымкой. Весеннее яркое солнышко пригревает, как летом. Разноголосо заливаются птицы. Ну прямо сказка, правда, не Венского, а Смоленского леса!

Не верится, что совсем еще недавно в этом лесу хозяйничали фашисты, что около каждого дерева и кустика нас поджидала смерть. Разведчики хорошо знают этот лес.

Гавровский лес!.. Я всматриваюсь в его глубину. Она таит неразгаданную тайну бесследного исчезновения командира взвода дивизионной разведки, артиста театра Волкова Васи Мосягина с ординарцем Фроловым. Мне рассказывал Миша Голубев, что после короткой схватки с немцами они исчезли. Разведчики обшарили весь лес, всю территорию вокруг леса, но Мосягина с ординарцем так и не нашли.

Вспомнила разведчиков и ужасно захотелось в разведроту, потянуло к ребятам. Это, вероятно, от того, что до сих пор я не была в бою со своими новыми товарищами.

Пылают костер. Потрескивают сосновые ветки. В котелках кипит, булькает чай. Сейчас выпьем по кружке чая, умнем по ломтю хлеба — можно ждать до обеда.

Здесь все кажется вкусным. У всех зверский аппетит. Я себя чувствую здоровой, бодрой, сильной. Жизнь фронтовая мне явно на пользу. А она, эта самая жизнь фронтовая, идет, продолжается. «Боевые листки» выходят через 2–3 дня. Только что приходил секретарь парторганизации полка капитан Панов. Он принес для нашего «боевого листка» свою статью о новых зверствах гитлеровских оккупантов.

В деревне Нивка мать троих подростков Пелагею Дмитриевну Севастьянову, которая пыталась спасти детей от увоза в

Германию, гитлеровцы вначале сильно избили, а потом закололи штыками. В деревне Дубовицы заподозрили шестнадцатилетнего Мишу Сурпатова в связях с партизанами. Его избили, привязали к дереву, вблизи его дома, и в течение четырех дней на глазах родных и односельчан издевались над ним. Михаил Сурпатов умирал медленной мучительной смертью. Солдаты стреляли в руки, ноги, а потом выстрелом в голову умертвили его.

Почти в каждом номере «боевого листка» мы помещаем все новые и новые факты о страшных злодеяниях, которые совершает Германия на нашей советской земле. Пусть бойцы знают, за что они идут в бой!

Я заканчиваю очередной номер. Надписываю Г-ский лес, 12 апреля 1943 года. А сверху красным карандашом: «Смерть немецким оккупантам!»

Это у нас в душах:

— Смерть немецким оккупантам!

17-е апреля.

Совершили марш через Пречистое, Большие Верешковичи, Захаркино. Жуткая картина предстала перед нашими глазами. Вместо сел и деревень — груды пепла и кирпича. Дико и одиноко торчат трубы печей, как памятники на могилах. Грустная, одичалая дорога ведет нас через село Пречистое. Оккупанты, отступая, взорвали и сожгли все каменные и деревянные здания, постройки, мосты. Каждый метр земли обгажен кровью. На подступах к Пречистенской высоте сотни наших воинов пали смертью храбрых, а в самом Пречистом буйствовало гестапо. Я видела виселицы с нашими людьми, у которых на груди было написано: «Партизан». От пяти тысяч человек осталось лишь несколько десятков тяжелораненых, которых фашисты не успели уничтожить. За связь с партизанами гитлеровцы пытали, вешали, казнили по малейшему подозрению или доносу, уродовали до неузнаваемости... Такое трудно описывать. Невыносимо, жутко видеть. А совершить?.. Кем надо быть, чтобы совершить такое? Только не человеком.

Над землей низко нависают тучи. Мощной нескончаемой лавиной движутся на запад батальоны Ярославской коммунистической дивизии. Мы идем по пятам гитлеровских палачей, мы идем в бой за нашу Родину, и сердца наши наполнены, нет, не мстью, а священным гневом и ненавистью.

18-е апреля.

Мы пришли на смену 17-й гвардейской дивизии и заняли оборону. КП и штаб полка со своими подразделениями рассредоточились в оврагах вблизи деревни Журавы. Меня очень радует соседство с санротой. Смогу хоть изредка встречаться с

девочками.

В оврагах появились стандартные бани и жарилки из фанеры. Обещают во второй половине дня пропустить всю нашу роту.

Мне пришло много писем. Я прочитала бойцам письмо от А. С. Ковалевской о театральной Москве и письмо от своей племянницы Людмилки. Она секретарь комсомольской организации, заканчивает 10-й класс. Комсомольцы школы просят передать моим боевым друзьям привет. На собрании класса они решили написать заявление в военкомат с просьбой: после окончания школы направить весь класс в действующую армию.

Говорим о театрах в Москве. Я вслух мечтаю: увидеть бы сейчас дорогую мою столицу, золотую мою Москву. А решение идти на фронт целым классом ребята не одобряют: постараемся сами с врагом справиться, а они пусть учатся, идут работать, сейчас стране нужны, как никогда, специалисты.

Пришел старшина роты, и началась баня, настоящая баня — с паром! После бани девочки из санчасти затащили меня в свою землянку. Напоили настоящим крепким чаем, накормили жареной картошкой. Вспоминаем нашу встречу, поверяем друг другу душевные тайны. Больше всех откровенничает Томка Красавина.

Томка говорит без конца. В веселой болтовне она выдает не только свою тайну, но и своих подружек. «Зачем скрывать? Здесь, на фронте, взаимоотношения должны быть ясные, светлые, как на ладошке! — Она показывает свою глянцевитую ладонь и продолжает — Видишь ли, Соня, твой капитан Печенежский и наша Нина любят друг друга. А с твоим приходом в роту у них что-то произошло. Нина не встречается с Печенежским, и оба страдают». — «И совершенно зря!» — перебиваю я Томку. А она сыплет дальше: «А ты знаешь, в нашу милую Мишуту тоже кое-кто влюблен. Но Тосик у нас молодец — твердая, непреклонная. Она ни в кого не влюбляется!.. Но уж если влюбится, то навек».

Тося Мишуту, прислонясь к стене землянки, тихо, беззвучно смеется. Лицо ее светится. Собирая в косы свои длинные густые волосы, она произносит певучим голосом: «Ты права, Тома. Мне кажется, что любить в жизни можно один-единственный раз, а здесь, на фронте, к сожалению, на любовь смотрят легко».

24-е апреля.

Днем и ночью мы наблюдаем за противником, высматриваем «языка». Мы — это группа бесшумной блокировки дзотов. Остальные автоматчики несут службу по охране командирского пункта и штаба полка. Плоховато у нас сейчас с питанием. Вот уже несколько дней наш Никифоров варит болтушку из муки.

В роте несколько случаев заболевания куриной слепотой.

Ужасно неприятная вещь! Днем зрение нормальное, а в сумерки, ночью, человек ничего не видит. Особенно плохо со зрением у автоматчика Ищенко. Он боялся, что его отчислят из роты и поэтому долго скрывал свою беду. Ночью шел за нами, ориентируясь по слуху. А сегодня он отстал от нас и чуть не заблудился. Хорошо, что мы вовремя обнаружили его исчезновение и вернулись. Я повела его за палочку.

25-е апреля.

Только что вернулись с боевого задания: разведка боем. Как только стемнело, под командованием лейтенанта Бориса Анистратова вышли на исходный рубеж. Наша артиллерия обработала передний край противника, и мы ворвались в траншеи боевого охранения. Немцы с боем отошли по ходам сообщения в основную линию обороны. Мы захватили пулемет, две винтовки и немецкие газеты. В землянке нашли солдатский мундир, в карманах фотокарточки, блокнот с какими-то записями.

А нам приказано во что бы то ни стало взять пленного. Это боевая задача всех разведподразделений дивизии.

На коротком партийном собрании все были единодушны: выполним боевую задачу. Говорили о том, что необходимо хорошенько подготовиться перед операцией, провести тренаж.

Сейчас снова идем в наблюдение. Командование решило повторить поиск в районе Сидибо-Никольска.

30-е апреля.

Чудесная апрельская ночь. Лунная и теплая. Старший сержант Макурин, сержант Михаил Плюшкин и я патрулируем по гарнизону. Мы шагаем вдоль оврага. А там, внизу, спят наши боевые друзья.

Сегодня вся рота в сборе. Накануне Первого мая мы идем на блокировку дзота под командованием комвзвода лейтенанта Анистратова. Удивительный он человек. Со всеми добрый, общительный, а со мною грубоват. Бойцы уважают этого хмурого человека. Впрочем, когда лейтенант остается наедине с бойцами, он всех заражает весельем, но стоит мне появиться во взводе, он резко обрывает рассказ и замолкает.

Иногда странно складываются взаимоотношения между людьми. Наверное, Анистратов и сам не знает, за что меня невзлюбил. Будет случай, непременно спрошу его об этом, может быть, даже при всех. Нельзя же жить вместе, идти в бой рядом и быть чужими. А вообще в роте дышится хорошо. Чем больше узнаю однополчан, тем сильнее к ним привязываюсь.

Неожиданно Макурин спрашивает меня: «Если ранят, не оставишь меня в беде? — и, получив утвердительный ответ,

напоминает — Индивидуальный пакет у меня в правом кармане гимнастерки, а большой пакет в брюках». Смешной! А что если меня первую стукнет! Впрочем, мне этого не кажется. У меня всегда такое ощущение, будто я в броне — ничего со мной не случится.

Три часа патрулирования прошли незаметно. Как только добралась до своего топчана, мгновенно заснула. Во сне вижу: летят черные самолеты со свастикой. Все бегут в укрытие, а я не могу подняться. Невероятная тяжесть придавила ноги, не могу двинуться. А самолеты над головой, моторов не слышно, вокруг тихо, темно, глухо. Ни единой живой души. Я пытаюсь крикнуть — не могу. Проснулась; на моих ногах лежит автомат. Ноги отекли, занемели.

Протянулись в землянку через окошко и открытые двери солнечные лучи. Они заполнили всю землянку, играют на лицах спящих бойцов. Вечером — задание, а до вечера — много дел. Ведь завтра праздник, который я очень люблю, праздник весны!

С радостью, с какой-то легкостью на душе выбегаю на воздух. Солнце поднялось высоко. Весенние лучи играют, переливаются в капельках росы. Несколько физических упражнений. Холодная ключевая вода.

Пока автоматчики завтракают, я успеваю произвести в землянке капитальную уборку. Перевернула все вверх дном, выскребла всю грязь. Макурин выбил пыль из плащ-палаток и одежды. Мубарак Ахмедвалиев, наш ротный сапер, и самый маленький, худенький автоматчик Тошев принесли свежей соломы. Они же добыли где-то груды белых камней и осколки красного кирпича. И мы выложили около землянки: «Да здравствует 1-е Мая!» и «Смерть немецким оккупантам!»

Ребята привели в порядок оружие, очистили территорию от мусора, а я в это время перестирала всем подворотнички, носовые платки, полотенца и все это хозяйство живописно развесила на веревке.

Приподнятое настроение не только у меня, у всей роты. Младший сержант, наш усац, украинец Захар Бугаев, обычно грустный и молчаливый, сегодня удивил всех. С утра он что-то долго писал. Мы знаем, что у Бугаева семья на оккупированной территории, писем ему писать некому. Когда Хакимов, Ложко и я начали делать первомайский «боевой листок», к нам подошел Бугаев и, смущаясь, протянул исписанный листок бумаги. «Вот тут я песню сложил», — сказал он, и мы прочли:

Дождемся мы Первого Мая,
Сады и деревья цветуть,

И жены и дети с приветом
До ридного дому нас ждуть.
Покончим с фашистским злыднем,
Пойдэмо скорее домой!..

Так начиналось стихотворение.

— Ни складухи, ни ладухи, — улыбнулся парторг, — зато от сердца... Тут же решаем: стихи Бугаева войдут в «боевой листок».

В это время вернулся из штаба полка капитан Печенежский. Расставив ноги, сдвинув свою серую папаху на затылок, он многозначительно произнес:

— Товарищ Бугаев Захар Иванович! Срочно к ПНШ по учету капитану Агафонову!

— Что это вдруг я там понадобился? — удивляется младший сержант.

— Твой орден Красного Знамени прислали из штаба армии за поимку немецкого лейтенанта. Понятно? — довольно улыбается капитан Печенежский.

Бугаев быстро берет автомат и, одернув гимнастерку, уходит молодой, легкой походкой.

После бани, после обеда автоматчики отдыхают. А рядом, на скамейках — гимнастерки. Сияют белые подворотнички. Я выхожу из землянки и вижу: по оврагу возвращается Бугаев, грустный, расстроенный.

— Что с вами, товарищ Бугаев? — спрашиваю я. — Получили орден? — Захар Иванович медленно опускается на ящик, вытирает пот со лба.

— Нет, не получил, тилько побачил. Завтра вручат на первомайском митинге...

— Так что же вы загрустили?

— Эх, Софьюшка! — вдруг застонал Бугаев. — Побачил я орден Красного Знамени, а чуэ мое сэрдце, бильше нэ побачу...

Я поняла: надо идти к капитану Печенежскому, нельзя человека брать на задание с таким настроением. Бугаев угадал мои мысли:

— Ты что? За кого меня считаешь? Я не трус! Прошу, Софья, капитану — ни слова!

Пора в путь-дорогу. Вот уже Никифорыч раздает ужин. Ротного писаря Сашу Шестакова окружают автоматчики. Саша на задания с нами не ходит, но в роте все его уважают, считают своим душеприказчиком. Мы поверяем ему перед заданием свои тайны, оставляем у него документы, даже партбилеты, хоть он и беспартийный. Такая уж у нас вера в него!

Бугаев — кандидат партии. Он пишет заявление в парторганизацию роты: «В случае моей смерти прошу считать меня коммунистом».

Прощай, мой почерневший, замусоленный дневничок! До новой встречи!

22-е мая.

Сегодня, после долгого перерыва, взяла я в руки карандаш, но с чего начать свой записи — не знаю. Столько событий произошло за этот период, а у меня в блокноте всего три фразы:

1 мая 1943 года в 3 часа утра ранена.

4 мая — медсанбат. Нивки.

6 мая — госпиталь. Подвязые.

А было это так. В ночь на 1-е мая мы — восемнадцать человек под командой Анистратова — вышли к немецкому боевому охранению, чтобы блокировать дзот. К предстоящей операции все было заранее изучено, оговорено. Каждый знал свое место в бою.

Для лучшей координации действий, ведения боя, оказания помощи в случае ранения или гибели товарищей нас разбили, как всегда, на тройки. В нашей тройке: сержант Плошкин, боец Макурин и я. Вышли на передний край нашей обороны. Пока Печенежский и Анистратов уславливались с артиллеристами и командиром стрелковой роты о деталях боя, мы сидели в окопах, разговаривали с ребятами из штрафного батальона, в обязанность которых вменяется: при нашем отходе стрелять в воздух трассирующими пулями — указывать нам обратный путь.

Дана команда. Мы выбрались из траншей один за другим и гуськом двинулись оврагом вдоль кустарника, не обращая внимания на тарахтение фрицевских пулеметов и взлетающие ракеты.

Два часа ночи. Гитлеровцы утихомирились. Молчит и наша оборона. Полная тишина. И темно. Мягко ступая по свежевспаханному полю, открыто, в рост подошли мы к левому крайнему дзоту и залегли перед ним метрах в пятидесяти, чтобы перевести дух и осмотреться.

Земля сырая, свежая, пахучая. Родная наша земля! Со мной рядом лежали Ложко, Анистратов, Макурин, Плошкин, парторг Хакимов. Других мне не видно. Из-за тучи выплывает луна, освещая амбразуру, линию траншей. А мы лежим на открытом поле, как на ладошке, предательски заблестели диски автоматов и каски.

— Приготовиться! Гранаты — к бою! Вперед! — прозвучала команда Анистратова.

Мы поднялись и пошли со всех сторон прямо на дзот. И вдруг резанули гитлеровские пулеметы, ударили автоматы. Взвились

десяток ракет, стало светло, как днем, ослепило нас.

Рывком мы бросились вперед, ворвались в немецкие траншеи. Начался гранатный и рукопашный бой. Наши выходили из строя один за другим, фашистам тоже доставалось. То слышалось немецкое проклятье, то наша русская крепкая «мать», то настойчивое: «Я ранен! Я ранен!» Это автоматчики предупреждали своих товарищей по группе, но из боя не выходили. Раненые продолжали сражаться.

Первым бросился к дзоту Бугаев, но, сраженный пулеметной очередью, упал. Затем Анистратов и Ложко. Они ворвались в траншею. Я была уже рядом с дзотом. Справа от меня Плошкин, Макурин и Коробков били из автоматов. Хакимов, Курнев, Солдатов, Фомченко, Мурзаев и остальные бились на левом фланге. Оттуда слышались дикие вопли немцев. Бросив гранату в двери дзота, я рванулась туда, но тут меня сильно ударило по голове, сшибло с ног, срезало с головы каску. В правой одеревеневшей руке повис автомат с расщепленным ложем приклада.

— Раненые, немедленно выходи! — заорал Анистратов, а сам ворвался в дзот.

— Аверичева, я ранен, Аверичева!.. — позвал на помощь Макурин. Отчаяние, что ли, придало мне силы, я вытащила его из траншеи и поволокла по полю. Взрыв гранаты накрыл нас обоих. Чем-то острым резануло, ударило меня по ногам. Макурин лежал без движения. Не ощущая никакой боли, я, задыхаясь, поползла с ним дальше, подтягивая его левой рукой. Так я ползла и тащила Макурина, ничего не соображая.

Бой стих. Очень кружилась голова, замирало сердце, но я чувствовала, что Макурин еще жив. Мы уже среди кустов. Начинало светать. Вдруг рядом послышались быстрые, тяжелые шаги, прерывистое дыхание, лающая немецкая речь. Гитлеровцы прочесывали лес, страшно ругаясь между собой. Мы замерли. Они пробежали мимо, чуть не наступив на нас.

Не обращая внимания на боль, я ползла вдоль линии фронта и наконец увидела вдали трассирующие многоцветные огоньки. Зеленые, красные!.. Это ребята с капитаном Печенежским обозначали наш путь на отход.

Макурин приходил в себя, тихо стонал, а потом снова терял сознание. Он был весь в крови. А я тащила тащила, тащила. Потом у меня стало темнеть в глазах...

Очнулась я на телеге. Ухабистые весенние дороги. Нас бросает из стороны в сторону. Правду говорят, что для раненого самое трудное — наши дороги. На передних телегах слышатся стоны, я потихонечку, про себя, пою, чтобы преодолеть боль. Я

лежу в телогрейке, насквозь мокрой от крови, трясусь, как в жуткий мороз. Держась за телегу, тяжело хромая, идет Ложко. Рядом Анистратов, с забинтованной рукой, в накинутой на плечи телогрейке. Он хмурый, недовольный: ведь «языка» не взяли. Они с Ложко вытащили пулеметчика из дзота, но гитлеровец преждевременно скончался. Из восемнадцати человек у нас тринадцать раненых. Убит Бугаев. Его первого скосила пулеметная очередь.

Убит коммунист Бугаев. Он оказался прав: он больше не побачит свой боевой орден Красного Знамени.

В санроте не ожидали сразу столько раненых. В хирургической — большой брезентовой палатке — холодно. Старший врач полка капитан Трофимова ругает санитаров за то, что они плохо протопили печурки. Прибежали встревоженные девушки: Тосик, Томка, Нина. Нас приносят на носилках, кладут на хирургический стол одного за другим. Наш врач Фаина Дмитриевна сама вводит мне противостолбнячную сыворотку. Умелыми быстрыми движениями обрабатывает и перевязывает раны. А я совсем заledenела, стучу зубами. Меня быстро переодевают в чистое белье, завертывают в теплый ватный конверт, подают стопку спирта, и сразу становится теплее. Приятно кружится голова.

И снова подвода трясет нас по смоленским дорогам. Нас везут в деревню Кriuлино, где расположен медсанбат.

В хирургической заняты все операционные столы. Вижу справа Макурина, он весь искалечен. Выживет ли, бедняга? Хотя бы выжил! Больше шестидесяти осколков попало в него. В операционной знакомые хирурги. Тут же девочки — фельдшер Маруся Теплова, медсестры Нина Соколова и Катя Аксенова. У хирурга Карпинского весь халат в крови. Он, как мне кажется, глядит на меня с сомнением. Уж очень, наверное, я худая.

— Не бойтесь, доктор, режьте. Я все вынесу! — улыбаюсь я ему.

— Переливание крови! — отдает он приказ. — Оперируем под местной анестезией.

Уколы, разрез, опять уколы. Что-то металлическое летит в таз. «Резьте, доктор, режьте!» — твержу я одну и ту же фразу, хотя чувствую, что совсем слабею. Доктор от меня удаляется, и я, как сквозь сон, слышу: «Камфору скорее, камфору...».

Очнулась в палате. Около меня Карпинский и Аня Тюканова в белом халате. В дверях капитан Печенежский с автоматчиками.

— Никифорыч прислал тебе первомайских пирожков и жареной рыбы! — Ешь и поправляйся!

— А это от полковника Муратовского! — улыбается Анютка, протягивая сверток.

На столике множество кульков и свертков. От волнения горло перехватило.

— Командование полка высоко оценило нашу сегодняшнюю работу. Озерский благодарит и желает скорейшего выздоровления! — говорит Печенежский. — Немцам досталось крепко, взяты документы, пулемет... Хоть гитлеровец представился богу, зато пулемет оказался новейшей системы МГ, скорострельный, недавно взятый на вооружение немецкой армии... В общем, задание выполнено, так что держись, Софья. И скорей возвращайся. Еще тебе привет от девчат из санчасти и особенный от Нины...

— Спасибо, за все спасибо!

Хочется сказать еще что-то, но язык совсем одеревенел, не движется, и страшно хочется спать. Спать!

Больше не надо ничего на свете. Засыпаю молниеносно. Меня зачем-то тормозат, а я снова засыпаю. Опять будят, и я снова проваливаюсь в глубокий сон.

Проснулась. Санитары и медсестры столпились около соседней кровати: принесли еще раненую. «Что это за девушка?» — спрашивает из дальнего угла солдат. «Радистка штаба дивизии Валентина Самаркина, — отвечает Катя Аксенова. — Попала под артиллерийский обстрел во время Первомайского митинга». Кто-то досадует: «Не повезло нашим девчатам Первого мая!»

В палате сумрачно. Все спят. Светает или вечереет? Да не все ли равно. Радистка Валя — худенькая девушка. Она высоко поднята на подушках, тяжело дышит. У нее длинная смуглая шейка. Густые черные волосы. У двери стонет раненый. Левая рука у него в шине высоко поднята.

Опять ползет машина, опять ухабы и рытвины. Стоны раненых разрывают душу. Мне и самой хочется вот так же застонать, завывать. Нет, надо думать о чем угодно, только не о боли...

Деревня Нивки, Смоленские хаты переполнены ранеными. Я лежу в офицерской палате на одном топчане с младшим лейтенантом. У него ампутированы ноги. Худое желтое лицо; остановившиеся глаза смотрят в одну точку. Многие раненые еще до сих пор лежат на носилках.

«Пить, пить!» — тихо стонет на полу солдат. Девушка в белом халате, сидящая в углу около раненого офицера, даже не поворачивается. Раненый продолжает стонать. «Шо-о-ня, Шоо-ня!» Мне показалось, что он зовет меня. Да это же Макурин! «Голубчик, Макурин! Вот видишь, мы опять встретились с тобой!»

— «Девушка, дайте, пожалуйста, пить раненому! — обращаюсь я к сестре. — И накройте его хоть чем-нибудь. Он же совсем замерз!» — «Я занята. Не умрет ваш приятель!»

С печи из-под занавески выглянула старушка. Охая и кряхтя, бабуся слезла с печи и, приговаривая, причитая: «Здорово же тебя разделали проклятые изверги», — напоила Макурина из чайника. Потом сняла с печи одеяло и накрыла его. Девушка даже не повернулась.

— Уйди! — проговорил офицер. — Иди, устраивай раненых, а то я за себя не ручаюсь!

— Вот еще несчастье на мою голову! — рассердилась девица.

— А ну проваливай отсюда! — истерично закричал офицер. — Проваливай, бессердечная шлюха!

Девица вскочила. Быстро простучала по полу каблучками, с яростью хлопнула дверью.

Макурин согрелся, перестал стонать. Вскоре пришли санитары. Бабушка сообщила всем, что часть раненых устраивают в соседнюю половину дома.

— Прощай, Макурин, прощай! Встретимся ли мы когда-нибудь с тобой!..

Опять и опять дорога. Санитарная машина увозит меня в глубокий тыл, все дальше и дальше от фронта. У меня поднялась температура. Все происходит, как во сне. И вот я в палате эвакогоспиталя. Лежу на краю широких нар. Солома, покрытая плащ-палатками, колет. В палате душно. Медицинский персонал разносит обед, но здесь палата тяжелобольных, никто не ест. И я ничего не могу взять в рот. Только бы пить, во рту все пересохло. Со всех сторон «Пить, сестра! Дайте пить!..»

— Софья Аверичева!..

Рядом солдат с ампутированной ногой. Я с трудом узнаю разведчика Мишу Круглова. Безжизненное, худое, желтое лицо.

— Отвоевался я, Соня. Больше уж не ходить мне в разведку! — нажимает, как всегда, на «о» Михаил. — А Мишу Голубева отправили в школу офицеров. Может, еще повоюет, отомстит за меня.

— Что ты, Миша, да вы с Голубевым давно уже рассчитались с фашистами!

Целую неделю я пребываю в каком-то небытии. Меня переносят из палаты в палату.

Большая чистая хата. Лежу на отдельной кровати. В палате одни женщины. В открытое окно вливается свежий воздух. Около меня врач и медсестра. Я спросила: «Какое сегодня число?» «Двенадцатое мая, среда».

Мне назначают первую перевязку. Главный хирург смотрит на

мою руку со скрюченными пальцами и качает головой.

— Нестроевик! — буркнул он сестре. — К эвакуации в тыловой госпиталь!

— Что вы такое говорите, доктор? Вы лучше помогите! Не отсылайте меня в тыл, я отстану от своей дивизии. Обещаю выполнять все ваши предписания, но мне нужно вернуться в свою роту!..

С этого дня хирург Шанин Михаил Григорьевич называет меня «партизанкой». Подойдет ко мне: «Нуте-с, как наши дела, партизанка?»

После перевязки мне стало значительно лучше. Пришла уверенность, что все у меня будет хорошо.

За печкой лежит девушка. Большие темные глаза, нависшие брови. Черные гладкие волосы с прямым пробором. Это разведчица партизанского отряда Лена. Она шла с заданием в деревню к одной женщине, якобы к своей тетке. А в это время немцы окружили партизанский край со всех сторон. Лена пролежала без движения в канаве трое суток, обморозила ноги, а ночью с трудом доползла до крайней хаты к «тете». Ноги посинели, отекли. Началась гангрена. «Тетка» на дверях хаты написала «тиф», и немцы обходили хату. А вскоре пришла наша дивизия. Лену положили в госпиталь, ампутировали ступни обеих ног. Целыми днями Лена лежит на спине без единого звука и смотрит в одну точку.

Остальные девушки в палате из штаба армии и корпуса. Они все знакомы между собой. Одна из них, комсомолка Валя Останина, ранена в руку. Остальные больны. В центре всех разговоров Ирина — актриса армейской бригады. Она окончила школу Малого театра. Высокая, полная, с длинными золотыми волосами. «Медицина» настоятельно требует остричь волосы, а Ирина и слышать не желает об этом.

После обхода врачей, перевязок и всяких процедур появляются гости, главным образом, из соседних палат. Вот входит лихой моряк в накинутах на плечи бушлате, с гитарой в руке. Моряк очаровывает девушек. Он поет новую песню: «Темная ночь, только пули свистят по степи», а потом: «Я вам не скажу за всю Одессу, вся Одесса очень велика-аа, но и Молдаванка и Пересыпь обожают Костю-моряка». Девушки «умирают» от восторга.

Это повторяется каждый день. Лена тяжело вздыхает, нервничает, но молчит. Я тоже молчу, хотя голова раскалывается на части. Терплю, потому что приходят ребята из боевых подразделений. Вон у моряка вся грудь в орденах. Говорят, он разведчик глубокого тыла.

Однажды Пришел пожилой подполковник, выздоравливающий. Чувствовал он себя неудобно, вошел в двери как-то боком. Извинился перед всеми. В госпитале ужасно скучно. Он пришел послушать пение «очаровательной Ирины Сергеевны», а также песни героя «Авроры». Но подполковнику не повезло. В палату ворвался главный хирург и устроил разнос.

— Вам что здесь, клуб? Ишь женихи какие: на костылях, замотанные бинтами, а туда же — к девочкам поближе. Еще недавно умирали, ахали, охали! Не успели встать с коек!.. Вон отсюда, донжуаны! — кричал доктор, багровея, но в глазах у него прыгали веселые озорные искры. — А ты, черт старый, лысый, а туда же! Постыдился бы! — кричал он на несчастного подполковника.

Перепуганные донжуаны покинули своих дам и в панике бежали из палаты. С этого дня хождений стало гораздо меньше. Очень уважают и боятся в госпитале нашего дорогого доктора Шанина.

Медсестра Сабина рассказывает: главный хирург госпиталя делает такие чудеса в медицине, что о нем нужно писать целые тома. В госпитале есть шоковые палаты. Это — смертники. Михаил Григорьевич вырывает и таких больных из лап смерти. Тяжелораненые с нетерпением ждут его прихода в палату. Я по себе это знаю. Стоит ему появиться на пороге, как на душе становится светлее. Меня он упорно зовет партизанкой.

Михаил Григорьевич назначил упражнение для моей руки. Приносит то узкую палочку, то шарик, вроде яйца. Я целыми днями занимаюсь гимнастикой. Главный хирург доволен: «Живучи вы, женщины, как кошки. Где мужчине нужно три месяца, вашему брату и одного хватает! Мы с тобой еще повоюем, партизанка!»

Уже ночь, но девушкам не спится. Они рассказывают всяческие истории.

Лена-партизанка тяжело дышит. Она пытается повернуться на бок. Закрывает уши. «Девушки, вы бы потише!» — прошу я их. «Хорошо, хорошо», — соглашаются они, но уже через минуту слышится: «Ирина, а что у вас произошло с армейской концертной бригадой?» — «О, это длинная история», — лениво тянет грудным голосом Ирина. «Об этом разное говорят, ужасно интересно послушать вас! — любопытствуют девушки. — Почему вы ушли из бригады?» — «Ха, ушла?! — смеется Ирина. — Я не ушла, меня «ушли». — И она рассказывает с омерзительной циничностью о веселой жизни в концертной бригаде, которую с позором разогнали.

— Ах ты, шлюха! Какая же ты гадкая! — поднимает голову с

подушек Лена. — Вот бойцы сегодня утром рассказывали Аверичевой, как они всю ночь ползали в болоте, охотясь за «языком», как наши солдаты стоят в траншеях по грудь в воде, а вы... чем вы в такое время занимаетесь в армии? Ты же ученая! Государство на тебя деньги тратило, в люди вывело. Чем платишь ты стране, своему народу!..

Лена тяжело откинулась на подушки. Прибежали сестры, дежурный врач.

— Уберите меня отсюда куда угодно! — тряслась всем телом Лена. — Чтоб я только не видела и не слышала эту мразь.

Врачи сделали Елене укол. А потом сестры и нянюшки отгородили ее, а заодно и меня шкафами и завесили простыней. Лена постепенно успокоилась. В палате водворилась тишина.

Утром послышался тихий стук о шкаф. Раздвинулись простыни, и в нашем углу появились Сабина и Валя Останина. Валя пришла просить извинения за своих подруг.

— Мы совсем не причастны к похождениям, которые рассказывались ночью... Правда, мы не воюем на передовой с оружием в руках, как вы, но каждая на своем месте трудится, не жалея своих сил. Не думайте, пожалуйста, о нас плохо!

— Что вы, девочки! Мы о вас и не думаем плохо, — отвечаю я. — А вот таких Ирин на фронте не должно быть!

Елена молчит, но она согласна со мной, судя по взгляду, которым она обменивается с Валей.

С этого времени Валя Останина приносит нам каждый день полевые цветы, пишет за нас письма, обменивает у местных жителей табак, который нам положен, на клюкву. Из клюквы девушки делают нам сироп и кисель. У Вали неисчерпаемый запас энергии. Она в регистратуре узнает о прибытии раненых, и к моему окну все чаще подходят раненые — бойцы нашего полка. Они рассказывают о боевых делах. Дивизия ведет бои местного значения. Разведчики каждую ночь ползают за контрольными пленными. Скоро дивизия пойдет вперед.

Валя разузнала, что в одной из палат лежит разведчик Павел Ляльченко, тот самый Ляльченко, судьба которого после ранения оставалась неизвестной. Палатная сестра сказала, что ему придется ампутировать ногу. Ранение у него было очень тяжелое, ногу пытались спасти, но, как видно, безуспешно. С помощью Вали и сестрицы добралась я до палаты, где он лежал, и села на пороге.

— Товарищ Ляльченко, к вам пришли из вашей роты автоматчиков! — наклонилась над ним сестра.

— Вот здорово! — обрадовался Ляльченко, напрасно пытаясь поднять голову. — Братва, кто пришел, подойдите!

Я подошла. Исхудалое, желтое лицо. Заострившийся нос. Глубоко запавшие глаза. Спекшиеся губы. По рассказам ребят, это был удалой парень, храбрый разведчик. Сердце сжалось от боли, слова не могу вымолвить. Видно, нервы мои порасшатались. Взяла себя в руки, улыбнулась. Рассказала о делах роты, о последней операции. Сказала, что его помнят. Бойцы и командиры, рассказывая новичкам о боевых делах роты, не забывают сказать о его смелых действиях. Ляльченко лежал с полными слез глазами и приговаривал:

— Не забыли, помнят, значит. Вот и хорошо, вот и хорошо. А я, знаешь, если жив останусь, всегда буду помнить наших ребят, роту, где я узнал настоящих людей, настоящую боевую дружбу. И могу спокойно и смело смотреть людям в глаза. Ведь я кровью искупил свою вину...

Мы с Леной чувствуем себя получше. Я уже выползаю на крыльцо, греюсь на солнышке. А Лена подолгу сидит в постели и смотрит в окно.

А за окном весна.

25-е мая.

Я получила большую почту, в том числе письмо из роты, которому обрадовалась больше всего.

«Здравствуй, боевой друг Софья! Твое письмо читали всей ротой. Молодчина, что не теряешь чувства юмора. Мы рады, что у тебя руки и ноги целы и ты собираешься в скором времени прибыть в роту. А мы так располагали, что ты не вернешься к нам. Увезут, думали, тебя в глубокий тыл, и ты после госпиталя попадешь в свой театр Ф. Г. Волкова и мы не увидим тебя больше. Жаль ребят, особенно Макурина и Ляльченко. Смелые были разведчики. Война есть война, ничего не поделаешь. Может, Макурин выживет!.. А Павлу если ампутируют ногу — это хуже смерти для него. Очень уж он горячий. Передавай ему от нас боевой привет. Пусть держится. У нас все по-старому. День и ночь работаем, забыли, когда и спали. Ползаем за проклятыми фрицами и все впустую, никак не можем взять живьем «рыжего». Многие ребята, кто был ранен с тобой, давно выздоровели и вернулись в роту. Анистратов пробыл в санчасти всего два дня. Вячеславу Ложко в медсанбате вытащили пулю из ягодицы, и он сразу же сбежал в роту, а через день пошел в бой. Вот крику-то было через это от капитана Трофимовой!

16 мая у нас была «большая игра». Рыжим досталось крепко. Но «языка» взять мы опять не смогли. Тащили двоих, но они, окаянные, померли на нейтральной. Мы все же их дотащили, как вещественное доказательство.

В бою был ранен капитан Печенежский. Как ни старались

девчата удержать его в санчасти до полного выздоровления, особенно Нина Тихомирова, комроты быстро вернулся домой, в роту. Капитан Трофимова жаловалась майору Озерскому. Но командиру полка нужен «язык», поэтому он махнул рукой на Печенежского.

Вот и все наши новости. Тошев грустит без тебя, не с кем ему поговорить о своей невесте, а невеста ему ничего не пишет. У Ищенко с глазами все хуже и хуже, куриная слепота одолела. Печенежский думает его отчислить из роты. Но нам жалко с ним расставаться. Ждем твоего возвращения.

С боевым приветом! По поручению и под диктовку роты писал Александр Шестаков».

28-е мая.

Настроение у меня расчудесное. Письмо ребят — как целебный бальзам. Меня в роте ждут. Думаю, что через несколько дней, самое большое через недельку, я вырвусь отсюда. На ногах уже стою крепко, двигаюсь без костылей. Рука в тепле хорошо ощущает предметы. Правда, стоит ей немножко охладиться, как мертвеют пальцы, скрючиваются. Михаил Григорьевич говорит, что так будет еще долго.

Ухожу в лес, там часами тренирую руку и ногу. Заново учусь бросать гранаты. Валя и Сабина непременно мои спутницы и помощницы во всех делах. Вместе со мной они ползают на «блокировку» предполагаемого дзота, бежим в атаку. Мы не теряем ни минуты. У нас все точно по расписанию. Я им часто рассказываю о своих боевых друзьях — разведчиках, автоматчиках. Думаю, что они сбегут в боевое подразделение.

Лену отправляют самолетом дальше, в тыловой госпиталь. Я не могу смотреть в ее огромные, печальные глаза. Какие у нее выразительные глаза, какой открытый взгляд! В них и боль, и тоска, и надежда. До конца своей жизни не забуду эту чудесную чистую девушку — партизанку Лену.

4-е июня.

Завтра я ухожу домой, домой в свою роту! Когда я попросила выписать меня из госпиталя, наш «главный» ужасно рассердился: «Партизанщина!» Изо дня в день я убеждала его, что в роте мне будет спокойнее, что на перевязки я смогу ходить в санчасть. На задание сразу не пойду. Я уже смертельно ему надоела. В конце концов с возгласом «Я слагаю с себя ответственность!» он взял с меня подписку, что я выписываюсь по собственному требованию и госпиталь за последствия не отвечает.

На прощанье написала в стенгазету заметку, в которой благодарила моих исцелителей — врачей, сестер, нянюшек, особенно дорогого Михаила Григорьевича.

До сих пор я никому не говорила о своей гражданской профессии. Не знаю почему, но, мне кажется, сказать о себе «я — актриса» как-то неудобно, очень уж это громко и ко многому обязывает. А тут концерт. Я взглянула на лица раненых солдат, на людей в белых халатах, сидящих в зале, и не могла сдержать себя. Вышла на сцену и сама попросила разрешения выступить. В ответ — аплодисменты. Я читала Суркова и Симонова. «Пехотинец», «Жди меня», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины»... Долго не отпускали меня со сцены. Аплодировали вовсю, особенно за поэму Суркова «Думы солдатки» и за симоновскую «Майор привез мальчишку на лафете».

Вместе со всеми аплодировал и улыбался мне Михаил Григорьевич. Значит, он все понял и не сердится. После концерта девочки-медсестры окружили меня, я даже расцеловалась со всеми.

Завтра рано утром я отправляюсь домой.

6-е июня.

До штадива добралась на попутных машинах. Водители попадались удивительно хорошие ребята. Рассказывали интереснейшие истории. Ну и я не осталась перед ними в долгу. Угощали свиной тушенкой, печеньем, конфетами и... комплиментами.

Заночевала в штадиве у Минны Абрамовны Малой — переводчицы нашей дивизии. А рано утром зашагала домой. Какое утро! Все сверкает, поет, переливается, звенит! И все это в моей душе! И утренние теплые лучи солнца, и свежий легкий ветерок, и молодая зеленая трава, и птицы! Иду и всему улыбаюсь.

Миновала подразделения дивизионного хозяйства, саперный батальон, артиллерийский полк. Навстречу бегут девушки. Я не сразу в них узнала Валю с Анюткой. Веселые, чистенькие. В новой форме с ослепительно белоснежными подворотничками, в юбках...

— Софья! Со-о-фья! — Они схватили меня в свои объятия. — Ну как твои раны? Здорово же тебя стукнуло!..

У Лавровой слезы... Такого еще не было с ней! Что-то новое в нашей Валентине. В походке исчезла угловатость, размашистость. Она стала женственнее, просто нежнее.

— Что с тобой, Валюша?

Лаврова увлекает меня в мягкую, душистую траву и смеется. Анюта сочувственно, с сожалением качает головой: «Разве не видишь, влюбилась наша Валентина». «Баба я, Софья, баба! Такая же, как все!» — жарко шепчет Валентина.

Наш полк перебазировался. У нас новое место жительства.

Адрес: овраги, один километр южнее деревни Улоинки. Что-то ждет меня в роте! Ускоряю шаг. Овраги... овраги... Здесь вся местность изрезана оврагами. Слышу отдельные голоса, удары топора. Далеко разносится эхо. Рота где-то близко. Лучи солнца играют в листве молодого березняка и ельника. В березовой роще солдат с топором легко обрубаёт ольху. Он весь в ветках, а они все падают и падают. Солдат обернулся и с криком: «Ай-яя-я!» исчез. Сразу узнала Мубарака Ахмедвалиева.

— Соньшка пришел! Соньшка пришел! — раздался где-то внизу звонкий голос Ахмедвалиева. И вот уже мне навстречу бегут автоматчики.

10-е июня.

В полк пришел новый замполит, майор Орлов. Он из учбата. И в роте большое событие: лейтенант Анистратов подал рапорт с просьбой отчислить его из пехоты в танковую часть. Мы все огорчены, хотя и понимаем, что лейтенант — инженер, и его место в механизированных войсках.

Тошев опять рассказывал мне о своей невесте. В Узбекистане есть такой давний обычай: когда в ауле рождается мальчик и девочка, они сразу же становятся нареченными. У Тошева есть такая невеста — Марзьян. Когда он уходил на фронт, Марзьян плакала: «Вернись, обязательно вернись!..» А сейчас ничего не пишет. Нехорошо получается. Я написала ей письмо, и наш Тошев повеселел. «Спасибо тебе, Сонышка!»

Ко мне в роте относятся как к больной. На задания не берут, на посты не ставят. А сами каждую ночь ползают. Я же остаюсь дома, не сплю всю ночь: жду их возвращения и, конечно, переживаю.

16-е июня.

Рота ведет тщательную подготовку к новой боевой операции. Будем действовать в районе деревень Седибо-Никольское — Афонасово. Лейтенант Анистратов и младший лейтенант Кузнецов с группой автоматчиков непрерывно наблюдают за обороной противника. Они изучили до мельчайших подробностей огневую систему, график ведения огня противником, жизнь гитлеровцев в обороне, взяли на заметку каждый кустик, бугорок, уточнили все подходы.

Сейчас командиры проводят тренаж блокирования дзота в условиях предполагаемой операции. Группу захвата ведут Анистратов и Кузнецов. Я лежу под кустами, на животе, с завистью наблюдаю за их действиями. Занятия подходят к концу. Вместо фрица захватили кого-то из автоматчиков. Волокут его на свою сторону, а он отчаянно сопротивляется. Им весело, а я нервничаю. Сейчас подойду к капитану Печенежскому и поставлю ультиматум: или они берут меня на задание, или отчисляют из роты в распоряжение кадров. И еще скажу ему: если они возьмут меня, то будет непременно удача. Я знаю слабость капитана: он суеверен.

Уже идет разбор занятий. Итак, я сейчас иду в атаку на командира роты.

Капитан сдался. Урра! Я — в группе захвата! Оказывается, командир полка приказал не брать меня на задание до полного выздоровления. Но мы с Печенежским договорились: в случае неприятностей он скажет майору Озерскому, что я ушла самовольно, без разрешения. Ну что мне за это может быть!

18-е июня.

Моросит теплый дождик. Мы уже миновали наш передний край. Движемся по ложбине гуськом. Полнейшая темнота. Кто-то сзади бьет меня по плечу: «Тошев, ты?» — «Тошев в группе прикрытия с капитаном», — смеюсь я... «Тьфу ты, черт! — ругается Хамракулов. — Никак не привыкну. Это ты, Софья?»

В нашей группе захвата двенадцать человек. Впереди Кузнецов и Анистратов. Вспыхивают ракеты, но нам они не страшны: мы в высокой, густой траве, сначала ползем на четвереньках, а затем по-пластунски.

Я не заметила, когда от нас отделился Печенежский со своей группой. Теперь впереди всех двигаются саперы — Ахмедвалиев и Коробков. Они осторожно подползают к минному полю. Обнаружили сигнальную проволоку, перерезали ее.

Дождь не перестает. Мы замираем в ожидании. Кажется, что в этот миг остановилось время. Саперы действуют бесшумно, быстро, как волшебники. Они уже сняли два ряда проволочного ограждения и легли в проходе, пропуская нас вперед. Зашуршала, задвигалась змейкой наша группа, продвигаясь в глубину гитлеровской обороны. Обошли пулемет с тыла. Вползли в лес, а потом в сероватом утреннем рассвете пошли в рост между соснами. Мы — в масках, как привидения.

— Пароль! Вер ист да? — кричит немец. В ответ летят наши гранаты. Мы наваливаемся на пулеметный расчет. Один гитлеровец лежит раненый, другой поднимается с гранатой в руке. Анистратов в одно мгновение вырывает у немца гранату и бросает ее в траншею противника. Подбегают Ложко, Голубь, Семибратов. Немцы отчаянно сопротивляются. Мы тащим их буквально волоком — за руки, за шиворот. А в это время группа бойцов Кузнецова продолжает бой в траншеях, сдерживая немцев, обеспечивая нам благополучный отход с пленными.

Когда мы притащили немцев к нашей обороне, противник опомнился и открыл огонь. И тут мы заметили, что нет Кузнецова. Бойцы видели, как младший лейтенант вышел с боем из траншей и вместе со всеми прошел минное поле. Где же Кузнецов?

Мы побежали назад. Нашли Кузнецова под кустом, недалеко от минного поля. Он затыкал на ноге жгут, пытаясь остановить хлеставшую кровь. С воем проносились мины. Мы положили взводного на плащ-палатку и поползли к своей обороне.

Наконец мы в наших траншеях. Подтянулись группы прикрытия с капитаном Печенежским. Собрались все, кто действовал в операции. Здесь же и бойцы пехоты.

— Ну и рыжих вы поймали!

— Всем «языкам» «языки»!

У обоих гитлеровцев вся грудь в крестах и орденах. Один из них ефрейтор, другой — обер-ефрейтор. Немецкие верзилы озираются по сторонам.

— И как это вы, щупленькие, таких здоровенных фрицев вытащили! — удивляется пехота.

Не задерживаемся в траншеях, спешим скорее домой. У всех настроение великолепное. Капитан Печенежский звонит командиру полка: «Задание выполнено! Взяли двух великанов». Озерский приказывает: «Командиры и группа захвата, немедленно ко мне!» Навстречу нам уже спешат две подводы. На одну из них положили Кузнецова, на другую — «языков».

На небе ни облачка. Солнце. Опьяняюще пахнет цветущая долина. Проходим через сожженную деревеньку, вернее хутор. Останавливаемся возле кустов жасмина. Рвем цветы огромными охапками, — для чего, и сами не знаем.

Это успех боевой операции так опьяняет. Мы счастливы, что задание командования выполнено.

В землянке — подполковник Озерский, переводчица Минна Абрамовна Малая, майор Орлов, Анистратов. Перед ними на табуретках сидят гитлеровские гренадеры в крестах. Один из них, огненно-рыжий и веснушчатый, из высокопоставленного семейства.

Подполковник, заметив меня, кричит:

— Пять суток гауптвахты!

— Есть, пять суток! — радостно отвечаю я и блаженно улыбаюсь.

Озерский и сам улыбается:

— А за смелость представляю вас, Аверичева, к ордену Красного Знамени!

Минна Абрамовна, чтобы сбить спесь с немца, говорит:

— Вот эта женщина взяла вас в плен!

Рыжий пробует шутить:

— О, я очень рад, что меня русская женщина пленила.

А глаза у него пустые, холодные, с выгоревшими ресницами.

Пришла в роту и стала готовиться к гауптвахте. Капитан Печенежский смеется: «Да пошутил командир полка, а ты поверила!» Ребята развесили мокрую одежду, обувь на кустах и уже похрапывают. Я перевязала раны, лежу под кустиком на плащ-палатке за дневником. Клонит ко сну. Но не тут-то было: зовет капитан Печенежский. Натягиваю на себя еще не просохшее обмундирование. Ординарец командира полка Сокоиков привел трех лошадей. Анистратова, Ахмедвалиева и меня посылают на дивизионный слет разведчиков.

19-е июня.

Когда мы подъехали к месту сбора, работа слета уже была в разгаре. На поляне волновалась, шумела, колыхалась большая толпа бойцов, а в середине шла, на первый взгляд, непонятная борьба. Кто-то кого-то поймал и тащил волоком. «Что это за куча мала?» — спросили мы у ездового, который подбежал к нам, чтобы взять лошадей. Оказывается, это командир дивизии проводит с разведчиками занятие по блокированию дзотов и захвату пленных. Ездовой с удовольствием поясняет: «Видите, видите, вот товарищ Турьев самолично ползут на пулеметную точку!»

Группа разведчиков, извиваясь змейкой, ползет меж кустами. Я узнаю друзей из дивизионной разведки. Яков Ивченко, Владимир Чистяков, Дмитрий Ершов, Иван Самохвалов, Иван Козырев... А впереди разведчиков Турьев. Несмотря на свою огромную фигуру, он передвигался по-пластунски с такой быстротой, что позавидуешь. Бросок!.. «Языку» — кляп в рот... Тащит... Крики, смех!

После практических занятий разведчики разместились на лужайке. Заместитель по политчасти командира дивизии Смирнов рассказывает о положении дел на фронтах. Наша армия теснит немецких захватчиков. Недолго и нам стоять в обороне. Скоро двинемся вперед, на запад.

В связи с будущим наступлением на нашем участке фронта Турьев поставил задачу перед разведчиками: активизировать боевые разведывательные действия наблюдением, силовой разведкой, захватом контрольных пленных, чтобы точно знать силу и замыслы врага.

Комдив сообщает о проведении удачной боевой операции нашей ротой, специалистами бесшумной блокировки дзотов. От пленных получены интересные сведения. Затем полковник предоставляет слово Анистратову, который толково, с юмором рассказал о ходе операции.

В перерыве наскоро поговорила с Володией Чистяковым и Янкой Ивченко. У них новый командир роты, капитан Шагурин. Ярославец. А Яков — помкомроты, получил орден и повышение в звании. «Як кажутъ — пишлы наши в гору: батка повисывся, а я одиррався», — шутит уже не младший, а старший лейтенант Ивченко. Полковник Турьев разобрался в истории с операцией у смолокурки под Песчивой и вернул Ивченко в роту. Узнала от разведчиков, что Васильев тоже здорово воюет. Он — капитан, командир взвода пешей разведки 1350 полка — за выполнение боевой операции награжден орденом Отечественной войны. Ребята показали мне номер газеты «За Отчизну», где красными

буквами написано: «Слава отважным разведчикам-автоматчикам, выполнившим задание на «отлично»!

Домой возвращались проселочными дорогами. Сегодня не надо спешить. Все равно рота отдыхает. Анистратов ни с того ни с сего нахмурился, помрачнел. Мубарак Ахмедвалиев напевает мне на своем языке песенку. Слов я не понимаю, но что-то тревожит меня в этом восточном напеве.

А в роте у нас гости. Командир полка Озерский, замполит майор Орлов, парторг капитан Панов. Они пришли, чтобы поздравить нас с победой, просто побыть с нами в этот вечер, как выразился Орлов. Командир полка сообщил, что из штаба армии пришел ответ на рапорт Анистратова о переводе его в механизированные войска. Эта весть взволновала не только нас, но и самого лейтенанта. Он притих, задумался. А тут еще советы командира полка.

— Вот так, вдруг, бросить своих боевых друзей, у которых завоевал уважение... Не советую! — убедительно говорил подполковник. — Предлагаю рапорт отозвать...

Из политотдела дивизии приехала бригада артистов. Гармонист развел меха. Пришли девушки из санчасти. Началось веселье. Я растанцевалась до того, что у меня слетел с ноги мой пудовый сапожище и чуть не убил гармониста. Подполковник приказал сшить мне новые хромовые сапоги, как у многих девушек нашего полка. Блеск! Скоро буду щеголять в мягких сапожках. А то мои, кирзовые, драные, совсем скособоились.

В конце вечера узнаем: Озерский все же убедил лейтенанта не покидать полк. Назначил его на должность офицера разведки полка, то есть ПНШ полка по разведке.

9-е июля.

Переселились на новое место жительства, совсем недалеко от переднего края. Живем в землянках, расположенных в оврагах. Анистратов переселился в штаб полка. Парторг Хакимов в медсанбате, и функции парторга временно возложены на меня.

Жизнь идет по-прежнему. Ведем ежедневные поиски и наблюдение.

Получили письмо от Алексея Ушанова. Я, хоть и не застала его в роте, но все о нем знаю по рассказам ребят. Он вернулся домой из госпиталя в тяжелом состоянии. Контузия и ранение сделали свое дело: систематические припадки выматывают последние силы. Он не работает, а жизнь трудная.

Написали мы Алеше дружеское письмо, собрали немного денег в роте и послали. Кроме того, обратились с письмом в Костромской военкомат с просьбой помочь отважному разведчику, нашему боевому другу и товарищу Алексею

Ниловичу Ушанову.

20-е июля.

Нет давно писем от родных. Отчего они упорно молчат? Что с ними? Не случилось ли что-нибудь нехорошее?.. Жив ли Лорш? А Людмила хоть и редко пишет, но как согревают ее письма!

22-е июля.

Нам вручали правительственные награды за операцию под деревней Сидибо-Никольской. Командир полка Озерский так расчувствовался, что после ордена Красного Знамени передал мне собственный кинжал с перламутровыми накладками на рукоятке и ножнах. Потом он горячо говорил о том, как верит нам, бойцам-автоматчикам, и как надеется на нас командование полка. Мне кажется, я всю жизнь буду в долгу перед нашей Родиной и партией. Мы теперь только и думаем, <ем и как оправдать это огромное доверие.

Вот уже который день стоит отчаянная жара, а мы: вое дело продолжаем.

Долгим наблюдением установили, что у гитлеровцев днем, особенно в середине дня, оборона ослабевает.

В траншеях остаются один-два солдата, остальные куда-то исчезают — очевидно, укрываются от солнца. В траншеях никакого движения. Командование решило провести операцию именно в это время, когда гитлеровцы никак не ожидают нападения. Ночью саперы Ахмедвалиев и Коробков сделали проходы в минном поле, а утром мы залегли на опушке леса. Капитан Печенежский сам наблюдает с высокой сосны: в обороне противника все тихо, все по-прежнему — никаких изменений.

Ровно в два часа дня наша группа захвата, состоящая из девяти разведчиков во главе с младшим лейтенантом Постниковым, в пятнистых масках поползла по открытому полю к траншеям противника. Жаркий июльский день. В знойном воздухе ни единого звука, лишь слышится над нами шелест нескошенной травы да наше тяжелое дыхание. Вползаем в траншею, скатываемся один за другим. Тихо крадемся по траншее. За выступом, около пулемета, дремлет немецкий солдат в каске, низко опустив голову, а вокруг ни души.

Коробков и Постников подбираются к пулеметчику. Прыжок, и гитлеровец в сильных руках Коробкова. «А-а-а-а! — дикий, нечеловеческий крик немца пронзает тишину. Раздался какой-то странный взрыв. Коробкову залепило грязью все лицо. Вместо гитлеровца он держит в руках его каску, а самого пулеметчика отнесло в нашу сторону с разможенной головой. Плошкин выхватывает у него из карманов документы, еще какие-то вещи. Начался бой. Немцы, вероятно, приняли нас за большую боевую

единицу. Бьют пулеметы и автоматы, летят гранаты. Но фрицы на сближение не идут.

— Урра, товарищи! Бей фашистов! — рванулся вперед Постников, а за ним Ложко, Ищенко, Плошкин. Забросав противотанковыми гранатами дзот, они врываются туда. Клубящийся дым. Дикие вопли немцев.

Одна за другой взлетают белые ракеты над нашей обороной. Это капитан Печенежский подает тревожные сигналы на отход. Но выйти не просто. Гитлеровцы наседают снова.

— Ребята, выходи! — кричит Коробков. — Я вас прикрою!

Он залег в траншее и бьет вдоль хода сообщения из немецкого пулемета по наступающим немцам. В это время ударила наша артиллерия. Гитлеровцы на минуту притихли, попятились. Эта минута дает нам возможность, поливая немцев огнем из автоматов, отойти без потерь и с трофеями. Мы тащим пулемет, автоматы.

А немец колотит изо всех сил. Из-за девяти человек открывает такой огонь, что вся земля ходуном ходит. Рассвирепевший враг бьет без цели, по нейтральной, а мы уже в расположении нашего пехотного полка, почти у дома.

Когда огонь утих и возбуждение боя прошло, мы загрузили: «языка» не взяли! Пехотинцы нас успокаивают: вы большое дело сделали. Но нам идти домой не хочется. А когда вернулись в роту, ахнули. Среди автоматчиков замполит полка Орлов. Рассказывает, как дерзко действовала наша группа. Оказывается, они с командиром полка Озерским наблюдали с НП весь ход боя. Это они, заметив в глубине немецкой обороны подход свежих гитлеровских подразделений, вызвали огонь нашей артиллерии. Разведчики-артиллеристы засекли целый ряд новых огневых точек врага, а взятые нами документы подтвердили, что к прежней воинской части прибавилась новая часть, до сих пор не известная нашему командованию.

24-е июля.

Полк ведет напряженные бои. Сегодня в ночь действовали первый батальон и четвертая стрелковая рота второго батальона. Бойцы ворвались в траншеи противника под Седибо-Никольским, но удержать занятые позиции не смогли и отошли с большими потерями.

Мы работаем ежедневно. Ротой командует лейтенант Питайло — высокий, стройный украинец. Капитан Печенежский заболел, лежит в медсанбате.

На партсобрании Панов объявил о моем назначении парторгом роты.

6-е августа.

Сегодня получила письмо от сестры. Маруся пишет, чтоб я приехала отдохнуть. Сейчас не время об этом думать. Сегодня по радио сообщили: взяты Орел и Белгород. Отдохнем после войны.

Читая письмо, я вдруг вспомнила, как моя сестричка заплакала, увидев меня, пришедшую с завода, грязную, всю в масле... Ей стало жалко меня, а я была тогда очень счастлива. С тех пор мы никогда с ней больше не встречались. А сейчас она волнуется, оплакивает мою судьбу из-за того, что я на фронте... Не надо, сестричка. Я— счастлива! Спасибо тебе за письмо.

8-е августа.

У гитлеровцев в обороне оживление. Что это? Прибытие новых войск? Подготовка к наступлению, передислокация или это игра, чтоб нас обмануть?

Уже который день мы ведем наблюдение. Строим планы, как нам пробраться через укрепления противника, пройти к ним в тыл. Иногда мы так размечаемся, что простой рядовой «язык» нам уже не нужен. Генерала подавай! Да еще с планшетом! А в нем оперативные планы и карты.

В стереотрубу видим ряды проволочного заграждения. Они идут вдоль обороны противника, прерываются около лощины. А лощина глубокая, длинная — ведет к самой обороне немцев и, видимо, не простреливается. Пулеметы с правого и левого флангов, пожалуй, не возьмут ее. Она конечно же заминирована, но наши саперы обещают провести нас по лощине. Итак, лощина — единственная возможность для осуществления нашего плана.

Мы выбрали восемь автоматчиков-добровольцев. ПНШ разведки полка капитан (уже капитан!) Анистратов доложил подполковнику Озерскому о наших замыслах. Командир полка вызывает нашу восьмерку к себе на КП.

— Что ж, инициативу одобряю! — сказал подполковник. — Но в тыл к немцам отпустить вас не могу, не время. Да на нашем участке фронта сейчас и не пройти. Надо реально смотреть на вещи. Не могу я зря рисковать своими бойцами, а вот взять «языка» с линии обороны— это сейчас наиважнейшая задача всего полка. Ясно? Действуйте!

И вот мы действуем. Впереди идет Постников. Он недавно окончил школу младших лейтенантов, и сейчас для него не существует на свете преград. Капитан Анистратов передает последнее приказание: «Всю операцию закончить до четырех утра. Не уложите к этому времени, возвращайтесь. Это приказ командира полка».

Капитан волнуется. Его волнение понятно. Сегодня впервые он остается в обороне, а нас отправляет на задание. Он очень изменился. Подобрел, что ли. Заботился, как бы я не отстала,

помогал. Сверили часы. Меня мучает любопытство: почему именно в четыре часа утра надо закончить операцию? Перед тем, как покинуть уютные траншеи пехотинцев, Анистратов отзывает Постникова и меня в сторону и повторяет: «Так помните: в четыре вы должны быть здесь, иначе пехота пойдет в разведку боем и вы, если не вернетесь к этому времени, можете попасть в переплет, под огонь своих батарей».

Душный августовский вечер. Мы лежим в ложине. Ахмедвалиев и Коробков вступили в борьбу с минами. Нам понятно спокойствие гитлеровцев за ложину. Здесь такое множество мин, что до утра вряд ли удастся очистить проходы. А торопить саперов нельзя. Малейшее неверное движение — все взлетит на воздух. Ребята и сами понимают, что действовать нужно быстро. Вот мы движемся. Нет, снова остановка. В небе тарахтит «кукурузник». Со стороны немцев слышится скрип телег. Мы уже близко, почти рядом. Путь свободен! Вперед, скорей, скорей вперед! Заползли в какую-то узкую канаву, она становится все глубже. Вероятно, это отвод для стока воды. Начинает светать. Гитлеровцы кишмя-кишат. Подходят новые подразделения с повозками. Солдаты сгружают тяжелые ящики с боеприпасами, кричат:

— Шнэль! Шнэль!

Рассвет наступает с катастрофической быстротой, но нас спасает густой туман. По узкой канаве подползаем к обороне. Гитлеровцев здесь битком. Наверняка идет подготовка к наступлению. Как же быть? Необходимо предупредить командование. Но поздно — уже четыре часа. Постников отдает приказ:

— Ложко и Плошкин! Противотанковыми по повозкам! Остальные за мной!

В траншеях что-то невообразимое: вопли, крики, стоны. Все смешалось, кто-то уже тащит немца. «Отход!» — кричит Постников, строча из пулемета вдоль траншей. Мощно загремела наша артиллерия. Бежим по ложине в рост. «Осторожнее! — предупреждает Коробков, — не сворачивайте в сторону!»

Артиллерия бьет сильнее и сильнее. Слышится наше русское «урра». Это батальон силовой разведкой идет в бой. Они врываются в траншеи противника. Мы сидим в своей обороне, не можем дух перевести.

Туманное утро. Потянулись раненые, поддерживая друг друга. Говорят, что это была генеральная репетиция грядущего наступления. Пойманный гитлеровец обстоятельно отвечает на все вопросы.

Я заглядываю в землянку. Немец сидит на полу,

прислонившись спиной к стене, и монотонно напевает какую-то грустную песенку. Я прислушиваюсь к словам. Он повторяет одну и ту же фразу:

Майнэ киндер цу хаузе.
Ихь бин хир.
Майнэ фрау махэн зайтен шпрунг
Унд мир капут, —

что означает примерно следующее: «Мои дети дома, а я тут. Жена мне изменяет (дословно — скачет в сторону), а мне капут».

Трогательная помесь типично немецкой сентиментальности и фривольности.

Автоматчик из охраны спрашивает:

— Что этот акын поет?

Я перевожу. Солдат недобро усмехнулся:

— Ну этот-то теперь увидит свою фрау и своих киндер. Вот увидим ли мы, бабушка надвое гадала. А капут не ему, а Гитлеру.

Немец перестает петь, настороженно прислушивается и, услышав знакомые слова, с готовностью восклицает:

— Гитлер капут! Яволь, Гитлер капут!

11-е августа.

Всю ночь ползали с саперами. Они готовят путь пехоте. А мы охраняем их. Выдвигаемся к немецкой обороне, лежим на животах, ведем наблюдение. Фрицы нервничают, не спят. Боятся русского Ивана.

На рассвете возвращаемся в роту. На пути много раз ахаем: за ночь появилось столько нового вооружения! Стоят какие-то машины, закрытые брезентом. Над кузовами что-то высоко поднято. Ребята говорят, что это и есть гвардейская артиллерия, знаменитые эресы, русские катюши. Встречаем танки, много орудий. Несмотря на отчаянную усталость, мы ликуем: подготовочка солидная! Домой приходим веселые, возбужденные и, не дожидаясь завтрака, сваливаемся кто где, как убитые. Мы без сна и отдыха вторую неделю.

13-е августа.

Подготовка наших войск к наступлению, как видно, подходит к концу. Саперы продолжают проделывать проходы в немецкой обороне. Мы выдвигаемся в сделанные проходы, лежим почти рядом с немцами и наблюдаем за ними. На стороне нашей обороны все постепенно стихает. Притаился и фриц.

В роте нам дают немножко вздремнуть. Но вот: «Подъем!» Сегодня эта команда звучит значительно и торжественно. Никифоров разливает по котелкам суп. И кажется, что суп нынче

пахнет особенно вкусно. А гречневая каша — просто объедение!

Проверяем автоматы. Диски заполнены. Гранат достаточно. Где-то справа, у соседей, уже начинается артиллерийская подготовка.

— Собирайся! — кричит комроты Печенежский. Вскакиваем, и вперед — по взводам.

Мы почти бежим. Огромное поле. Всюду нарыты новые ячейки. Всюду радисты и связисты. Радисты-минометчики, радисты-артиллеристы, радисты других подразделений. Вдруг слышу: «Софья! Со-оня!» Останавливаюсь и вижу в ячейке среди радистов Лаврову:

— Валька!

— Сонька!

Мы обнимаемся.

— А по мне сейчас наш танк прошел — кричит Валюха. — Я пригнулась в ячейке, а он прошел прямо надо мной, раздавил на моей спине рацию. Вот ремонтируем. Мне теперь танки не страшны, я обкатанная!

Я ее целую, догоняю ребят, машу рукой. «Эй, пехота, не пыли!» — орет она вслед.

Звучит команда: «По траншеям! Далеко не расходиться!»

У пехотинцев сосредоточенные лица. Все они в полной боевой. Поздоровались. Пожилой солдат спокойно доедает кусок черного хлеба с сахаром. Увидев меня, подмигнул как-то лихо, одним глазом: «Здорово, дочка! Вот доедаю, чтоб немцев гнать было легче».

Впереди замаскированные танки приготовились к атаке. Артиллерийский гром у соседей усиливается. Внезапно откуда-то сзади вылетели наши бомбардировщики: один, другой, третий... Еще! Еще! Еще! С ними ястребочки. Небо наполняется громом моторов. Немецкие зенитчики встречают самолеты плотным огнем. Зашуршали эресы, завывли минометы, заговорила артиллерия на все голоса. Все это сливается в одну мощную симфонию, которая растет, ширится, зовет на подвиг, на бой за свободу и счастье.

Артиллерийский бог сотрясает землю. Немецкий передний край в дыму. А снаряды летят и летят через наши головы. Пятнадцать, двадцать, сорок пять минут! Огонь переносят в глубину обороны. Ожили, задвигались, заскрежетали наши танки и поползли вперед. В траншеях наступила торжественная тишина.

— Подготовиться к атаке! Вперед! — кричит наш капитан.

Ловко и легко выскакиваем из траншей на бруствер. Постепенно убыстряем шаг, близко прижимаясь к танкам. Впереди раздается: «За Родину, вперед! Урра! Товарищи!» «Ур-

ра!» — я кричу изо всех сил и бегу. Мощное «Ур-ра!» несется со всех сторон, переливается, ширится. Лишь на мгновение «ура» затихает, чтобы еще выше, еще звонче подняться. Как будто у всего наступления одно сердце, одни легкие, одно дыхание, как будто вместе с нами — земля, ликуя и радуясь, кричит победоносное «ура».

Оборона противника сломлена. В траншеях все выворочено. Трупы, трупы. В полуразрушенном фрицевском бункере забили три немецких солдата. Один из них с поднятыми руками глядит безумными глазами и повторяет: «Шаудерхавт! Шаудерхавт! (Ужас! Ужас! О катюша! Русиш катюша!)»

Полк устремился вперед. Мы прорвали вторую линию обороны, заняли Ломоносово, Отрю — вышли к противотанковому рву. Слева и справа поднимаются немецкие белые ракеты. Они с противным воем летят в нашу сторону. По полю поползли немецкие танки. Пехота залегла. Быстро сокращается расстояние между этими железными чудовищами и нами.

— Приготовить противотанковые гранаты! — кричит и выскакивает вперед командир полка Озерский. — Товарищи! Не отдадим земли, омытой кровью наших бойцов!..

Выдвинулась 45-миллиметровая артиллерия. Заработали противотанковые ружья. Вот уже горят три танка, четыре... Остальные повернули. Отходят!

— Вперед, товарищи! — кричит Озерский. Рядом с ним бежит его ординарец Соковиков. У него в руке котелок с кашей. Мы выбираемся на дорогу и попадаем под шквальный пулеметный огонь. Соковников нырнул в воронку, лег около меня на спину, котелок с кашей положил себе на живот. Пусть осколки попадают лучше в кашу, чем в живот.

Немец строчит, поднять головы невозможно. Залегли. Озерский впереди. Очередь. Ложко рванулся и лег впереди командира полка. Пуля пробила каску, ранила Ложко в голову. Много раненых, много убитых. Атака на противотанковый ров успеха не принесла. Туда ворвался штурмовой батальон, за ним наша рота, но под сплошным огнем мы отошли. Это просто огневой мешок.

Наступает вечер. Пехота окапывается, занимает временную оборону. Выносят раненых, убитых. Полк понес большие потери. Ночью под командованием капитана Анистратова ползем ко рву за языком. Немец обнаружил нас и встретил таким огнем, что мы едва выползли. Пришли с пустом. Наши танки заняли исходный рубеж.

14-е августа.

Второй день мы наступаем. В подразделениях с самого утра появились повара и старшины с супом, американской колбасой и водкой. Сегодня они щедрые. Ведь многих среди нас уже нет.

После завтрака выполняла поручение — разыскивала штурмовиков. Они расположились на стыке двух наших стрелковых батальонов. Наша рота действует сегодня вместе с ними.

По дороге видела Валюшу. Она стояла на крыше сарая и наблюдала за немцами в стереотрубу. Засекала огневые точки противника, корректировала огонь батарей. Вокруг сарая разворочена вся земля. Налет за налетом. Передала Валентине привет через ребят артиллеристов-разведчиков, которые, несмотря на страшнейший огонь противника, уютно расположились около сарая в сене и дремлют.

Немец бьет и бьет. После оглушительного налета услышала в кустах женские голоса. Подхожу и вижу: в шалаше из берез три девушки разливают из фляжек водку по консервным банкам. Увидели меня. «Пей!» — говорят. «Спасибо!» — отвечаю — не пью! Вы, по-моему, из штурмового батальона! Мне нужен ваш командир. Где он?» Одна из девушек показала рукой: «Там!»

Штурмовики встретили меня шумно, я передала командиру батальона приказ подполковника Озерского и — в обратный путь. Вскоре началась новая подготовка для атаки на противотанковый ров. Наша рота выдвинулась на исходный. Здесь уже окопались пехотинцы. Рядом петзеэровцы углубляли свой окоп. Мы дружно взялись за дело и вскоре стояли уже в глубокой траншее. Одни только штурмовики лежали на земле спокойно и беспечно, посмеиваясь над нами. Им было непонятно, зачем пот проливать. Все равно сейчас пойдем в наступление. И тут произошло страшное. Внезапно налетели немецкие самолеты. Мы кричим штурмовикам: «К нам, ребята, бегите к нам!» Но голоса наши тонут в разрывах бомб. Летят глыбы земли вместе с осколками, падают деревья. Земля под нами накалилась, она ворочается, как живая, тяжело дышит, стонет...

Потом, зверюги, стали бомбить вторые эшелоны полка. А по нашим рядам уже молотит артиллерия. Много убитых и раненых, особенно среди штурмовиков. Мы ползаем, подбираем раненых... Крики, стоны. Затаскиваем раненых в воронки и траншеи. А за нами ползает малюсенькая Женя-санитарка и в голос ревет, оказывая помощь своим бойцам. «Что ты голосишь?» — кричу я на нее. Она в ответ ругается и, разрывая гимнастерку бойца, причитает: «Бездушный ты человек! Хлопцы-то, хлопцы какие погибают!» Вытирает слезы рукавом гимнастерки, размазывая по лицу кровь и грязь.

Артиллерийский налет ослабевал. И вдруг раздался неподалеку, в окопчике петееэровцев, оглушительный взрыв. Рванулся в небо черный столб дыма. Прямое попадание. Мы подбежали и увидели окровавленные тела двух бойцов, а из окопчика поднялся растерзанный, совершенно седой человек. В его лице не было ни кровинки, но глаза жили! Эти глаза невозможно забыть. Мы подхватили бойца, он был легкий, как ребенок. Санитары положили его на носилки и понесли.

Все стихло. Тишина была ошеломляющей, как и только что пережитый ад. Немец, сорвав наше наступление, как видно, сам не думал идти в контратаку. Мы лежали молча, каждый думал о своем.

— Ну-ка, братва, подвинься! — Около нас появилась Женя. Она стояла маленькая, в огромных сапогах и каске. Рукава гимнастерки закатаны, лицо и руки в крови и грязи. — Дайте, черти, закурить! Затянулась, выпустила лихо дым. Ох, и испугалась я, аж штанишки мокрехоньки... Жаль хлопцев... Орлы! Не смотрите, что штрафные.

15-е августа.

Третий день наступления мы встретили на новом месте, которое отвели нашему полку.

С утра моросит дождь. Штаб уже прибыл со всем своим хозяйством. Связисты тянут линию, разматывают катушки. Что-то кричат радисты. Немец бьет, не переставая, довольно часто накрывая цели.

Нас встречают ПНШ-1 Борисов, начальник артполка майор Новиков, подходит майор Орлов. Появляется вслед за нами уцелевшая группа бойцов штурмового батальона. «А вот и штрафной батальон!» — произносит кто-то из автоматчиков.

— Отныне это не штрафной, а боевой батальон! — приветствует Орлов подходящих бойцов. Ребята на мгновение остановились, а потом с криком «Ур-ра!» начали подбрасывать Орлова вверх, несмотря на просьбы Орлова «отставить».

А немец бьет и бьет. Налетели фашистские бомбардировщики, началась бомбежка. Мы забрались в землянку, которую не так давно занимали немцы. Я сижу в углу за столиком и пишу, пишу. Через десять минут я пойду с группой в наблюдение, а остальные на проческу местности. Говорят, что здесь оставлены немецкие корректировщики.

Ну пока все. Допишу потом.

Вернулись во второй половине дня. Увидели около землянки белобрысого немца, окруженного бойцами нашей роты. Немец маленький, такой заморыш, в русском бушлате. Ресницы, брови белесые. Жадно глотает пищу из котелка. Ребята, перебивая друг

друга, рассказывают, что в лесу они обнаружили двух немецких радистов-корректировщиков. Один оказал сопротивление — пришлось ухлопать на месте, а другого с рацией привели сюда, посадили на крышу землянки: вызвал огонь, вот теперь сиди и любуйся своей работой. Немец дрожит от страха. Ревет! Сжалились ребята, дали ему бушлат.

Приехал комдив Турьев и сразу увидел заморыша в бушлате. Тот вскочил (видит, старшее начальство), вытянулся перед командиром дивизии. А Турьев разошелся: «Что за обмундирование! Разгильдяйство! В штрафную!» Еле-еле объяснили, что это пленный. Приказал немедленно доставить его в штадив.

Вечером разведка боем. Руководит операцией ПНШ-2 полка Борис Анистратов.

18-е августа.

Убит Борис Анистратов. Убит... Это все, что я могу сказать об этом страшном событии. Слова не идут.... Их нет. Да и нужны ли они? Мне кажется, что внутри у меня огромная черная пустота, и в ней все потонуло, растворилось — и слова, и мысли, и чувства...

25-е августа.

Большие потери понесла наша дивизия. Сейчас мы во втором эшелоне, кроме 1-го полка, который будет принимать участие в боях за освобождение от немецких оккупантов города Смоленска.

Я — в санчасти полка. В последней нашей атаке на противотанковый ров меня опять стукнуло в правую ногу. Сначала я даже боли не чувствовала, только что-то ожгло. Зашла в укрытие, вижу — кровь залила ногу. Забинтовала рану и никому не сказала, боялась расстаться с ротой. Но потом пришлось сознаться. Фаина Дмитриевна согласилась оставить меня дома, в санчасти. А рота наша рядом.

Обидно до отчаяния, что не мы, которые понесли большие потери и пробили ворота в немецкой обороне, действуем в дальнейшем наступлении на Смоленск.

26-е августа.

Анатолий Кузьмин — ярославский поэт, работник нашей дивизионной газеты «За отчизну» — принес стихи Константина Симонова «Хозяйка дома», отпечатанные на машинке. Стихи о нашей памяти, о том, что живые вечно будут помнить о погибших. Стихи о тех из нас, кто не вернется домой в День Победы, но будет по праву незримо присутствовать на празднике среди оставшихся в живых.

Да, это так и будет. Отдавшие жизнь за будущее своего народа, за будущее всего человечества останутся навсегда

живыми. Я в это твердо верю.

Рана моя почти зажила, и я снова в роте.

5-е сентября.

Мы по-прежнему во втором эшелоне. Сегодня ночевала у девочек в медсанбате. В двенадцать ночи их подняли. Начался поток раненых из полка. В шесть утра сбегала домой, в роту. Хлопцы еще спят. Вернулась в санбат, пошла в операционную, надела халат, белую косынку. Хотелось помочь медикам, которые от усталости едва держались на ногах. Но из этого мало что получилось. Я металась от одного раненого к другому. Прсят воды — бегу. Надо поддержать кого-нибудь — бросаюсь туда. Стонет — стараюсь успокоить. Хирурги действуют, как на поле боя. Сердце мое сжимается, за-закрываю глаза, когда летит в таз чья-то рука или нога.

Пришла домой, трещит голова. В ушах звук пилы по костям. В роте бойцы пишат надгробные дощечки. Анистратову, Сизову, Черемухину, Повалихину, Золотову. Они похоронены в деревне Разогреевой.

Не могу быть дома, не могу сидеть на месте. Взяла лошадь в конной разведке и поехала в санчасть. В овраге, около землянок, Тося Мишута чистит картофель. Увидела меня, обрадовалась. «Тосик, как живешь?» — «Дюже гарно! Слезай с коня, посиди со мной немножко». Смотрю на нее и не могу оторваться. До чего же она похорошела! Ее толстые пушистые косы красиво уложены на голове, глаза сияют. «Что это с тобой, Тосик? Тебя не узнаешь». — «Ой, Софья! Полюбила я...».

Да, любовь делает людей красивее, чище, добрее. Я это теперь хорошо знаю.

Наверху готовят памятники погибшим. А первый полк продолжает бой, начатый нашими полками. В столовой, под навесом, командиры изучают премудрости ведения боя в новых условиях.

Вдали слышится победный гул артиллерии. Над моей головой — самолеты. Это наши, мчатся на помощь наступающим войскам.

Час расплаты близок.

11-е сентября.

Второй день идет подготовка к маршу. Переезжаем в Вервице. Будем шагать по знакомым местам. Выпустили «боевой листок». Получила от Александры Дмитриевны Чудиновой письмо. Ответила ей сразу.

12-е сентября.

Вчера наш полк начал свой марш в 19–00. Прибыли в район Вервице в четыре утра.

22-е сентября.

В Вервище прожили десять дней, но совершенно не было времени, чтобы черкнуть хоть несколько слов. Сначала строили землянки, а затем ежедневно занимались боевой подготовкой. Роем траншеи, строим круговую оборону. Приходим домой до такой степени усталые, что сразу же засыпаем. С питанием опять неважно. Несколько дней получали болтушку из черной муки. Сегодня прибыло в полк пополнение, дали и нам несколько человек в роту. Не успели их приобщить к нашей жизни, как пришел приказ «На марш!»

Мимо нашего полка прошли дивизионные саперы, пэтээровцы, затем 1350-й полк. Потянулись бесконечные обозы штадива, артиллерии.

Ровно в два часа вышла наша рота автоматчиков. Дует холодный ветер, льет осенний дождь. Мы шагаем впереди полка. Несмотря на погоду, настроение у ребят бодрое.

Тошев идет сзади меня. Он все время что-то бормочет себе под нос, потом вдруг, неизвестно почему, начинает громко смеяться. Ребята спрашивают: «Что с тобой, Тошев?» Он, посмеиваясь: «Ничего». — «А чему ты смеешься?» — «Интэрэсна». — «Что интересно?» — «Все интэрэсна. — Он показывает рукой на изогнувшуюся длинную колонну дивизии: — Вот идут русска, узбека, украинца, чуваша, татарина — все вместе. И девушки тоже — Сонышка наша вместе. Идем одна большая колонна. Спим, едим — как одна семья, — все вместе, фашистов бьем вместе. Очень интэрэсна!»

Философия Тошева забавляет, но приходится всем по душе.

Вот уже прошли Грядозубово, Бердяево, Рудни, Канаши, Постоялики. Отдыхаем в Кирякине. Сейчас пойдем дальше. Говорят, на Велиж. Нас переводят в Четвертую ударную армию.

27-е сентября.

Множество событий произошло за эти пять дней. Вчера наши войска вошли в Смоленск, взят Рославль.

Вот как здорово!

Наша дивизия за прорыв Смоленских ворот и взятие станции Ломоносово получила почетное звание «Ломоносовской». Отныне мы есть 234-я Ломоносовская стрелковая дивизия. Мне, признаться, немножко обидно. Ведь нашу дивизию все называли Ярославской коммунистической. Ничего, я думаю, она будет и Ломоносовской, и Ярославской, и Коммунистической.

Лежу больная. Сейчас полегче, а была температура 39 с хвостиком. Голова еще кружится. Деревня, где я заболела, называется чудно: Конец.

Когда подходили к деревне, ребята шутили:

— Вот и конец нашим дорожным мукам!

И правда, все рады отдыху. Марш был очень трудным. Дорога отвратительная. Всюду болота. Мины. Шаг за шагом, по двое проходим минированные поля. В темноте слышится бесконечное: «Осторожно! Иди по дороге! На обочину не сворачивай!» Это саперы. Прошли благополучно полки с артиллерией, и все-таки сзади подрвался обоз дивизионных разведчиков. Говорят, была установлена трехъярусная мина. Люди падают от усталости. Но надо вперед, вперед, скорее вперед. За сутки прошли более сорока километров. Один боец умер на марше. Умер... Как-то необычно и странно — умереть не в бою, а от того, что не было сил у человека идти дальше.

Здесь, в этой деревне, в этой хате ровно шесть дней назад жили гитлеровцы, топтали землю, вот этот пол деревянный. Сидели на этих скамейках за этим столом, варили картофель в этих же чугунах. Мне кажется, что до сих пор в хате пахнет чем-то чужим. Фашисты здесь хозяйничали больше года. Наши люди скрывались в лесах. Сейчас они стекаются со всех сторон в деревню, к своим домам.

Радостно встречает нас население. Женщины плачут, обнимают бойцов, с удовольствием размещают нас в своих хатах. Угощают картошкой, молоком. Перебивая друг друга, рассказывают о гитлеровском разбое и произволе. Молодых угнали в Германию, многие скрывались в лесах. А кое-кто неплохо себя чувствовал и с немцами. В соседнем селе несколько девиц вышли замуж за немцев. Гитлеровцы венчались с ними даже в церкви и, отступая, некоторые прихватили «жен» с собой.

Моя хозяйка рассказывает: «А вчера пришли из Крутой селяне. Там немцы-то поубивали своих жен да побросали в колодец».

Хозяйка топит баню для роты, а я сижу на старом плетне. На воздухе чувствую себя лучше. По соседству — картофельное поле. Это поле было вспахано по приказу немецкого офицера для переводчицы. Она с ним и уехала беременная. Это мне рассказывает моя хозяйка. Из добротного соседнего дома на высокое крыльцо выскакивает тучный старик с бородой, в серой длинной рубаше без пояса. Он, багровея, кричит на старуху: «Паскуда! Вздумала у меня дрова таскать для своих ублюдков!» Старуха бросает ему под ноги охапку поленьев, что-то тихо шепчет, показывая в мою сторону. Старик заегозил: «Соседушка ты моя, так сразу бы и сказала, мол, для бойцов Красной Армии!..»

Он собирает дрова, поглядывая в мою сторону, потом с охапкой березовых дров бежит к бане.

— Топи, старуха, баню! Пусть моются спасители наши! Для бойцов Красной Армии ничего не жалко, рубашку последнюю сыму!..

От хозяйки я узнала, что этот старик для немцев тоже снимал свою рубаху.

28-е сентября.

Снятся какие-то кошмары. Будто у меня три раны и перевязывает меня Анна Тюканова цветными бинтами. Наверное, это из-за температуры, которая все-таки держится. Третьи сутки полк стоит в деревне Конец, а я третьи сутки отлеживаюсь на русской печи. А тут команда собираться. Идем дальше. Куда? На Запад! Путь у нас один.

Хозяйка покрикивает на своих ребятишек: «Скорей, скорей чистите картошку, надо накормить в дорожку гостей!» Сползаю с печи и чуть не падаю. «Ох, девка, куда ж ты пойдешь? На тебе лица нету!» Да, я еще не совсем здорова. Идет кровь носом. А идти надо. В восемь утра мы покинем Конец.

29-е сентября.

Двигались по маршруту: Конец, Крутое, Старое село, Заречье, Тивонцы, Проявино, Велиж.

Наконец-то кончился дождь. Моментально запылали костры. Сушим свою одежду, варим кашу. Слышится песня. Мы с Сашей Шестаковым хлопочем над «боевым листком».

30-е сентября.

Сегодня в двенадцать часов дня остановились в деревне Шлыково. Весь день отдыхаем. Провели партийное собрание роты по итогам марша, который продолжался почти двадцать дней.

1-е октября.

Я — часовой, неприкосновенное лицо. Самое трудное в армии, к чему я до сих пор не могу привыкнуть, это — посты. Вот и сейчас я забылась и стала напевать. Вышел из землянки ПНШ-1 Борисов: «На посту ни петь, ни разговаривать нельзя!»

Спустя десять минут я села на бревнышко и пишу, пока никто не видит.

А настроение у меня хорошее. Совсем недалеко до фронта. Скоро кончатся наши посты возле землянок.

Уже слышен артиллерийский гул. 83-й корпус 4-й Ударной Армии, в состав которой мы входим, прикрывает правый фланг фронта. Не сегодня, так завтра наша дивизия пойдет в наступление. Прямо с марша — в бой!

3-е октября.

Вчера был смотр боевых сил личного состава нашего полка. Бывалые солдаты, провоевавшие уже два с половиной года, чеканят шаг. С гордостью несут автоматы, пулеметы, уже

привычные солдатскому плечу.

Это красивое зрелище: шагает боевой полк. Каждое подразделение проходит со своей песней. В одном месте слышно: «Артиллеристы, точней прицел!» В другом:

Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваши жены?
Наши жены — пушки заряжены,
Вот где наши жены!

А моя родная рота с гиком, со свистом поет: «Как родная меня мать провожала!...»

Вместе со всеми с гордостью и волнением пою и я, и мне кажется, что меня тоже провожала мать в Советскую Армию.

Сегодня, в 18–00, на окраине села, в большом сарае было партийное собрание полка. Мы слушали доклад заместителя по политической части майора Орлова «Об итогах августовских боев и об итогах марша». Доклад звучит как героическая поэма.

— «Мы овладели крупными опорными пунктами Отря и Ломоносово, взяты пленные, уничтожено до трех тысяч гитлеровцев. Среди убитых обнаружен труп командира 332-го пехотного полка 197-й стрелковой дивизии полковника Рюдерера — палача, по чьему приказу казнена комсомолка Таня — Зоя Космодемьянская.

— Враг оказывал нам яростное сопротивление: авиация бомбила наши боевые порядки, противник бросил против нас танки и самоходную артиллерию. Но мужественно бились бойцы и командиры стрелковых батальонов. Рота автоматчиков со штурмовиками вырвалась вперед на пятнадцать километров, артиллеристы шли в боевых порядках пехоты. Они захватили пушки противника и повернули их на немцев. В это время подъехал на мотоцикле гитлеровский офицер и заорал: «Этого не может быть!»

— В атаке за опорный пункт Отря героически погиб комбат майор Сизов. Парторг старший лейтенант Ермолаев, заменив комбата, повел батальон дальше, но тоже погиб, сраженный пулеметной очередью. Погибли героями в бою комбат Черемухин со своим ординарцем и офицер разведки полка майор Анистратов...

— Товарищи! Земля обагрилась кровью лучших сынов нашей Родины, чтобы мы, живые, шли дальше, вперед и вперед!...»

После доклада майора Орлова выступали многие коммунисты. Они называли имена лучших из лучших, они клялись от собственного имени и от имени бойцов своих

подразделений сражаться до последней капли крови, пока бьются их сердца. Я слушала всех и страшно волновалась. Мне тоже хотелось выступить. Мысленно составила даже огромную речь, но выступить не решилась. Да и сказано было все веско и убедительно.

После собрания стояла на посту, а когда меня сменили, начала чистить картошку. Ребята разбрелись кто куда: одни отправились добывать дрова, другие на посты. Пришел из штаба младший лейтенант Цыбатов, вынул нож и начал мне помогать. Вдруг ни с того ни с сего он выпалил:

Откровенно говоря, мне хочется тебя поцеловать.

Я рассвирепела и орала на него как сумасшедшая, не стесняясь в выражениях. Он вскочил и пулей вылетел из хаты. И нож оставил. Вид у него был испуганный. Видно, и сам был не рад своей затее. Но я долго не могла успокоиться. Меня всю трясло от злости. Сейчас думаю: что это со мной? В прежнее время высмеяла бы я такого типа без лишней траты нервов. А в наше время, как видно, другие требования к человеку, другая мера его поступков.

Получен приказ: выходить в два часа ночи. Мы — автоматчики, группа в десять человек, — как всегда, двинулись первыми. С нами старший лейтенант Митин. Прошли восемнадцать километров. Остановились в лесу. На Лысой горе машина дивизионного клуба встречает нас музыкой. Давно мы не слышали музыки, сначала даже растерялись. Около машины стоит с огромным биноклем командир дивизии в окружении полковых командиров и штабных работников. Рассматривает свое войско. Турьев на голову выше всех офицеров.

В лесу шумно и весело. Бойцы раскладывают костры, строят шалаши. Старшины делят продукты. Рядом с нами устраиваются разведчики — одна молодежь, совсем мальчики, — потом комендантский взвод, штаб, командир полка, налево — рота связи, а дальше стрелковые батальоны и артиллерия. Больше всех довольны привалом лошади. Они крутят, размахивают хвостами, радостно фыркают и ржут.

К нам в роту пришел редактор дивизионной газеты «За Отчизну» старший лейтенант Зайцев. Вокруг пылающего костра собрались бойцы и командиры — автоматчики, пешие и конные разведчики. Из санчасти пришли капитан Трофимова, Тося Мишута и Томка Красавина. Мы горячо спорим, волнуемся, мечтаем о том дне, когда войне будет конец. Задумчивая Тося Мишута и командир связи Саша Гвоздецкий стоят рядом, прислонившись к толстой сосне. Освещенные пламенем костра, горят, переливаются бронзой и без того огненные волосы

Томки Красавиной. Весело булькает вода в котелках.

6-е октября.

Время мчится. Дел уйма. Мы идем к фронту Я успеваю делать свои записи только вкратце. Утром мы прибыли под д. Гниловатку. Здесь очень много войск. Мы никогда столько не видели. Каждый кустик занят. В десять часов утра началось наступление наших войск на город Невель.

Мы лежим под соснами на высокой круче в ожидании приказа, а внизу по большаку мощным потоком идут, грохоча, танки всех размеров. На танках автоматчики, вероятно десантники. Мы машем им руками, подходим близко, заглядываем в башни и окошечки танкистов. Встречаемся взглядами, весело киваем друг другу. Многие из этих ребят не вернутся к своим матерям и невестам. Может, это последние их улыбки. Но за ними останется освобожденная наша земля, наша Родина, которая на своих знаменах напишет их имена.

А танки идут и идут. Неожиданно среди десантников, на одном из танков, я увидела девушку. «Ребята, смотрите, девушка!» Автоматчики закричали и замахали руками, но девушка не обращает на нас никакого внимания. Гордая, красивая, сильная, стоит на левом борту танка, сжимая в руках автомат.

Вечером двинулись и мы, но не к переднему краю, а куда-то в сторону.

7-е октября.

Ночевали в кустах. Утром зуб на зуб не попадает. Только что узнали: немцев прогнали (без нас) на 25 километров. Взят город Невель. Нам же остается лишь догонять наши войска.

8-е октября.

Стояла на посту. Холодно. Осень! Я сегодня вела себя непростительно. Вступила в пререкание с командиром роты. До сих пор стыдно. Последнее время стал портиться мой характер. Хорошо, что при нашем разговоре никто не присутствовал.

Двинулись к передовой. У меня сразу поднялось настроение. К ночи зашли куда-то — и слева немцы, и справа — немцы. Сзади ракеты и впереди ракеты. Не поймешь, где же здесь оборона. Задача нашей дивизии — прикрыть оголенный фланг.

Перед рассветом под деревней Капустино фашисты встретили нас огнем. Они заняли оборону на окраине села, за озером. Гитлеровцы, очевидно, не предполагали, что за нами идет целый полк, и попытались обойти нас справа. Наши пулеметчики сходу открыли ответный огонь. Подошла батарея противотанкового дивизиона. Выкатили они свои «сорокопятки» на окраину деревни и ну лупить по немцам прямой наводкой.

— Огонь! — кричит командир дивизиона капитан Тороев. И сам бьет из орудия. Немцы не выдерживают, выскакивают из траншей, в панике отступают к лесу. Но и здесь их застигает огонь наших батарей.

— За Родину! За Сталина! Огонь! — командует Тороев. Снаряды ложатся с удивительной точностью.

Пехота заняла оборону, а мы вошли в одну из хат, расположенную на окраине. Здесь тепло. Вкусно пахнет тушеным мясом. Открыли печку, а там огромные чугуны с горячей бараниной. Это немцы приготовили завтрак, а поесть-то и не успели. Мы уплетаем за обе щеки. Не успеваем поесть — команда: «Выходи!»

И снова шагаем.

9-е октября.

Из района Вервище — Велиж — Невель дивизия вышла в район деревень Прудок и Дорохи, Витебской области. Мы остановились у деревни Морозово. Наша пехота занимает оборону. На высоте, крутой и голой, как шар, весь день копали траншеи.

К вечеру немец засек нас. Бил из всех видов артиллерии и минометов. Бомбили правый фланг нашего переднего края обороны. На этой высоте еще недавно размещался немецкий штаб армии. Под землей выстроены помещения, каждое в несколько комнат, со всеми удобствами: с водопроводом и канализацией, с ванными комнатами. Паркетные полы, кафель в ванных комнатах, пышная мебель. С комфортом обставляли свой быт гитлеровские генералы. А строилось все это руками русских, украинцев, поляков. Их гнали сюда, как рабов. У входа в каждый такой дом написано: «Фюр руссише швайн ферботен». Даже на клозете — единственном сооружении на поверхности земли черной краской намалевано то же самое: «Русским свиньям вход воспрещен».

10-е октября.

С утра немец методично бьет и бьет из минометов. Гитлеровцы второй день бомбят передний край. Жизнь наша входит в привычную колею: всю ночь ползаем от болота к болоту под командованием лейтенанта Питайло. Вернулись домой, а в деревушке нашей оживленно. Приехали полковник Турьев, командующий артиллерией дивизии полковник Золотарев, командиры полков и другие офицеры. Предполагается, очевидно, какая-нибудь «игрушка». А еще раньше приехал на машине полковник-артиллерист из штаба армии. С ним произошло неприятное происшествие. Наши автоматчики Ищенко и Михайлов стояли на посту. Видят — мчится машина неизвестной марки. «Стой! Стой! — кричат ребята. — Стрелять будем!» Бьют

из автоматов в воздух. Машина, не останавливаясь, мчится. Ребятам показалось это подозрительным, и они дали очередь по задним колесам машины. Запищали шины. Из машины выскочил полковник. «Ох и ругался же!» — рассказывают ребята.

Ищенко и Михайлова вызвали к командиру полка. Все были уверены в том, что ребята поступили правильно, но все-таки обидели начальство. К общей радости, командир дивизии вместо ожидаемой взбучки вынес ребятам благодарность за отличное несение боевой службы.

Пролетают то наши, то немецкие самолеты. Начался воздушный бой. Мы с волнением следили за этим поединком. Радисты дают мне послушать по рации. Все смешалось: вой, шум моторов, голоса наших летчиков с крепчайшими русскими словечками переплетаются с немецкой речью.

Камнем падают два дымящихся самолета со свастикой. От одного отделяется парашютист и опускается где-то за лесом. Досадно, что немец упал не на территории нашей дивизии.

Я получила посылку из театра. В ней зубной порошок, духи, одеколон, две коробки пудры и кусок туалетного мыла. Наодеколонилась вся рота. Ребята даже носы напудрили. «Немцы нас сегодня почувствуют на расстоянии».

Ребята спят, а я выпалась, сижу у наших соседей во взводе саперов. Сапер Мышкин запекает свою любимую: «Там, где пехота не пройдет, пройдут отважные саперы». Старшина приглашает всех к столу. Горячая, рассыпчатая картошка обжигает рот.

12-е октября.

Наша солдатская догадка о том, что готовится «игрушка», оправдалась. Перед дивизией поставлена задача занять три населенных пункта. Этот участок обороны нам уже хорошо знаком. Каждую ночь мы ползаем в наблюдение. Противник находится на рубеже Дорохи — Прудок. Здесь у него линия обороны построена наспех. Но враг занимает наивыгоднейшие позиции: сидит на высоченной лесистой горе, хорошо замаскированной сосновым лесом, а нам придется преодолевать болото и топь.

Задача нашего полка овладеть деревней Дорохи и выйти на большак.

Утро холодное. Дождь. После небольшой артподготовки полк пошел вперед. Батальоны уже впереди на правом и левом флангах. Но через болото гитлеровские пулеметчики и снайперы не пускают. Бойцы рвутся вперед, но, сраженные пулями, один за другим падают. Мы лежим на этом проклятом болоте, как на ладошке. Окопаться нельзя. Копнешь лопаткой — вода.

Справа залегли бойцы 2-го батальона. Командир полка

Озерский с офицерами недалеко от нас, в кустах. Он приказывает заместителю по строевой майору Парилкову всех подтянуть и вести на левый фланг в помощь 1-му батальону. Но огонь такой плотный, что подняться бойцы не могут. Тяжело ранен комбат-2 капитан Гарбузов. Разрывная пуля попала в брюшную полость. Бойцы и автоматчики выносят раненых и убитых в безопасное место. У медицины нет времени вздохнуть. Санинструктор Петяриков уже который раз выползает из-под огня с ранеными. Петяриков, огромный и сильный, с орденами Ленина и Красной Звезды, весь в поту и крови, только что вытащил пожилого солдата на спине. Вот он снова ползет через открытую поляну. Он заметил: упал солдат. Я вижу, как Петяриков встает, бросается к солдату, но тут же хватается за грудь и тяжело оседает. На помощь ползут Саша — фельдшер санчасти и наш ротный повар Никифоров. Сегодня и он в бою. Они оттащили Петярикова в кусты, перевязывают рану. «Конец мне, конец», — шепчет он. А кровь бьет фонтаном. «Жинке напишите в Ярославль, на «Красный Перекоп», что, мол, супруг твой в бою не трусил... ну и все такое...».

К Саше (на смену Петярикову) подбежала Томка Красавина. Вокруг пули — дзинь, дзинь, а ей вроде и не страшно. «Всюду раненые... с кого же начать?» — говорит она и вот уже бежит по открытой поляне. Никто не успевает ее остановить. Томка падает на том самом месте, где только что лежал Петяриков. Убита?.. Она медленно поднимается. «Ложись! Ложись!» — закричали ребята, а Томка все стоит на коленях посредине поляны, виновато улыбаясь. Рука повисла. На гимнастерке у плеча расплзается багровое пятно.

Наступление захлебнулось. Надо отходить, а связь с пехотой прервана, и судьба стрелкового батальона неизвестна. Командир полка приказывает капитану Печенежскому немедленно послать автоматчиков в батальон. Добровольцев много. Кого пошлет Печенежский? У каждого бойца есть семья, мать, а по мне плакать некому — поползу-ка я. У меня созрел план: недалеко канава. По ней можно добраться вплоть до деревни Дорохи. Ребята ползут за мной, требуют, чтобы я вернулась. Тогда я рванулась с места и бежала до тех пор, пока они от меня не отстали. Добежала до канавы, залегла под бруствер. Свистят со всех сторон пули. Через бруствер перекатываюсь в грязную, вонючую жижу оросительного канала. Теперь пули не страшны. Высокий бруствер закрывает меня от снайперов и пулеметчиков. Я крепко подоткнула полы шинели за пояс и пошла по грудь в воде. Пули тонко свистят над головой. Кажется, что ты одна в целом мире. Грязь облепила, сковывает, не дает идти. Пот льет ручьем. И вот, когда я уже

почти выбилась из сил, прямо надо мной раздался тихий оклик: «Стой! Кто здесь?» Над бруствером ствол станкового пулемета. Штыки преградили путь. «Товарищи, мне нужен ваш комбат!» — обрадовалась я, но голос пропищал так жалобно, что самой стало неловко. «Иди дальше, да тише. Здесь фриц рядом».

Через некоторое время услышала новый окрик: «Кто там барахтается? Не двигайся! С ума сошла?» Это был комбат Белошицкий. Он лежал за станковым пулеметом, а рядом с ним зам. командира полка по строевой майор Парилов, старший лейтенант Митин, а в стороне раненый радист с разбитой рацией. Я передала приказ подполковника Озерского, чтобы батальон немедленно начал отход. Но уходить невозможно: местность открытая, вся простреливается противником.

— Идите обратно и как можно скорее! — приказал майор Парилов. — Передайте Озерскому: отход начнем, как стемнеет. Пусть артиллерия даст вон по той группе сосен, видите? Там снайперы и пулеметчики, они житья не дают, а мы боеприпасы бережем на случай контратаки противника... Действуйте!

Вылезла я из канавы и поползла по-пластунски. Лучше пуля, чем вонючая жижа. Всюду под кустами лежали бойцы. Среди них раненые и убитые. «Пить! Пить!» — стонал один раненый. «Сестра, сестрица! — просит другой. — А, подлюга, своего ищешь!» Я поползла к нему.

«Не двигайся, не двигайся! — закричали бойцы. — Здесь фриц не шутит». И действительно, тут же засвистели пули.

Я поползла дальше. И доползла! КП полка к этому времени перевели на ближайшую высоту, откуда хорошо просматривалась вся оборона противника. Ранен командир полка Озерский. Я передала просьбу майора Парилова и комбата Белошицкого. Артиллеристы сделали точный налет по указанному ориентиру — группе сосен.

Подразделения 1350 полка (правый наш сосед) предприняли новую попытку вышибить противника с опорного рубежа. Рядом стереотруба. Артиллеристы дают мне взглянуть в нее. Я вижу (как в кино): бойцы ползут к пулеметным точкам противника. Вот трое бойцов почти вплотную подползли к пулемету, но немцы бросают гранаты. За ними ползут другие бойцы, поднимаются, бросаются вперед... и падают.

Артиллеристы дали по немцам семь снарядов, и все. Отдувайся одна пехота.

...Начался отход наших батальонов.

Я промокла до костей, одежда от грязи заскорузла. Дрожу от холода. Добралась до землянок. Но наша землянка не оборудована, в ней нет даже печки. Костра же на улице разжечь

нельзя. Комроты посылает меня в землянку к артиллеристам. Там тепло. Артиллеристы прямо-таки растрогали меня своей заботой.

Расположились они на высоте, в том самом комфортабельном подземном особняке. Нашли баки, нагрели воды и в ванной комнате «создали все условия». Выкупалась на славу. Наш ротный старшина принес сухое белье и шинель. Остальное я выстирала и повесила около горячей голландской печки. Артиллеристы накормили меня щами и предоставили топчан в углу, за печкой. Сейчас я в свитре, лыжных брюках, сижу за столом у гасика. Уже четыре утра. Все спят, а мне никак не заснуть. Перед глазами Томка Красавина с виноватой детской улыбкой и алым пятном на плече. Я ее больше никогда не увижу.

Сейчас, когда я записала обо всем происшедшем, мне стало как будто легче. Напишу несколько писем и постараюсь уснуть.

13-е октября.

Наше наступление пока приостановилось. Ранены Белошицкий и Борисов. Говорят, что Петяриков и Томка живы, а Гарбузов в очень тяжелом состоянии — полостное ранение разрывной.

Стрелковые батальоны заняли оборону, а мы опять наблюдаем. Ползаем через оросительные каналы к немецкой проволоке и оттуда наблюдаем.

14-е октября.

Вечереет. Мы возвращаемся домой. Встречаем связистов с катушками. «Ребята, слышали? Убита Тося Мишута. Сейчас там похороны». Перехватило дыхание... Мчусь туда.

Над высотой спускаются сумерки. Меж одиноких уцелевших сосен выстроились солдаты и офицеры. Перед ними лежат боевые друзья. На левом фланге сестра, сестричка, старшина медицинской службы, член партии Тося Мишута.

Траурный митинг открыл майор Орлов. «Сегодня мы провожаем в последний путь товарищей по оружию». Я почти не слушаю. Я глотаю слезы. Утром она говорила со мной. «Ох, Софья, сон я видела, как будто мне отрезали косы... Так жалко было кос». А мы с капитаном Гвоздицким смеялись. «Да, Тосик, это будет для тебя, да и для всего полка, самое большое горе, если отрежут твои чудесные косы...» Тося убита осколком снаряда в висок. На голове белоснежная повязка.

— Слово предоставляется...

Я долгу молчу: мне не хватает слов и не хватает дыхания.

— Мы прибыли с Тосей Мишута на фронт в одном эшелоне. Тося обладала большой притягательной силой, доброй и чистой душой. Мы, девушки, стремились к ней... Тося была любимицей полка...

— Ой, Тосик, мой любимый! — застонал Сашко.
— Мы клянемся: отомстим за вас, боевые друзья!
— Клянемся!

Вверх поднялись, застрочили автоматы. Ветер шумит в соснах. Спокойно лежат бойцы, а на левом фланге — лучшая из лучших девушек нашей дивизии Тося Мишута. Руки по швам, как положено солдату в строю. На гимнастерке с белоснежным подворотничком ни единой складки. На груди — золотые пушистые косы, по которым пробегает ветерок.

20-е октября.

По вызову полковника Турьева пробираемся в осенней темноте на лошадях. Освещаем дорогу карманными фонариками. В штабе дивизии сегодня отмечают вторую годовщину нашей дивизии.

За длинным столом, тесно прижавшись друг к другу, сидят представители всех подразделений дивизии. Полковник Турьев коротко подводит итоги пути Ярославской коммунистической, отныне Ломоносовской 234-й стрелковой дивизии.

— Вечная память и вечная слава погибшим товарищам!

Минута молчания. Обветренные суровые лица. За эту минуту каждый вспомнил свой путь, боевой путь дивизии, вспомнил своих друзей, не вернувшихся из боя.

— За окончательную победу над врагом! — нарушает печальную тишину командир дивизии. И сразу становится шумно. Кто-то вложил мне в ладонь маленький конвертик треугольником. Письмо от Лавровой. Как бьется сердце! Уж не случилось ли беды с Валентиной.

«Здравствуй, Софья! У нас в семье большое горе. Погиб мой старший брат Михаил. Мне очень тяжело. Я хочу в бой, чтобы мстить проклятым фашистам. Софья, родная моя, посоветуй, как быть? Что толку в том, что я командир орудия? Мы, артиллеристы, шуруем снаряды, как кочегары, на расстоянии нескольких километров от врага. А я хочу видеть, как от моей пули гибнет фашист! Хочу видеть! Хочу мстить за своего брата, за своих боевых друзей, за горе народное! Только не успокаивай, что и я еще буду бить по Гитлеру прямой наводкой. Посоветуй, что делать? Жду ответа. Крепко целую. Твоя Валька. Только теперь, на расстоянии, поняла, как дорога ты мне...

Р. С. Не говоришь ли ты со своим командиром полка, чтобы меня вызвали к вам в роту автоматчиком. Жду ответа. Пиши скорее, а то я уйду в разведку 1340 с. п. Целую В. Лаврова».

21-е октября.

Приехал Анатолий Кузьмин из Ярославля. К сожалению, ничего путного о театре не мог рассказать. Ох, уж эти мне поэты!

Получила пять писем. Милое письмо от актрисы нашего театра Иры Моругиной, секретаря комсомольской организации. Она обижается, что я ничего не пишу о боевых делах своей роты. «Говорят, ты немецкий танк привела в свою часть, а мы ничего об этом не знаем». Ну и ну! Кому это пришло в голову приписать мне такой подвиг!

22-е октября.

Вызвали всю роту в штаб полка на собрание. А тут немецкие самолеты. Ранен Саша, наш разведчик, ленинградец. Вряд ли он будет жить. Осколок прошел через затылок в грудь.

— Ничего, ничего, ребята, я буду жить, — успокаивал он нас, — ведь я никогда не отставал, ребята, вы же это знаете... И сегодня я хотел пойти с вами... Жарко, как жарко! В правом кармане документы Кириллова... Мы вместе с ним собирались в разведку... Фу! Как жарко! Не хотелось мне идти сегодня на собрание, и вот как получилось...

Достали телегу. Бережно положили на нее Сашу. Лошадь тронула. Мы стояли, как вкопанные, смотрели вслед нашему товарищу, бойцу, совсем мальчику.

29-е октября.

Всю ночь не сводили глаз с немецкой обороны. В ночь на 27-е октября немец жег деревни. Зловещее зрелище. Деревни горели, как гигантские костры.

Наши батальоны совсем поредели. В одном около ста солдат, в другом и того меньше. К нам пришел новый командир полка, полковник Мошкин. Высокий, широкоплечий, пожилой человек. Лицо с оспинкой. Угрюмый, молчаливый. Говорят, у него погибла семья на оккупированной территории.

Мы не спим почти целую неделю. Сегодня ночью бродили с саперами, проделывали проходы в минном поле. Вернулись, хотели заснуть. Уже расположились в траншеях. Я завернулась с головой в плащ-палатку, надышала. Начала засыпать. Сквозь сон слышу нарастающий артиллерийский гул. Мы выскочили. Бьет наша артиллерия. Прибежал майор Парилов. «Автоматчики! Автоматчики! Куда же вы запропастились! Уже батальоны двинулись вперед!» Мы догоняем их. Еще недавно здесь нельзя было высунуть голову, немцы яростно били из пулеметов. Но наши артиллеристы так хорошо обработали немецкую оборону, что батальоны вступают без боя на высоту, которая еще вчера казалась недоступной. Здесь, на высоте, особенно ясно бывшее превосходство позиции противника.

За горой огромное гитлеровское кладбище. Мы еще не встречали таких кладбищ. Здесь несколько тысяч черных крестов. К кладбищу подходит офицер с палочкой. Узнаю в нем

начальника оперативного отдела штаба дивизии майора Малкова. Вдруг у него из-под ног что-то выскочило... Мина! Я зажмурила глаза. Мина с шипением взвилась и шлепнулась об землю. Открыла глаза. Майор Малков спокойно стоит около черного гитлеровского креста. Стакан мины выскочил, а мина не взорвалась.

— Да, Гитлер, зарился ты на нашу страну, шел за чужой землей, вот и получил ее сполна. Владей! — говорит майор.

— Так ведь за чем пойдешь, то и найдешь, говорится в русской пословице! — смеются бойцы.

Опять знакомые картины. На нашем пути деревни, сожженные дотла, торчат лишь печные трубы да черные обуглившиеся стены домов. И всюду мины, мины, мины. Кругом пусто, ни одной живой души. Лишь в деревне Борки мы встретили четырех женщин и девочку в лохмотьях. Увидев нас, они заплакали. «Ах, родные, пришли, пришли!» — приговаривала старушка. Она обняла и поцеловала нашего самого маленького, восемнадцатилетнего автоматчика Костычева: «Сынок, сынок, спаситель наш, родной!» Костычев даже растерялся.

Мы поделились с женщинами своими продуктами, посоветовали есть сначала небольшими порциями, а то недолго и до греха после такой голодухи. А сами двинулись дальше.

Разведчики, не дожидаясь саперов, пошли вперед и в лесу на дорожном настиле подорвались на минах. Ранены начальник разведполка, командир взвода и шесть разведчиков. Убит разведчик Кириллов — друг ленинградского Саши.

Прибежали саперы с миноискателями. Старший лейтенант Бухарцев обнаружил какую-то замысловатую мину. Не допустил саперов, приказал всем отойти дальше. Его подбросило выше берез. Мы подбежали к Бухарцеву. Он прохрипел слова любимой саперной песни: «Там, где пехота не пройдет, пройдут отважные саперы». Потом отвернулся, застонал, затих.

Какие погибают люди!

Мы устроились на ночлег в сарае с сеном. Саперы продолжали работать. Они работали всю ночь до утра. Меня мучает мысль, что, в сущности, мы мало знаем друг друга. Что я знаю о своих товарищах? Не говоря уже о бойцах других подразделений, разведчиках, саперах, с которыми мы так крепко связаны. Даже в своей роте я не всех знаю. А ведь я теперь парторг. В дивизионной разведке у нас как-то больше было открытых разговоров. Правда, и времени тоже.

Все спят непробудным сном. Успокаиваю себя тем, что тогда стояли в обороне. Сейчас другой ритм жизни, не до разговоров. Заснула и я. Совесть в свое оправдание всегда найдет себе

лазейку.

1-е ноября.

Повеяло зимой. Запорошило землю мелким снегом. В глубоких фрицевских траншеях, ожидая новых контратак, под взрывами снарядов уплетаем горячий, наваристый суп. Молодец наш Никифорыч! Искусный повар. Ухитряется даже пирожки (очень вкусные — с картошкой, с перцем!) доставить нам в траншеи.

В первом батальоне уже началось. Скоро, видно, и к нам полезут бандюги. Пальба идет отчаянная! Я слышу шум моторов, лязг гусениц. Значит, немцы бросили в контратаку танки. Бойцы, те, кто уже пообедал, еще раз проверяют диски автоматов, готовят противотанковые гранаты. В глубине нашей обороны летят немецкие самолеты. Зенитки встретили их плотным огнем. Навстречу фашистам взвились наши «ястребки». Идет воздушный бой. Рядом со мною стоит младший лейтенант Лозовой и командир роты Питайло. «Вот если бы подбитый немец упал здесь, около нас! — мечтают они вслух. — Солидный был бы «язык»!»

Один стервятник уже сгорел и камнем упал где-то в нашем тылу. Ого! Загорелся другой. С огненным хвостом летит в нашу сторону.

Пока все. Допишу потом!..

Стервятник с оглушительным воем вынырнул из-за леса, пролетел через высоту над нашими головами и упал метрах в двухстах от нас.

Мы помчались к самолету. Немцы прекратили артиллерийский обстрел. Тоже ползут сюда. В горячем самолете взрываются патроны. Немцы думают, что это мы бьем. Открыли огонь прямо по своим летчикам. Кабину самолета охватило пламенем. Лейтенант Питайло выдвинул пулеметчиков вперед. Под прикрытием их огня бойцы забрались в кабину, вытащили оттуда двух здоровенных гитлеровцев. Одежда на них сгорела, у обоих летчиков обгорели руки, ноги. Один из них дышал. Пытались привести его в чувство, однако уже было поздно. Забрали у летчиков документы, планшеты с картами. Сколько разговоров! Увидели близко немецкий самолет, можно сказать, руками пощупали.

Вскоре все вокруг уgomонилось. Немцы уползли восвояси. В первом батальоне наступила тишина.

К нам в роту пришел корреспондент дивизионной газеты «За отчизну» Смыслов. Он рассказал о боевых делах всего полка. Героически отражают контратаки противника бойцы первого батальона. Группе немцев удалось прорваться к санвзводу, где

лежали раненные. Санинструктор батальона Шура схватила пулемет, дала несколько очередей, а потом повела за собой в атаку раненых, которые еще могли стоять на ногах. «Написать об этом, никто не поверит!» — восклицает Смыслов.

Вдруг кто-то замечает, что возле обгоревшего самолета копошится не то немец, не то наш.

— Не стрелять! — приказывает Питайло.

— Кто там? Эй!

— Вер ист да?

— Да это я! Неужели не узнали? — раздается звонкий девичий голос.

— Да это Шура, санинструктор!

Подходит улыбающаяся Шура.

— Легка на помине!

— Какого ж ты черта там лазаешь! — возмущаются ребята. — Ведь мы тебя чуть не пристрелили!

— Да вот смотрела на летчиков, думала, авось я их приведу в чувство, да где там, совсем обгорели...

Шура прыгнула к нам в траншею.

— Ведь вы же герой, Шура! — с восторгом восклицает корреспондент.

— Ну уж и герой! — насупилась Шура. — Чего придумал!

3-е ноября.

Какое-то серое утро. Мокрый снег. Шинель промокла. Впрочем, она, кажется, никогда и не была сухой.

Хилый костер. Едва-едва тлеют сырые дровишки. Котелки на длинной палке. Варится картошка. Мы голодные, как волки. Не дожидаясь, когда сварится картошка, вылавливаем ее из котелков и, обжигаясь, глотаем полусырую. По опушке в кустарниках движется дивизионное начальство. Идут прямо к нам. Впереди начальник штаба дивизии полковник Завадский.

— Все воюете, товарищ Аверичева! Боюсь я за вас... Вот и с подружкой вашей нехорошо получилось... Да разве вы не знаете? Лаврова ушла в разведзвод 1340 полка и в первом же бою погибла...

Костер погас. Давно все разошлись по траншеям. Я не могу встать с места. Что-то во мне оборвалось. Погибла Валя. Погибла Валя Лаврова!.. Погибла еще 25-го октября. В страшных муках. Тело ее осталось у гитлеровцев.

Валя, Валя. Дорогой товарищ, Валя Лаврова!..

5-е ноября.

Вернулась из политотдела дивизии, с семинара партторгов рот. Заместитель командира по политчасти 1340 полка майор Величкин рассказал о трагедии полковой разведки, о страшной

гибели Валентины Лавровой.

Их было тринадцать. Начальник штаба полка майор Лавров, помощник начальника штаба по разведке полка капитан Коган и одиннадцать разведчиков. Из штаба дивизии сообщили: гитлеровцы покинули оборону и высота 201,2 возле озера Немцево — Задрач свободна. Поступил приказ: немедленно занять высоту. И разведчики вошли в траншеи противника действительно без единого выстрела. Разошлись по блиндажам. Всюду пусто, никого нет. Два молодых, еще не обстрелянных бойца вбежали в огромный блиндаж со стеклянной дверью и увидели, что блиндаж набит немцами и белорукавниками — власовцами. Они делят водку, спорят, кричат. Разведчики растерялись. Вместо того чтобы швырнуть туда одну-две противотанковые гранаты, они от неожиданности крикнули: «Немцы!»

Гитлеровцы выскочили к пулеметам и стали бить по нашим разведчикам, поднимавшимся на высоту. Майор Лавров и капитан Коган рванулись на помощь своим бойцам, но тут же были сражены пулеметным огнем. Только вечером удалось вынести с поля боя истекающего кровью Лаврова и убитого Когана. А ночью приползли два раненых разведчика, которые и рассказали обо всем случившемся. Они, раненые, заползли в воронку и оказались свидетелями гибели своих товарищей. Лаврова была от них в пятнадцати шагах. Несмотря на ранение в грудь, она продолжала ползти к немецким траншеям. Пьяные гитлеровцы добивали на поле раненых бойцов. Здесь же бегали и предатели — власовцы. Они кололи кинжалами наших раненых.

— Тоже смельчаки! — орали власовцы. — Пацанье!

Бойцы, укрывшиеся в воронке, окликнули Валю:

— Ползи к нам!

Но в это время бандиты заметили ее.

Смотри-ка, баба! — завизжали они.

Валентина произнесла свои последние слова:

— Вот, Валька, и конец твой пришел!

Раздалась автоматная очередь. Наступила тишина. А потом бандиты с криком и воплями схватили Валю за ноги, поволокли к траншее. Они положили ее и двух раненых разведчиков на бруствер, кололи их кинжалами, стреляли в упор из пистолетов...

Завтра наступление. Мы отомстим за тебя, Валентина!

6-е ноября.

Сегодня ночью мы вышли на рубеж обороны в район Болтуновка — Хвошно. Дивизия начала освобождать Белорусскую землю. Завтрашний Октябрьский праздник будем встречать в бою. Что ж, наша революция родилась в бою, и мы защищаем ее в бою.

12-е ноября.

Ночью стояла на посту. После очередного артиллерийского налета и лихорадочной пулеметной пальбы наступила тишина. Время ползло медленно и нудно. Чтобы не заснуть, занялась этюдами на внимание, и это помогло. Уже приближался срок смены постов, когда я услышала хруст снега, а вслед за этим увидела силуэты приближающихся солдат. Навьюченные термосами, мешками с продуктами, они шли, вполголоса переговариваясь между собой. Я знала точно, что это идут старшины рот из хозяйства батальона, да и по отборной русской речи было ясно, что это родная пехота. Но для порядка я их окликнула как можно строже: «Стой! Кто идет?» Они продолжали идти, не обращая на мой оклик ни малейшего внимания. Меня это задело. Я выскочила из укрытия и закричала:

— Стой! Стрелять буду!

— Мытрий, дывысь, який хрозный хлопчик! — добродушно проговорил пожилой солдат.

— Солдат как солдат, а голос бабий, — ответил молодой, и они неторопливо двинулись к своим траншеям.

14-е ноября.

Сегодня было открытое партийное собрание. На подготовку его мы с Питайло мобилизовали всю роту. Ребята помогли мне привести в порядок землянку. Я всеми правдами и неправдами набрала в политотделе полка множество плакатов и лозунгов. Обвешали ими все стены землянки. А младший лейтенант Лозовой раздобыл где-то трофейный аккумулятор с маленькими лампочками и устроил настоящее электрическое освещение. Все пришили чистые подворотнички. Натопили докрасна печурку. Было необычайно уютно и празднично. Ребята заняли места на нарах и запели. Пришел член партбюро полка Чурилов:

— Ну что ж, парторг, начнем, пожалуй!

Я объявила собрание открытым. Начали с изучения доклада товарища Сталина. После собеседования приняли в кандидаты и члены партии Иванова, Казакова, Сыстерова, Плошкина. Я как парторг испытываю чувство удовлетворения: мне кажется, собрание удалось. И у ребят настроение приподнятое.

10-е декабря.

Дивизия ведет бесконечные бои и преследует отступающего противника.

13-е декабря.

Наступление продолжается. Советская Армия бьет и в хвост и в гриву немецких оккупантов. Наша дивизия, прорвав сильно укрепленную оборону противника на рубеже Алексеенки — Хвошно, освободила до 30 населенных пунктов, в том числе

Хвошно, Фролово и железнодорожную станцию Бычиха.
Мы мстим за тебя, Валентина!

5-е января.

Вместе с нами идет в наступление 1944 год! Прости меня, мой дорогой дневничок! Не писала целую вечность, потому что не было никакой возможности. Кавалерийские части внезапной атакой, прорвав оборону противника, стремительно гонят немцев на запад. Идут ожесточенные бои.

25-е января.

Метет пурга. Дорогу заносит снегом. Мимо искалеченных сел и деревень дивизия без отдыха спешит вперед и вперед. Кругом огненное море. От разрывов снарядов и мин, от яростной бомбежки авиации земля ходит ходуном. В такой обстановке, прямо на марше, полк принял новое пополнение. В роту к нам пришли молодые, совсем не обстрелянные солдаты. При каждом артналете они готовы броситься куда угодно, упасть, зарыться в землю. Мы их подбадриваем, да и, глядя на нас, они помаленьку успокаиваются.

А темп марша настолько быстр, что мы почти бежим. То и дело слышится: «Подтянуться!.. Подтянуться!..»

Мы провели партсобрание роты, летучку.

— Положение сложное! — сказал командир роты Питайло. Прямо с марша нас бросают в бой. Попасть необстрелянному солдату сразу в этот ад крошечный — немудрено и трусом оказаться! Да и нам, коммунистам, трудно вести людей в бой, когда мы не знаем, на что способны наши новые бойцы!

Постановили: прикрепить к каждому члену партии по два-три вновь прибывших солдата. Быстро, не нарушая движения колонны, рота перестроилась так, что рядом с каждым большевиком, опытным автоматчиком, идут молодые солдаты. Мы должны передать им свои знания, воспитывать их в духе боевых традиций нашей роты.

Ребята все время около нас, даже во время привала мы не отпускаем их от себя. Они почувствовали, что у них есть товарищи. Стали спокойнее, даже храбрятся. При артналетах уже не мечутся по колонне, а идут с нами. Со мной идут: Федор Гладких, Иван Каюков и Николай Перепелица, или Коля-

Тараканчик, как его уже успели прозвать в роте. Прозвище ему дали за то, что на его довольно упитанном, румянном мальчишеском лице смешно торчат в стороны острые, черные усики, точь-в-точь как у таракана. Мои подшефные просто молодцы. Кроме всего, неудобно передо мной, женщиной, им, мужчинам, праздновать труса.

Трудно молодым. Очень трудно. Вот уже который час шагаем без отдыха. Кухня еще вчера где-то отстала. Мы третьи сутки без горячей пищи. Но мои ребята даже улыбаются, а Коля-Тараканчик, так тот даже подмигивает: «Я, мол такой, как вы... И очень, мол, здорово у вас, здесь, на фронте».

Наш полк давно отделился от общей колонны дивизии. Шагаем все быстрее и быстрее.

— Подтянись! — все чаще и чаще слышится команда. Хлопьями мокрого снега залепляет лицо, глаза. Наконец останавливаемся на привал. Забираемся под одну-единственную крышу сарая, вернее под навес, и разжигаем костерок. Надо просушить одежду да обогреться. Мои подшефные падают на голую землю и моментально засыпают. Нигде нет ни клочка соломы или сена — прошла кавалерия, все подобрала подчистую.

Смотрю, стоят две кухни и тут же повар. Он забирается на ветхую крышу и смотрит в бинокль. Оказывается, ждет своих ребят-танкистов, а они в бою.

— Пора ужин закладывать, а у меня и завтрак, и обед не розданы! — волнуется парень.

— А у нас ребята третьи сутки ничего горячего не ели. Накормите нашу роту! — жалобно прошу я его.

— Ну что ж, не пропадать же добру! — восклицает парень. А ну поднимай своих ребят, да поскорее! А танкистам своим я сварганю что-нибудь свеженькое!..

Сонные, едва держась на ногах, подходят автоматчики с котелками к кухне танкистов. После горячего картофельного супа с мясом, после вкуснейшей пшенной каши мы все засыпаем, расположившись у костра.

Просыпаюсь от холода. Костер едва тлеет, дрожу всем телом, а подняться нет сил. Согреешь спину, замерзнет все остальное, повернешься — замерзает спина.

— Девушка, идите к нам! — доносится женский голос. — В нашем углу тепло!..

Я еще не проснулась, ничего не вижу, но ощущаю дуновение тепла... Дрожа от холода, с закрытыми глазами волоком тащу за собой плащ-палатку, автомат...

— Софья? Соня!.. Ты? — спрашивает тот же голос.

Открываю глаза. Вокруг железной печи сидят несколько

офицеров. Около них светловолосая, худая женщина с погонями лейтенанта. Удивительно знакомое лицо. Кто это? Да это же Маруся Морозова! Редактор ярославской комсомольской областной газеты!

Морозова бросается ко мне. Обнимаемся, целуемся. Около печки ее новые друзья из редакции дивизионной газеты, в которой она сейчас работает. Мы сидим, обнявшись у раскалившейся докрасна печки. Потом Маруся помогает мне зашить мой продырявленный (когда-то белый!) маскхалат. В три часа ночи команда «Поднимайсь!» Мы с Марусей на прощанье целуемся. Снова наш полк вытягивается в длинную ленту. Маруся машет мне рукой. Их дивизия отходит, а мы идем им на смену.

— Прощай, Маруся!

Все ближе и ближе передовая. Деревня Жеребичи. Плают дома. Церковь и школа — единственно уцелевшие здания. Церковь переполнена ранеными и убитыми. На ледяном полу беспомощно лежат раненые, ожидая эвакуации. От школы до церкви — одна секунда, только перейти дорогу, но эта секунда может стоить жизни. Улица загромождена подбитыми, подожженными танками, повозками, орудиями. Везде туши убитых лошадей. Некоторые лошади еще живы, они стонут, как люди. Лошадиные глаза полны ужаса и боли.

Командир роты Питайло до получения дальнейших распоряжений приводит роту в укрытие под школу, в подвал с картошкой. В дальнем углу сидит женщина с детьми. Вокруг здания бушует огонь. Немец бьет и бьет без передышки. Приземлились и сразу же погрузились в сон. А когда я проснулась, вижу: в подвале тесно и шумно. Сюда втиснулись радисты различных родов войск. Каждый кричит свои позывные, вызывает подразделение. Здесь же размещается и КП нашего полка. Полковник Мошкин около рации. Женщина с детьми совсем забилась в угол.

— Товарищ старший лейтенант, как только прекратится огонь, мамашу с детьми сами лично эвакуируйте в тыл. Ясно? — приказывает полковник адъютанту.

— Есть эвакуировать!..

Женщина заплакала. Из угла встала тоненькая девочка в длинном сером платье, повязанная по-старушечьи платком.

— Дяденька!.. Куды ж ты нас гонишь с мамой? Не выгоняй нас!

Девочка подошла к командиру полка и доверчиво к нему прижалась. Все замерли. Связисты прекратили работу. Полковник Мошкин, суровый и мрачный, чтобы скрыть свое волнение, почти закричал:

— Ну, хорошо, мамаша, оставайтесь здесь! Да только как бы вам не пришлось потом раскаиваться!

Вздых облегчения вырвался у всех. Заработали радисты, заговорили, зашумели сразу все. Через несколько минут рота получила задание двигаться вперед и занять оборону. У самого выхода мы столкнулись с разведчиками артиллерии, теми самыми замечательными ребятами, которые после боев за деревню Дорохи приютили, обогрели, накормили меня. Встретились мы, как старые друзья. Один из них совершенно серьезно сказал нашему командиру роты: «Оставьте Софью здесь!» — «Как это оставьте?» — недоумевает командир роты. Все расхохотались.

Мы уже пробирались по улице, когда тот самый разведчик артиллерии, который просил меня «оставить», догнал нас и сунул мне в руку шерстяные варежки.

— Возьми, пожалуйста, это мама мне их прислала!

— Спасибо! — сказала я растерявшись.

— Адрес-то ваш мы не знаем.

— Полевая почта 11078-с!

— А твой домашний адрес?

— Город Ярославль, театр имени Волкова.

— Театр? Почему театр? — недоумевает разведчик.

— Как почему! — загудели ребята. — Артистка она у нас! Артистка!..

Мне показалось, он удивился. Отчего это всех удивляет актриса на фронте?

Мы заняли оборону на голой высоте. Ни кустика, ни бугорка. Ночь темная, морозная. До рассвета приказано углубить траншеи и соединиться ходами сообщения с батальонами. Работаем с полной самоотверженностью. Пот льет градом. Наши молодые автоматчики не отстают. Скоро и они примут боевое крещение.

Так увлеклись работой, что не заметили, как прошла ночь. Немцы как будто стихли. Но с четырех утра опять началась молотобойня. Недалеко от нашей обороны у противника железнодорожная станция. Немец подводит бронепоезда и лупит оттуда по всей нашей обороне. Нас все время обсыпает комьями земли. Мы спорим, из каких орудий бьет фриц: из «скрипухи» или «андрюхи».

— Немец бьет из шестиствольных минометов, дуры вы головы! — кричит лейтенант Питайло.

— А что такое шестиствольный? Это «скрипуха» или «андрюха?»

— Так «андрюха» — это ж наше орудие, — говорит Михаил Плошкин. — Эх ты, Андрюха!

Солдаты любят давать имена пушкам и минометам, хотя они им несут смерть. Есть у нас пушка «ванюха», а царица артиллерии получила имя катюша. На нашем участке фронта катюша дает немцам «прикурить».

Двадцать контратак предпринял немец за сутки. Полк героически выдержал этот натиск. Немцы не продвинулись ни на шаг. На следующий день противник продолжал бить с утра до вечера, потом неожиданно, сразу, наступила тишина. Командир полка Мошкин приказал нашему командиру выдвинуться с ротой вперед, чтобы вести непрерывное наблюдение за противником.

Полковник Мошкин — опытный офицер, прошедший трудную жизнь солдата нескольких войн. Он не поверил этой подозрительной тишине. И был прав. Едва мы успели окопаться, фашисты начали новый артиллерийский налет, обрушив на наши позиции всю мощь своей огневой системы. До этого наша молодежь держалась, а тут дрогнула. Ваня Каюков и Федя Гладких упали на дно окопа, прижались друг к другу, лежат не двигаясь. Конечно, в таком аду трудно выстоять и бывалым солдатам, тем более ночью. Ночью всегда тяжелее. Немец бил в течение нескольких часов. Когда кончился этот артиллерийский смерч, мы поначалу оглохли, не слышали друг друга. К нам подошел командир роты. Вытирая платком грязь с лица, он говорит: «Айда, парторг, проверять моральное состояние роты!»

Автоматчики, отряхиваясь от грязи, выбрасывают из траншей глыбы земли, камни, пытаются шутить:

— Ну и ну, вот это дает проклятый фриц!

— Душу вывернул наизнанку...

— Что это они, взбесились!..

— Доглядайтэ получше! — говорит Питайло. — Немец сейчас znovu пойдет в контратаку.

Слева, со стороны деревни Новоселки, в районе обороны 1340 полка послышался лязг гусениц, рев моторов, затем пьяные выкрики немцев. Мы слышим перестрелку, но наладить связь не можем.

Появились раненые. Они отходили в тыл и нередко попадали к нам. Бой продолжался весь день, а с наступлением темноты снова поток раненых. По приказу полковника Мошкина поползли к ним на помощь.

Утром нас отыскал повар Никифоров. Разливая черпаком из термосов водку и горячий суп, он рассказывал:

— От деревни Жеребичи ничего не осталось. Немцы снесли церковь и школу. Раненые, кого не успели эвакуировать из церкви, погибли. В школьный подвал прямое попадание через окно. Погибли артиллеристы-разведчики и мамаша с детьми...

Все подавлены, все молчат. Я гляжу на мои шерстяные варежки и слышу голос:

— Возьми, пожалуйста, это мама мне их прислала!..

28-е января.

Битва за Белоруссию продолжается. Наше подразделение сосредоточилось на исходном. Мы в траншеях капитана Данилова. В небе самолеты. Они прорвались через плотное огневое кольцо зениток противника и бомбят железнодорожную станцию. Через наши головы пролетают снаряды, шуршат эрэсы.

— Катюша! Милая! Давай, давай, катюша!..

— Вот катюша!

— Вот «андрюша!»

— А вот и наш «иван»!

Полк рванулся в атаку. Смяли первую, вторую линии обороны, ворвались в глубину. Гитлеровцы пытаются ходами сообщения прорваться в первую линию траншей, чтобы замкнуть кольцом нашу пехоту. Но с флангов ринулись наши подвижные группы автоматчиков. Дружным и точным огнем мы настигаем гитлеровцев.

— У-ра-ра! У-р-а! Товарищи! Бей фашистов!

Большевики — впереди, а рядом с нами крепко держат в руках автоматы молодые наши бойцы. Они с честью выдержали боевое испытание.

Высота за нами!

29-е января.

По открытому полю пробираемся на правый фланг, в соседнее подразделение. Нам приказано соединиться с ним. То впереди, то сбоку, то позади падают мины и поднимаются столбы из огня и земли. Ползком и перебежками добираемся до глубоких траншей. В темноте я открываю дверь землянки и в изумлении опускаюсь на порог. Около рации освещенные тусклым светом гасика бойцы и командиры слушают музыку из Москвы. Новое неизведанное чувство наполнило мою душу. Звучит знакомая мелодия. Чайковский!

В этой музыке не смерть, а жизнь ради счастья человеческого.

30-е января.

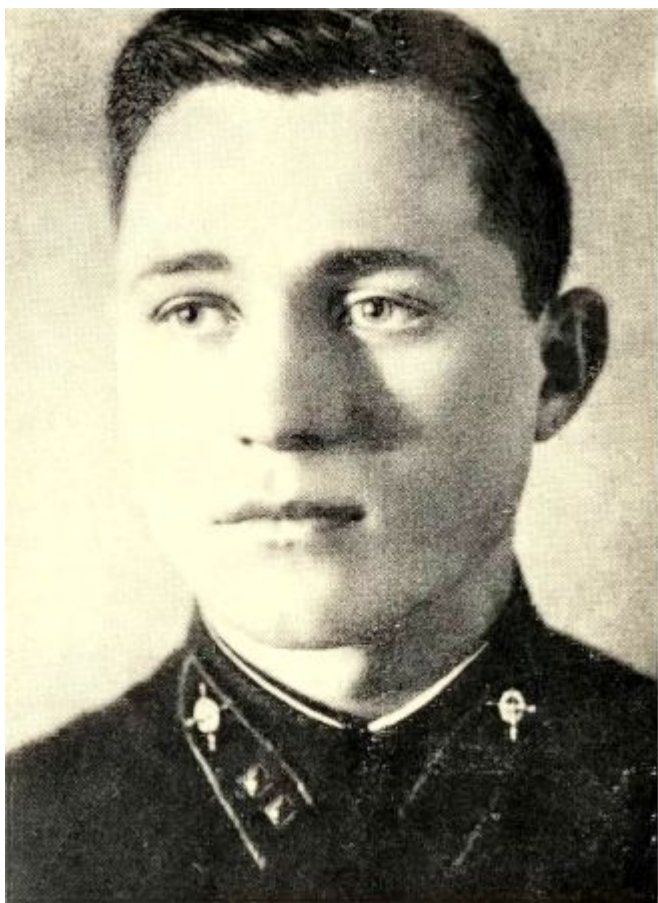
Настроение чудесное. На моих глазах рождается долгожданная победа, выстраданная ценою огромных жертв нашего народа. Пробил час возмездия. Идет большое, настоящее наступление.

Сейчас нет ни времени, ни возможности вести дневник. Надолго прощаюсь с тобой, мой милый спутник, которому поверяла свои горести и радости, свои мечты и надежды. Впрочем, радостей было не так уж много. Как видно, мы охотней

делимся нашими бедами и горестями, чем радостями. Наше наступление — это радость всего советского народа и вместе с тем — моя личная радость.

Прощай, мой дневник, мой боевой товарищ! Вернее, до свидания, до новых — надеюсь, радостных — встреч!

Иллюстрации

*Лейтенант Докукин Иван Афанасьевич после окончания
Подольского пехотного училища. 1941 год*

Старший лейтенант Докукин Иван Афанасьевич — командир

отдельной дивизионной развед. роты 234 с. д. 1942 год

*Командир взвода развед. роты старший лейтенант Васильев
Петр Ильич*

*Командир развед. роты младший лейтенант Полешкин
Николай Павлович. 1942 год*

*Командир взвода развед. роты младший лейтенант Ивченко
Яков Тарасович*

Разведчик старшина Михаил Кукуев

Санитарный инструктор развед. роты Анна Тюканова

Командир дивизии полковник Турьев С. И. и комиссар дивизии старший батальонный комиссар Смирнов М. П. беседуют с разведчиками перед выходом на задание. 1942 год

Разведчица Валентина Лаврова

Разведчик Владимир Чистяков (фото 1940 г.)

Разведчик Михаил Голубев

Разведчик Алексей Сотсков

Разведчик Василий Талдыков (фото 1959 г.)

*Елизавета Ефимовна Жильцова. Смоленская обл.
Пречистинский р-н (фото 1959 г.)*

Командир стрелкового батальона капитан Сташкевич А. С. и начальник дивизионного клуба политрук Манский Д. М. (бывший художественный руководитель театра им. Ф. Г. Волкова)

Разведчик сержант Леонид Зинин

Разведчик Дмитрий Ершов

Разведчик Алексей Федоров (фото 1943 г.)

Разведчик Юрий Романов (фото 1941 г.)

Разведчики отправляются на выполнение задания в район д. Зазерье 1 августа 1942 г.

Разведчик Алексей Зернов

Разведчик Борис Барышников

*Помощник командира взвода старший сержант Борисов М. С.
(фото 1943 г.)*

Разведчик старший сержант Иван Козырев (фото 1943 г.)

Разведчик Лев Маслов

Сапер младший сержант Константин Цопко

Командир 1342 с. п. майор Озерский В. М. и командир отделения роты автоматчиков старший сержант Ляльченко П. Ф.

Заместитель командира полка по полит. части старший политрук Орлов Л. С.

Командир роты автоматчиков капитан Михаил Печенежский

Офицеры штаба полка, слева направо: начальник связи полка лейтенант Н. К. Горбунов, переводчик лейтенант Н. А. Цыбатов, начальник штаба майор Третьяков, пом. нач. штаба мл. лейтенант А. И. Митин, начальник артиллерии полка капитан Н. А. Новиков

Командир роты автоматчиков ст. лейтенант А. П. Питайло

Командир отделения роты автоматчиков младший сержант З. И. Бугаев

Парторг полка капитан Панов проводит беседу с группой автоматчиков перед выходом на задание

Автоматчики Н. Михайлов и В. Ложко

*Начальник штаба стрелкового батальона старший лейтенант
Митрофанов В. П.*

Старший врач полка капитан мед. службы Трофимова Ф. Д.

Медицинская сестра Антонина Мишута

Медицинская сестра Тамара Красавина

Санитарный инструктор старшина Питеряков А. П.

20 2000

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯРОСЛАВЛЬ 1966